

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЛЕСОСИБИРСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

**ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник научных статей

ВЫПУСК 7 (16)

**Красноярск
СФУ
2016**

УДК 491.7
ББК 81.2 Рус
Ч 391

Редакционный совет:

И.В. Евсева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации ИФиЯК СФУ

М.В. Веккесер, кандидат филологических наук, доцент, зав. лабораторией теоретической и прикладной лингвистики, доцент кафедры русского языка и литературы ЛПИ – филиал СФУ

С.В. Мамаева, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы ЛПИ – филиал СФУ

Ч 391 Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. // VII Международные (XXI Всероссийские) филологические чтения памяти проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) [Электронный ресурс]; отв. и научный ред. проф. Б.Я. Шарифуллин. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. – Вып.7 (16). – 257 с.

ISBN 978-5-7638-3463-5

В данном научном издании представлены работы ведущих учёных, преподавателей, аспирантов и студентов, отобранные для VII Международных (XXI Всероссийских) филологических чтений, посвященных памяти профессора кафедры русского языка Лесосибирского педагогического института Раисы Тихоновны Гриб. В разделах сборника публикуются статьи, рассматривающие различные вопросы взаимодействия человека, языка и культуры в теоретическом, историческом и методическом аспектах как на уровне речевой коммуникации, так и на уровне текста и дискурса.

Первые пять выпусков выходили под названием «Русский язык: Теория. История. Риторика. Методика», выпуски 6-9 – под названием «Теоретические и прикладные аспекты современной филологии».

Сборник научных трудов предназначен для преподавателей вузов, студентов, магистрантов, аспирантов филологических факультетов, учителей общеобразовательных школ и для всех, кто интересуется проблемами взаимодействия человека и его языка в коммуникативном пространстве.

Сборник постатейно размещён в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ.

ISBN 978-5-7638-3463-5

© Сибирский федеральный университет, 2016
© Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	6
Наши авторы	7
КОММУНИКАЦИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ	10
Бочарова Т.И. Застольное слово как PR-жанр в корпоративной коммуникации	10
Булгакова Н.Е., Веккесер М.В., Автушко Л.И., Фалилеева А.А. Прозвища как средство речевой агрессии в политическом дискурсе	14
Голованова Е.И. Образ врага в народных песнях о великой отечественной войне	20
Евсеева И.В., Пономарёва Е.А. Механизмы номинации дериватов в лексико-словообразовательном гнезде: Признаковый подход	27
Рубцов С.С. Семёнов В.И., Семёнова Е.В. Никнейм в информационном пространстве как игровая разновидность антропонимов	35
Самотик Л.Г. Модные слова в современном социуме	41
Шарифуллин Б.Я. Инвективные жанры мужской и женской коммуникации	50
Шарифуллин Б.Я. Русские речевые игры в интернет-контексте. Этюд 2: ономастика Украины	63
КОММУНИКАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	72
Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А., Лобарева В.С. Интертекстуальность как прием создания художественного мира романа А. Картер «Любовь»	72
Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А. Рецепция Н.В. Гоголя в драматургии Н. Коляды	78
Мазурова Н.А., Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Особенности творческой манеры К. С. Паустовского (на примере книги «Мещерская сторона»)	83
Попова Т.П. Путь к Храму в творчестве Марины Распуткиной	88

Смирнова Г.В. Особенности употребления цветообозначения «черный» в произведениях В.П. Астафьева	93
Фалилеева А.А., Веккесер М.В. Своеобразие пейзажных описаний в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр»	98
Чуруксаева А.А., Ростова М.Л. Особенности функционирования фразеологических единиц произведениях П. Г. Вудхауса	103
Шарифуллин Б.Я. Русская сказка в когнитивно-сопоставительном аспекте. Этюд 1: «Теремок»	108
КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ	117
Голованов И. А. Мифологическое моделирование образов в народной исторической прозе Урала	117
Смолина А.Н. Благопожелание в духовных письмах русских церковных писателей (на материале писем в Россию архимандрита Софрония)	125
Шаповал В.В. Лексикографический фантом или всё-таки лексический раритет?	134
Шетэля В.М. О «говорящих» названиях различных типов кораблей в русских текстах XIX века как свидетельство ушедшей эпохи	142
Яковлева Е.А., Ирнazarов Э.Н. Наименования стрелкового оружия в русском языке: специфика терминологии	146
СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	152
Автушко Л.И., Веккесер М.В., Фалилеева А.А. Приёмы работы над сочинением сказок в начальной школе	152
Ахтамова С.С. Формирование основ информационной культуры будущего педагога на основе задачного подхода	160
Басалаева Н.В., Захарова Т.В. Проблема сопровождения интеллектуально одаренных школьников в условиях современного образования	166
Демидова Т.Г. Обучение, воспитание и развитие детей через авторские сказки	172

Дидух О.А., Шарифуллин Б.Я. «Ave, Maria»: из опыта преподавания латинского языка в Православной гимназии	177
Захарова Т.В., Басалаева Н.В. Диалог как образовательная технология: взгляд на проблему	183
Киркинская Т.И. Моделирование урока русского языка как природодосообразного учебного действия	188
Мамаева С.В., Артюхова Т.Ю., Жаркова В.А. Научно-внедренческая площадка как инновационная форма развития профессиональных компетенций педагогов дошкольной организации в рамках сетевого взаимодействия	194
Мамаева С.В., Шмульская Л.С., Славкина И.А. Ресурсные возможности филологической школы для развития способностей старшеклассников	200
Пеленков А.И. Использование языка обобщающей символики в математической подготовке будущего учителя начальной школы	205
Подберёзкина Л.З. Мотивация как способ управления качеством обучения (гуманитарный аспект)	211
Чудаева Н.Л. Структурный разбор слова в учебно-лингвистической литературе и его типичные трудности	221
ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ	228
Иордан К.С., Семёнова Е.В. Концептуальная метафора как средство создания образа страны в американском политическом дискурсе	228
Мазуров К.В., Немчинова Н.В., Мазурова Н.А. Терминологические эквиваленты в терминологии футбола английского и русского языков: функциональный аспект	234
Проскурина А.В. К вопросу о внутренней форме телеутского языка	240
Шарифуллин Б.Я. «Woman» в поэтическом рок-дискурсе Джима Моррисона	249

ОТ РЕДАКТОРА

Данный сборник научных статей содержит материалы, представленные в качестве докладов на VII Международные (XXI Всероссийские) филологические чтения, посвященные памяти профессора кафедры русского языка Лесосибирского педагогического института Раисы Тихоновны Гриб. С 2010 года мы начали новый отсчёт нумерации выпусков материалов Филологических чтений уже как научных сборников, зарегистрированных в РИНЦ.

География Филологических чтений (мы их называем ещё Грибовскими) постоянно расширялась. Кроме красноярских, кемеровских, томских, иркутских, абаканских, канских филологов свои статьи присылают учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Челябинска, Тюмени, Уфы, Архангельска и других российских городов.

География Чтений в 2010 году вышла за границы России. На очных и заочных конференциях принимали участие учёные из Германии, Швеции, Финляндии, Австрии, Польши, Китая, Украины, Казахстана, Киргизии. Статус Международной конференции подтверждается и нынешними Чтениями.

Расширялась не только география, но и проблематика Чтений. Сначала к нам, лингвистам, естественным образом присоединились литературоведы, особенно после объединения наших кафедр. Потом подтянулись историки, педагоги, психологи, социологи, журналисты и даже математики с физиками. Таким образом, мы сняли противоречие между «физиками и лириками». Видимо, благодаря нынешнему наименованию Чтений «Человек и язык в коммуникативном пространстве». Коммуникация (в широком смысле – как наука об общении, и в узком – как некоторое пространство межличностного взаимодействия) – это то, что всех нас объединяет, независимо от пола, возраста, этнической или конфессиональной принадлежности, в конце концов – профессии и рода деятельности. Данный выпуск сборника это хорошо иллюстрирует. Например, традиционный раздел «Современные научные парадигмы и проблемы образования», восходящий к первоначальной рубрике «Методика преподавания русского языка в школе и вузе», включает работы учителей и преподавателей словесности, математики, информатики, педагогики и психологии, изобразительного искусства.

Б.Я. Шарифуллин

Наши авторы

Автушко Людмила Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики ЛПИ – филиала СФУ, г.Лесосибирск, Россия

Артюхова Таьяна Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе ЛПИ – филиала СФУ, г.Лесосибирск, Россия, tartjuchova@mail.ru

Ахтамова Светлана Станиславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики и информатики ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, ahtamova-ss@mail.ru

Басалаева Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития личности ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, basnv@mail.ru

Бахор Тамара Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, декан филологического факультета ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, tamarales@mail.ru

Бочарова Татьяна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, политологии и социальных технологий ФГОУ ВПО «Московский государственный университет путей сообщения» (МИИТ), г. Москва, Россия, tan.bocharova@gmail.com

Булгакова Надежда Евгеньевна, кандидат филологических наук, заместитель директора МБОУ «СОШ №9 г. Лесосибирска», г. Лесосибирск, Россия, bulgakova2163@mail.ru

Веккессер Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, заведующий учебно-исследовательской лабораторией теоретической и прикладной лингвистики ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, vekkesser2012@yandex.ru

Голованов Игорь Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, ligol@csu.ru

Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, ligol@csu.ru

Демидова Татьяна Гавриловна, воспитатель МАДОУ «Детский сад № 9 "Калинка" г. Назарова», г. Назарово, Россия, detaga@mail.ru

Дидух Олеся Александровна, преподаватель русского языка, литературы, классических языков, зам.директора НОУ «Лесосибирская православная гимназия», г. Лесосибирск, Россия, olesydi@yandex.ru

Евсеева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка, литературы и речевой коммуникации ИФиЯК Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия, ivevseeva@yandex.ru

Захарова Татьяна Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики и информатики ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, ta.zaharova@mail.ru

Зырянова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, заместитель декана филологического факультета ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, onzyryanova@mail.ru

Иордан Кирилл Сергеевич, студент 3 курса филологического факультета ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, elenacs@mail.ru

Ирназаров Эмиль Наильевич, аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия, eyakov@mail.ru

Жаркова Вера Александровна, заведующий МБДОУ «Детский сад №41 "Лесная сказка" г.Лесосибирска», г. Лесосибирск, Россия

Киркинская Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия, Tatiana.kirk@yandex.ru

Лобарева Вера Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, v.lobarewa2010@yandex.ru

Мазуров Константин Викторович, ассистент кафедры иностранных языков ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия

Мазурова Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, nadezhda.mazurova.59@mail.ru

Мамаева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, svmamaeva@mail.ru

Немчинова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений ИФиЯК Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия, natalyales.84@gmail.com

Пеленков Александр Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, pelenkov@mail.ru

Подберёзкина Лилия Зуфаровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации ИФиЯК Сибирского федерального университета, директор лингвистического Экспертно-консалтингового центра ИФиЯК СФУ, г. Красноярск, Россия, Lilli@akadem.ru

Пономарева Екатерина Александровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений ИФиЯК Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия, kolokolnikova88@mail.ru

Попова Тамара Павловна, главный редактор художественно-публицистического альманаха «Радуга» Лесосибирского городского народного литературного клуба, член Союза журналистов РФ, г. Лесосибирск, Россия, tomus19@mail.ru

Проскурина Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово, Россия, proscurina@yandex.ru

Ростова Марина Леонидовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, rostovaml@rambler.ru

Рубцов Сергей Сергеевич, студент 3 курса филологического факультета ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, elenacs@mail.ru

Самотик Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия, samotiklg@mail.ru

Семёнов Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры современного естествознания ЛПИ – филиала СФУ, профессор РАЕН, г. Лесосибирск, Россия, semyonovi@mail.ru

Семенова Елена Владиленовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, elenacs@mail.ru

Славкина Инга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, декан факультета педагогики и психологии ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, ingaslavkina@yandex.ru

Смирнова Галина Васильевна, студентка 2 курса филологического факультета ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, galka.smir2013@yandex.ru

Смолина Анджелла Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации ИФиЯК Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия, angelic2009@mail.ru

Фалилеева Анна Александровна, учитель английского языка МБОУ «СОШ №10 с углубленным изучением отдельных предметов им. академика Ю.А. Овчинникова», г. Красноярск, Россия, vean_93@mail.ru

Чудаева Наталья Леонидовна, кандидат педагогических наук, преподаватель русского языка и культуры речи, председатель предметно-цикловой комиссии гуманитарных дисциплин колледжа педагогического образования, информатики и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия, nataliya-25.74@mail.ru

Чуруксаева Алёна Александровна, студентка 3 курса филологического факультета ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, honey.chu95@mail.ru

Шаповал Виктор Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания истории Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия, lilorol@yandex.ru

Шарифуллин Борис Яхиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией речевой коммуникации, профессор кафедры русского языка и литературы, старший научный сотрудник ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, borshariff@gmail.com

Шетэля Виктор Мечиславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной филологии Московского государственного педагогического института, г. Москва, Россия, гражданин Республики Польша, szetela@mail.ru

Шмульская Лариса Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, декан факультета дополнительного образования ЛПИ – филиала СФУ, г. Лесосибирск, Россия, lara_sh1973@rambler.ru

Яковлева Евгения Андреевна, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия, eyakov@mail.ru

КОММУНИКАЦИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ

УДК 659.443

Т. И. Бочарова *
(Россия, Москва)

ЗАСТОЛЬНОЕ СЛОВО КАК PR-ЖАНР В КОРПОРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: PR-жанр, застольное слово, корпоративная коммуникация

В статье рассматривается такой PR-текст, как застольное слово. Называются ситуации в корпоративном общении, в которых данный жанр используется. Далее рассматривается структура тоста и анализируется образец застольного слова, формулируется определение тоста.

T. I. Bocharova
(Russia, Moscow)

TOAST AS PR GENRE IN CORPORATE COMMUNICATIONS

Keywords: PR genre, toasts, corporate communications

In the article it describes figuratively-news PR-text, like drinking a word. Called the situation in corporate communication, in which the genre is used. Next, consider the structure of the toast and analyzes the sample of the toast, definition of toast is formulated.

Согласно классификации А. Д. Кривоносова, корпус пиар-текстов имеет следующую жанровую типологию: оперативно-новостные жанры: пресс-релиз, приглашение; исследовательско-новостные жанры: бэкграундер, лист вопросов-ответов; фактологические жанры: факт-лист, биография; исследовательские жанры: заявление; образно-новостные жанры: байлайнер, поздравление, письмо [1: 126-129].

Предметом нашего рассмотрения является жанр застольного слова, максимально по своим характеристикам приближенный к системе первичных простых образно-новостных текстов. Данные тексты в основе своей двуедины, ядром их является, с одной стороны, событие (информационный повод), с другой стороны, образное начало, которое играет важную роль, подчеркивая психолого-эстетическую личностную составляющую текста. Именно

* © Бочарова Т.И., 2016.

индивидуальное звено с ведущим авторским началом отличает образно-новостные тексты ото всех остальных жанров.

Целью тоста в рамках внутрикорпоративной коммуникации является закрепление важного события в жизни базисного субъекта PR во время застольного мероприятия. Таким событием может быть и коммерческий, и социально значимый информационный повод. Совместное празднование торжественных событий (день рождения организации, юбилей первого лица или сотрудника и т.п.) за столом – это одно из важных PR-средств гармонизации внутрикорпоративной коммуникации. Подобные ситуации создают условия для непринужденного продолжительного дружеского общения, которое формируется при непосредственном контакте сотрудников компании во время праздничного банкета. Как правило, это возможно в ситуации демократического или смешанного стилей взаимодействия и предполагает доверительные отношения между коллегами, когда каждый участвует в алаверды и испытывает желание сказать добрые слова в адрес присутствующих. Все это создает благоприятные условия для развития позитивных межличностных отношений вообще и формирования условий для дальнейшей эффективной профессиональной коммуникации в частности. То есть феномен непринужденной речи в форме тоста в устной своей реализации создает основания для достаточной свободы в общении, отсутствия речевой скованности и строгой официальности. Дружеское общение при этом распространяются не только на горизонтальную, но и отчасти на вертикальную коммуникацию, а взаимодействие между собеседниками приобретает, как правило, естественную языковую форму с явными признаками разговорной речи.

Однако целью застольного собрания могут быть не только внутрикорпоративные торжества. Поддержание и возвышение имиджа компании и /или ее руководителя, создание условий для роста лояльной к фирме аудитории (в организации и за ее пределами), привлечение внимания спонсоров к деятельности фирмы – это PR-задачи, которые преследуются, когда на специальные события (банкет, фуршет и т.п. мероприятия) приглашаются гости VIP, журналисты, бизнес-партнеры. В этом случае задачи мероприятия расширяются, объектом PR выступает уже более массовая аудитория.

В отличие от других PR-текстов, байлайнера, поздравления, письма, застольное слово реализуется только в устной форме при непосредственном контакте собеседников. Соответственно и стилистика застольного слова будет отличаться спецификой языковых средств, в большей мере характерных для устной разговорной коммуникации: особая экспрессия, лексическая выразительность и т.п.

Тост – жанр ритуальный, что предполагает соблюдение определенных культурных традиций поведения за столом, специфического этикетного регламента. Тост обычно произносится в тот момент, когда участники встречи взяли в руку бокал или другой сосуд, наполненный напитком. Издавна встречи

за столом, совместное принятие пищи и напитков служили средством сближения людей, разрешения споров, установления деловых контактов. А вкушение вина и хлеба приобрело в христианские времена особый сакральный смысл. А отсюда ограничения в речевом поведении за столом. За столом принято говорить хорошие слова, произносить только добрые пожелания, т.к. сказанное во время принятия пищи и закрепленное спиртным напитком по традиции обязательно должно исполниться. Отголоски данных традиций, безусловно, нашли отражение и в строгом официальном бизнес-общении, когда застольем подтверждается удачная сделка, торжественное открытие филиала фирмы, выход на рынок новой линейки товара и т. п. мероприятия. Данному принципу подчиняются и языковые средства рассматриваемого жанра.

Застольное слово – это рамочный жанр, он ограничен этикетными формулами: приветствие – основное пожелание – завершающая реплика – собственно тост. (Например: «Дорогие друзья!» – «Позвольте пожелать вам..!» – «Так поднимем же наши бокалы за..!» и т.п.).

Что касается основной части застольной речи, то данный текст как PR-жанр, безусловно, включает элементы, связанные с профессиональной деятельностью руководителя организации, или успешным функционированием компании, с которой связан торжественный повод встречи сотрудников на банкете.

Таким образом, примерная структура застольного корпоративного тоста с возможными клише.

1. Вступление. *Уважаемые дамы и господа! Уважаемые журналисты! Дорогие партнеры и друзья! Рад приветствовать вас на нашем общем празднике! Рад видеть всех вас на юбилее нашей организации! И т.п.*

2. Основная часть. Краткое описание заслуг юбиляра перед организацией. Краткий рассказ о достижениях компании и характеристика проблем, которые успешно были преодолены. Высказывание личного положительного мнения говорящего о деятельности организации, о том, как она позитивно повлияла на его профессиональное становление. *(Человек, которого мы сегодня чествуем, внес огромный вклад в становление и процветание нашей фирмы; Человек, юбилей которого мы сегодня отмечаем, много сделал для всех нас и для меня в частности, он стал главным учителем в моем профессиональном росте; Организация, юбилей которой мы сегодня отмечаем, очень дорога всем нам! Здесь я приобрел огромный бизнес-опыт, опыт товарищества и взаимоподдержки!...).*

3. Концовка. Итоговое пожелание (Собственно тост) *(Так давайте выпьем за..!, Так пожелаем нашему юбиляру..!; Поднимем наши бокалы за дальнейшее процветание нашей организации! и т.д.).*

Рассмотрим образец застольного слова.

Уважаемые дамы и господа, дорогие коллеги!

В этот замечательный день мы празднуем 10-летие нашей небольшой, но перспективной компании.

Эти десять лет для нас пронеслись как один день. Многие из вас помнят,

как мы начинали... Офис, если его можно было так назвать, – помещение без ремонта с отваливающейся и падающей на голову штукатуркой. Стол, два стула и... замечательные друзья, желающие работать. Конечно, сначала было трудно, наступали моменты, когда опускались руки. Но мы всё (или почти всё) это преодолели ... своим трудом, невероятной жаждой роста, желания успехов и упоительного, зовущего аромата будущих карьерных побед!

И вот 10 лет! Это безусловная, безоговорочная наша победа, наш успех! Наш товарооборот вырос в разы, с нами хотят сотрудничать лучшие фирмы города, переговорный процесс по сделкам не прекращается ни на минуту! И этого мы достигли своим трудом, своим потом и стараниями!

Друзья! Мы уверенно сидим в седле, и тверды наши стремяна. Пусть этот юбилей будет хорошим начинанием в ряду наших успехов! Желаю всем нам дальнейшего процветания, энергии, новых творческих идей!

Вперед к будущим коммерческим победам! За победу!

В данном тексте подчеркивается важное событие в жизни базисного субъекта PR – 10-летний юбилей. Целью тоста является поздравление присутствующих-соратников и коллег со столь знаменательным событием. В основной части приводится небольшой рассказ, повествующий о трудностях, которые были успешно преодолены благодаря слаженным действиям дружного коллектива единомышленников, строящих общий бизнес. Концовка текста – собственно тост «За победу!»

Таким образом, застольное слово как PR-текст - образно-новостной PR-жанр, представляющий собой краткий устный текст, произносимый за столом, цель которого поздравить присутствующих с торжественным событием в жизни базисного субъекта PR.

Список литературы

Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. 2-е изд., доп. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2002. 288 с.

Н. Е. Булгакова, М. В. Веккесер, Л. И. Автушко, А. А. Фалилеева *
(Россия, Красноярск, Лесосибирск)

ПРОЗВИЩА КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: языковое насилие, речевая агрессия, кличка, прозвище.

В статье рассматривается прозвище/кличка как номинация, данная лицу помимо его имени и содержащая указание на какую-нибудь примечательную его черту внешности, характера, деятельности и нек.др. Они зачастую используются как средство речевой агрессии с целью речевого воздействия на адресата с интенцией дискредитировать или изменить его личностные установки.

N. E. Bulgakova, M. V. Vekkesser, L. I. Avtushko, A. A. Falileeva
(Russia, Krasnoyarsk, Lesosibirsk)

NICKNAMES AS A MEANS OF VERBAL AGGRESSION IN THE POLITICAL DISCOURSE

Key words: linguistic violence, verbal aggression, moniker, nickname.

The article deals with the nickname / moniker as a nomination, given to the person in addition to his name and containing a reference to some remarkable feature of his appearance, character, activities and etc. They are often used as a means of verbal aggression for the purpose of speech impact on the addressee with the intention to discredit or to change his personal attitudes.

Объём понятия речевая агрессия неоднозначен в научной литературе. Существуют различные определения понятия речевой агрессии, например:

1) «форма речевого поведения, которая нацелена на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [2: 96];

2) «сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего» [6: 104];

3) «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [11].

Тем самым употребление терминопонятия "агрессия" ограничивается «сферой злонамеренного поведения», когда совершаются действия, посредством которых агрессор намеренно причиняет ущерб своей жертве. Речевая агрессия – способ намеренного речевого воздействия на прямого или

* © Булгакова Н.Е., Веккесер М.В., Автушко Л.И., Фалилеева А.А., 2016.

косвенного адресата с целью его дискредитации (подрыв доверия, умаление авторитета, престижа, значения кого-либо или чего-либо), оскорбления (унижения чести и достоинства) (см. также о проявлении языковой агрессии в юрислингвистике [12]).

Как справедливо утверждает Г.А. Копнина, языковая агрессия – это одна из разновидностей речевого насилия, поскольку она осознается (ощущается) адресатом, на которого направлено воздействие. "Речевое манипулирование" и "речевая агрессия" разные, но связанные между собой понятия. Приёмы речевой агрессии (речевая агрессия может быть рассмотрена как стратегия / тактика) могут использоваться в качестве манипулятивных, например, с целью дискредитации того или иного общественного деятеля в глазах адресата/адресатов. К таким приёмам относят "навешивание ярлыков", использование дискредитирующих пресуппозиций и некоторые другие. Языковая агрессия может служить манипулятивной тактикой. Так, в СМИ средства речевой агрессии, используя по отношению к тому или иному человеку, в некоторых случаях являются орудием воздействия на массовую аудиторию. Но понятия языковой агрессии и языкового манипулирования не находятся в родовидовых отношениях [7: 29-31].

Г.А. Копнина отмечает, что агрессия как форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда человеку, не обязательно связана с желанием говорящего изменить намерения, установки адресата, целью адресанта может быть получение психологической разрядки [7: 29].

По мнению Ю.В. Щербининой, «квалифицировать любое высказывание с точки зрения проявления в нем агрессии возможно только в том случае, если мы опираемся на контекст речевой ситуации», т.е. анализируем конкретные условия общения: место, время, состав участников, их намерения и отношения между ними. Она считает, что при речевой агрессии имеют место: отрицательное коммуникативное намерение говорящего (например, унижить адресата, выразить негативные чувства, эмоции и т.п.); несоответствие высказывания характеру общения и образу адресата (например, фамильярное обращение в официальной обстановке, обращение только к одному собеседнику при групповом общении, обидные намёки в адрес собеседника и т.п.); отрицательные эмоции – реакции адресата на данное высказывание (обида, гнев, раздражение и т.п.) и отражающие их ответные реплики (обвинение, упрёк, отказ, выражение протеста, несогласия, ответное оскорбление и т.п.) [13: 11].

Как известно, прозвища и клички могут выступать как средство речевой агрессии в политическом дискурсе.

В большинстве словарей лингвистической терминологии отсутствуют определения прозвища и клички.

С.И. Ожегов, определяя понятие прозвище, отмечает, что «прозвище – название, даваемое человеку по какой-нибудь характерной его черте, свойству» [9: 600]. А кличка во втором значении – «конспиративное или шутовское, насмешливое прозвище» [9: 272]. Исходя из данных определений, можно

утверждать, что в кличках/прозвищах актуализируется какой-либо аспект оценки обозначаемого (см. о разграничении прозвищ/кличек со смежными понятиями [1]).

Например: «*Железная леди*» произнесла чисто политическую речь минут на 45, которую можно было бы озаглавить «*Как мы разрушали Советский Союз*» (За победу коммунистов и патриотов! Информационный бюллетень, 21.02.2007). Прозвище дано Маргарет Хильде Тэтчер, первой женщине премьер-министру Великобритании, за жёсткий стиль руководства, нежелание идти на компромиссы, твёрдость характера.

Во многих современных словарях русского жаргона прозвища и клички употребляются как синонимы, нередко даже отдается предпочтение наименованию кличка, а не прозвище. «Это можно объяснить пейоративностью слова "кличка", той его негативной оценочностью, которая наиболее соответствует характерному для современной русской живой речи и публицистики духу карнавализации, языкового "стеба". Такая оценочность, собственно, "закодирована" во внутренней форме термина "кличка"» [3: 54]. В. И. Даль отмечает, что понятие "кличка" образовано от глагольного гнезда *кликать* 'возглашать, взывать, кричать, звать, призывать кого и т. п.' и определяется как 'имя или название, данное животному, особенно собаке, птице' [5, т.2: 102].

Определяя *прозвище* как «название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица», словарь под редакцией Д. Н. Ушакова иллюстрирует ее яркими примерами типичных прозвищ: «Николай I получил прозвище *Палкин*, а последний из Романовых, Николай II, заклеямен прозвищем *Кровавый*»; «Виленскому генерал-губернатору дано было прозвище *Вешатель*»; «А зовут меня Касьяном, а по прозвищу *Блоха*» [10, т.3: 933]. Ср. также: кличка – 'название, имя, даваемое домашним животным'; 'прозвище, прозвание, которое дают какому-л. человеку в шутку, насмешку, а также с какой-л. специальной, например, конспиративной целью. *За ним укрепилась к. чудака. Партийная к.*' [10, т.1: 1375].

Стилистическая шкала прозвищ политиков простирается от презрительного, пренебрежительного (*Прости-Господи* – эвфемизм слова «проститутка») – экс-губернатор Саратовской области Аяцков за попытку легализовать публичные дома и дружбу с окружением Ельцина; *Горбатый* – М. С. Горбачев; *Ржавый Толик* – А. Чубайс; *Кириеныш* – Кириенко; *Бычок в кепке* – Ю. М. Лужков) до одобрительно-шутливого (*Бэтман* – С. Шойгу, который всегда спешит на помощь). Однако основную массу прозвищ составляют все же шутливо-иронические слова, в которых легко угадывается незлая насмешка: *Дядя Бэн*, *Гарант* (Ельцин), *Минеральный секретарь*, *Лимонадный Джо* (Горбачев в период его активной борьбы с алкоголизмом) и мн. др. [14: 214].

В русском политическом антропонимиконе редко, но встречаются злые, неприличные клички/прозвища. «Современное общество смеется над

неприличным точно так же, как это делали люди в Средние века. неприличные значения слов, а порою и содержащие намек на обценную лексику, замаскированы в прозвищах Олега Сысуева, фамилию которого недоброжелатели произносят с удвоенным С в начале: Ссысуев. Журналист и советник Президента Глеб Павловский в определенных кругах именуется как *Падловский*. В наших материалах встретились прозвища *Сукус* (образовано от фамилии депутата Суркиса), а также экс-президентов Путина и Ельцина: *Пукин*; *ЕБН*; *Дедушка ЕбеНя*; *Ебелдос*, т.е. (Ельцин + белый дом + свобода) (авторство последнего приписывают тележурналисту Б. Невзорову). К числу неприличных можно отнести также прозвища президента Белоруссии (*Лука Мудищев*) и бывшего премьер-министра РФ Сергея Кириенко (*Соплежуй*)» [14: 214].

Прозвища мотивированы: в их основе лежат определенные мотивы номинации: физические особенности и недостатки, психические свойства, черты характера, особенности речи, род занятий, фамилия, имя, отчество и т.п. В частности, можно выделить прозвища, в которых обыгрываются особенности: имени (*Крокодил Гена* – Геннадий Зюганов), имени и отчества (*Крокодил Крокодилович* – депутат Геннадий Геннадьевич Москаль), отчества (*Владимир Вервольфович, Адольфович, Дьявольфович* – Жириновский Владимир Вольфович), фамилии (*Хлопша* – губернатор Красноярского края А. Г. Хлопонин, *Примус* – Е. Примаков; *Лужок* – Ю. М. Лужков; *Дядя Зю* - Г. А. Зюганов; *Килькин* – депутат Государственной Думы РФ Иван Рыбкин), фамилии, имени и отчества, их инициалов или отдельных частей (*ЕБН* – Ельцин Борис Николаевич; *Кучер* – Константин Устинович Черненко), какие-либо общеизвестные высказывания объекта номинирования (*Владимир Юристович, Юристыч, Сын Юриста* – Жириновский В. В. (намек на известную фразу политика «Мама русская, а отец юрист»), *Однозначно* – В. В. Жириновский", *Валя-Полстакана* – губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко (существует мнение, что прозвище В. Матвиенко дали друзья молодости, которые не раз слышали от нее во время студенческих пирушек: «*Мальчики, я ж не пью: мне только полстакана*»), национальная принадлежность (*Япона мать, Самурайка* – Ирина Хакамада), место рождения (*Мымрик* – уроженец д. Мырино Г. А. Зюганов), особенности внешности, прически, манеры одеваться (*Щеки* – Е. Гайдар; *Меченый* - М. Горбачев; *Пудель, Мачо* – Б. Немцов; *Винни-Пух* – бывший губернатор Приморья Николаев; *Кепка, Большая Кепка, Кепконосец* – Ю. М. Лужков; *Микки-Маус* - А. П. Починок), должность (*Мэтр с кепкой* - Ю. М. Лужков), особенности места и образа / характера деятельности (*Геннадий Обкомович (Обкомыч)* – Г. А. Зюганов; *Петр Фонтанович* – мэр Красноярска Пётр Пимашков, поставивший задачу обогнать г. Санкт-Петербург по числу фонтанов на душу населения; *Баррель* – министр финансов Кудрин; *Человек без легального прошлого, Штази, Чекист-перестройщик* – В. В. Путин; *Толик-Ваучер* - А. Чубайс), характер, привычки, способности (*Серый Кардинал* – Путин; *Железная Ведьма* – В. Матвиенко) [14: 211-214].

Прозвище номинируется чаще одному лицу, т.е. оно индивидуально. Искл.: Прозвище *Властелин колец* (в основе – прецедентный текст – название популярного романа английского писателя Дж. Р. Р. Толкина в шести частях и трех книгах + фильма и компьютерной игры с этим же названием) носят Ю. Лужков (в связи со строительством третьего транспортного кольца в Москве) и мэр Красноярска П. Пимашков (за то, что ездит на служебной машине «Ауди» под номером 0001) [14: 214].

Х. Вальтер отмечает три группы лиц, которым номинируются клички:

Прозвища знаменитостей (политиков, писателей и публицистов, артистов, шоуменов, спортсменов, олигархов и т. п.) характеризуются тем, что в силу широкой известности объекта номинации они в какой-то мере утрачивают (или отражают в ослабленном виде) категориальное свойство прозвища – корпоративность, или камерность, т. е. принадлежность к относительно узкому социуму. Таковы, например, прозвища перифрастического типа *Железный Канцлер* (Бисмарк), *Железная Леди* (Маргарет Тэтчер), *Великий Кормчий* (Мао Цзедун) или «внешние» клички типа *Горби* (Горбачев) и т. п. [14: 57].

Прозвища учителей и учеников, преподавателей и студентов, профессиональные клички отличаются от первой группы «анонимностью» объектов наименования, сужением масштаба известности конкретных лиц, которые обозначены соответствующими прозвищами [3]. Данные номинации широко используются как средство речевой агрессии и в речи младших школьников [4].

Коллективные прозвища – это обобщенные обозначения лиц разных народностей, жителей отдельных местностей и представителей отдельных профессий. В пространственном отношении коллективные прозвища охватывают как межнациональные объекты номинации (прозвища представителей разных народов – немцев, американцев, итальянцев, цыган и т.п.), так и широко – или узколокальные – вплоть до прозвищ жителей одной деревни или одного дома. Например, *колбаса, колбасник, копчёный, фриц, Адам Адамыч, Бауер, Иван Иванович, Нинко, Сасос, сосиска, шмерец* – прозвища немцев; *лягушатник, франк, френч* – прозвища французов; *узкоглазый, фазан, хань, чайн, чайна, чимчигрыз, чинарик, чумиза* – прозвища китайцев и т. д.

Пример локальных прозвищ: *скобарь* – пскович, житель Пскова; *ершеед, капустаник, мякинник* – то же; *долбёжник* – новгородец, житель Новгорода; *дровосек* – житель Рузы, рузец и др. [3]. Однако прозвища почти всегда выражены собственными именами существительными.

Итак, прозвище/кличка – номинация, данная лицу помимо его имени и содержащая указание на какую-нибудь примечательную его черту внешности, характера, деятельности. Прозвища/клички мотивированны; номинируются чаще одному лицу; почти всегда выражены именами собственными; широко распространены в народных говорах, жаргонизированных вариантах разговорной речи, реже – в СМИ; для кличек важна конкретная жизненная ситуация. Они зачастую используются как средство речевой агрессии с целью речевого воздействия на адресата с интенцией дискредитировать, добиться его

поражения в политической борьбе (в том числе в дискуссии) или изменить его личностные установки (ментальные, идеологические, оценочные и т.д.).

Список литературы

1. Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки и клички: отличительные признаки // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: сб. науч. статей / II Международные (XVI Всероссийские) филологические чтения имени проф. Р.Т. Гриб / отв. и науч. ред. проф. Б.Я. Шарифуллин. Красноярск: СФУ, 2011. Вып.2 (11). С.117–123.
2. Быкова ОН. Речевая (языковая, вербальная) агрессия //Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999. С. 96–99.
3. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 53–69.
4. Веккессер М.В. Речевые жанры комплимента и похвалы в общении младших школьников // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. статей. 2013. № 4. С. 17-21.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2003. 2800 с.
6. Енина Л. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // www.induk.ru.
7. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие / Г.А. Копнина. – М.: Флинта: Наука, 2007. 176 с.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Российская АН; Российский фонд культуры. М., 1996. 928с.
10. Толковый словарь русского языка; в 4 т. / под ред. Д.Н.Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935-1940.
11. Трошева Т.Е. Речевая агрессия // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 340–343.
12. Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблемы инвективы. // Юрислингвистика-5 Барнаул, 2004. С. 120–126.
13. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: Учеб. пособ. для студентов, преподавателей и учителей. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.
14. Фельде О.В. Прозвища политиков в свете теории языковой игры // Игра как приём текстопорождения: коллективная монография / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 210–215.

Е. И. Голованова *
(Россия, Челябинск)

ОБРАЗ ВРАГА В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Ключевые слова: песенный дискурс, русский фольклор, образ врага, концептуальная доминанта, Великая Отечественная война.

В статье рассматриваются особенности изображения врага как одного из ключевых концептов песенного дискурса о войне.

E. I. Golovanova
(Russia, Chelyabinsk)

THE IMAGE OF ENEMY IN THE FOLK SONGS ABOUT THE WORLD WAR II

Key words: song discourse, Russian folklore, image of enemy, conceptual dominant, World War II.

In the article are considered the special features of the image of enemy as one of the key concepts of song discourse about the war.

Песенный дискурс своеобразно отражает и преломляет события эпохи и связанные с ними мысли и переживания людей. Как писал А.П. Аникин, «в песне слово соединяется с музыкой, звуками, мелодией, доводя чувство, выражаемое пением, до известной степени ясности и определенности» [1: 527]. С помощью вербальной составляющей в песне создаются образы и картины для выражения «безобразного и бесформенного чувства» (В.Г. Белинский). Рассмотрим с этих позиций особенности изображения врага как одного из ключевых концептов песенного дискурса о войне.

Война традиционно представлена в русском фольклоре, начиная с былинного эпоса, где зафиксированы элементы снаряжения русских воинов, приемы ведения боя. Былинные тексты не давали индивидуализированной информации, что стало характерной чертой другого жанра – исторических песен. Последние содержали сведения о военных походах, военном быте, о поведении конкретных военачальников и наделяли их соответствующими оценками с точки зрения народа (см. подробнее: [4]). Наряду с историческими песнями, унаследовавшими эпическое былинное начало, в русском песенном фольклоре постепенно сформировался жанр лирических песен, в составе которых значительное место заняли солдатские и рекрутские песни [1; 9; 11]. В них выражалось отношение солдат к службе, запечатлены драматические моменты в их судьбе (забывание в рекруты, прощание с семьей, разлука с

* © Голованова Е.И., 2016.

любимыми), эстетически осмыслена гибель солдат на поле боя и смерть от тяжелых ран. В песнях личное неотделимо от коллективного: каждый поющий рассказывал о себе, а слушающий воспринимал это как свое [10: 245].

В традиционных солдатских песнях акцент делался на тяжести военного быта, на ратном труде воинов, чьим потом и кровью добывались победы, на тоске солдат по родной земле и дому. Достаточно привести наиболее характерные для народных песен сочетания: «походы частые, дальние», «раны тяжелые, кровавые, смертные», «слезы горючие», «горе горькое кукушечье», «грозна служба государева», «горче полыни служба царская», «кровь горячая – умываньице». Война и в целом служба солдатская уподоблялись в песнях «великой невзгодушке», ненастью – снегу, буре, ветру, грозе – с раскатами грома и тучами во все небо. (То же сохраняется и в песенных текстах XX века: «покамест бушует война»; «над страной прогремела гроза, взяли в армию милого парня» [15].) При этом водные образы: море, река, дождь, туман – выражали в песнях неизбывную печаль, тоску, горечь разлуки («бежит речушка слезовая, на ней струюшка кровавая» и др.). Воин нередко представлял в песне в традиционном облике «доброго молодца», метафорически осмыслялся как «ясный сокол» или «сизый орел».

Символическая образность, характерная для солдатского песенного фольклора, получила своеобразное преломление в казачьих песнях. Казаки сформировали новое отношение к воинскому быту и военным традициям в русской культуре: война стала для них естественным проявлением служения отечеству, отражала особенности их мировосприятия. В казачьих песнях воспроизведены лучшие качества русских воинов – удальство, отвага, братская взаимопомощь: *Что ни соколы крылаты Чуют солнечный восход – Белого царя казаки Собираются в поход. Взор их мужеством пылает, Грудь отвагою полна* (Как двенадцатого года); *Медна трубонька тут вострубила, Эй, грозовая пушечка тут возгаркнула. Сила-армия во поход пошла* (На заре-то было); *Как по линии уральской Не сизой орел летал, Он нам весточки приносит, Царя белого приказ: «Двум полкам идти в поход! Ружья новые, пистоны, Шашки острые иметь»* (Сине море зашумело). В кругу песен военной тематики устойчивыми становятся сюжеты с мотивом вещего сна, разговора с конем или черным вороном.

В целом для песенного фольклора, связанного с войной, характерны приемы художественной выразительности, сложившиеся в традиционной лирической песне: психологический параллелизм, ступенчатое сужение образов, символическая образность. Но наряду с этим изображение войны в песнях с течением времени становится все более реалистичным. В частности, в текстах постепенно закрепляется ассоциация войны с огнем и дымом: *Что за грозная туча подымалася, Что не черные облака сходилися – Что подымался выше облак черный дым* (Что победные головушки солдатские). В XX веке этот знак-индекс стал устойчивым маркером войны, на его основе возникло осмысление войны как ада на земле: *Смерт(ь) косит и косит людей без числа Земля словно зделалас(ь) адом...* (Ревет и грохочет мортира вдали).

Наибольший интерес в настоящем исследовании представляют народные песни о войне в записях XX века, включая песни литературного происхождения, подвергшиеся фольклоризации, поскольку в них закреплены национальные особенности восприятия и оценки тех событий [2; 3; 8; 12; 15; 18].

Как показывает анализ, в военных песнях транслируются главные для русской культуры смысловые константы: идея сопричастности человека к судьбе страны, стремление к добру и красоте, тяга к справедливости [5]. В соответствии с ними мы выделили три концептуальные доминанты русского песенного фольклора о войне: **доминанта общей судьбы** (где важное место занимают концепты «Время», «Дорога», «Родная земля» и др.), **доминанта воинского подвига** (с ключевыми концептами «Мужество», «Самопожертвование», «Справедливость», «Враг» и др.), **доминанта духовной гармонии и фронтового братства** (ключевые концепты «Дом», «Мать», «Любимая», «Дружба») [6: 134].

Как видим, образ врага входит в число центральных образов в песнях, воспевающих воинский подвиг, что вовсе не означает его малозначимости в остальных песнях о войне. Так, например, одна из песен начала XX века, отражая общие настроения солдат эпохи Первой мировой войны (первая доминанта), включает обращение к врагу: *Не туман ли с моря всходит То сильный дождичек шумит Посулился цар(ь) германской Русско войско победит(ь) Вреш(ь) ты вреш(ь) ты **враг германец** Тебе русских не побить У России войска много Русский любит угостит(ь) Угостит свинцовой пулей На закуску стальной штык Штык стальной четырехгранной Груд(ь) германскую пронзит* (На взморье мы стояли) [18: 435]. Аналогичный текст исполнялся и в годы Великой Отечественной войны: *На взморье мы стояли, На российском берегу, Долго-долго мы смотрели, Как волнуется река. Не туман с моря поднялся, Нет, не дождик моросил. Из-под этого тумана **Враг-германец** выходил...* (На взморье мы стояли) [15: 349].

В приведенных вариантах воспроизводится традиционная символика моря, тумана как предвестия беды, а также восходящий еще к историческим песням мотив «угощения». Ясно выражен в этой песне и образ врага, который не детализируется, но вызывает однозначную оценку у поющих. Слово «враг» реализует в подобных текстах одно из основных своих значений в русском языке: 'военный противник, неприятель' [19: 116]. Сравните с синонимом «супостат», использованным в другой песне начала века с доминантой общей судьбы: *Пойдем вперед ребята Помощник с нами Бог Собьем мы **супостата** И впух их разобьем...* (Полночь наступает).

Отметим также изображение врага в одной из частушек, реализующих доминанту духовной гармонии: *Ты, германец-оборванец, Тебе хватит воевать. Отпусти ребят жениться – Девоч некуда девать.* Враг в данном случае обобщенно предстает как сила, которая противостоит «своим», но при этом вызывает не страх или ненависть, а, скорее, горькую иронию.

Контекстуальное окружение слова «враг» и его синонимов в песенных текстах о Великой Отечественной войне (*супостаты, немцы, фашисты, фрицы, немчура*) позволяет выделить в качестве самого частотного глагольный предикат *бить* (включая разнообразные производные этого слова: *разбить, выбить, добить* и др.). Названный глагол тесно связан с точным обозначением военных действий (*битва, бой*), главного субъекта этих действий (*боец*), при этом кратко и емко выражает суть явления: 1) многократный и целенаправленный характер действий; 2) достижение результата, связанного с нарушением целостности чего-либо; 3) связь с оружием (бить = ‘стрелять’).

Рассмотрим реализацию образа врага в уральских записях песен о Великой Отечественной войне, представленных в двух сборниках: «Народное слово на дорогах войны» [7] и «За советскую родину, за родной огонек...» [14].

Отметим, что в песнях с доминантой военного подвига глагол «бить» актуализирует прежде всего исполнение человеком своего долга перед родиной и поэтому ассоциативно связан с такими словами, как *герой, отвага, доблесть, слава*. Например: *И врагов фашистов ты отважно бил* (Партизан); *Там, над лесом плывет синева, Бьется с врагами столица Москва, В битвах и славе родной ее брат, Грудью встречает врагов Ленинград* (Крутится, вертится враг у ворот). Показателен в этом отношении записанный на Урале текст песни о подвиге двенадцатилетнего подростка, работавшего в годы войны на одном из челябинских заводов. В песне приводятся слова наркома Н.И. Калинина, произнесенные им в момент награждения мальчика орденом Ленина: *Малый ты, а всюду виден, Бьешь врага трудом своим!* (Рабочая закваска, уральский паренек). Сходное понимание представлено в уральской частушке из сборника «Народное слово на дорогах войны»: *Я на тракторном работала, На танковом теперь. Тебе, милый, помогаю Немцев бить я каждый день* [7: 76].

Враг в песнях о Великой Отечественной войне, записанных на Урале, традиционно изображается как обидчик (в песне о Москве: «Не дадут ее врагу в обиду»), наглый («Нет пощады наглому врагу»), безжалостный, злобный («Злобно смотрит вражья сторона»; «Души терзали враги»; «От адских мук, от вражьи рук навек закрыл глаза») и коварный («Снова враг нагрянет на страну мою», «Пусть трепещет враг коварный»).

Очень часто в песне или частушке мать, жена, любимая дают наказ бойцу – быть беспощадным к врагу: *Будь в бою отважным, Воином бесстрашным, Не давай пощады лютому врагу* (Провожанье); *Бей врага, – Катюша наказала. Бей врага и будь в бою герой* (Расцветали яблони и груши); *Я миленка-гармониста Собирала тщательно. Пусть нечистого фашиста Бьет он основательно* [7: 19].

Как и в других фольклорных жанрах, в песнях о Великой Отечественной войне при изображении врага задействуется зооморфная метафора, при которой фашисты уподобляются злобным псам, трусливым шакалам, хладнокровным гадам или хищным птицам (стервятникам, коршунам, воронам): *Над Родиной коршуном вился фашист, Разруху и смерть всюду сеял* (Над родиной коршуном вился фашист); *Над светлой и гордой любовью моей Фашистские псы*

надругались... (О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?); Ты разлейся, Волга-речка, Жигули, вы, Жигули. Вшивым псам нашлось местечко, Ох, до чего их довели. Бьем их пушками, Бьем катюшами, Кодем, душим их – кто их звал. С фронта, с тыла ли рвань постылую С неба глушим их наповал (Жигули); Но враг, что трусливее вора. Что жаден и зол, как шакал, На мирные наши просторы, На родину нашу напал (Вставайте за Родину нашу!); Врага огнем мы будем бить умело, Могучим танком гадину давить (Песня уральского танкового корпуса); Мы штыками недругов встречали, На допрос стервятников вели (Письмо Катюши).

Последнее отождествление особенно зримо на фоне уподобления советских воинов соколам и орлам, а мирных людей – голубям: *На утесе на том, на посту боевом Стали грудью орлы – сталинградцы (Есть на Волге утес); Языком металла говорила Про степного сизого орла, Про того, которого любила, Про того, чьи силы берегла (Расцветали яблони и груши); Знаю все...И жду, мой сокол, Приезжай, родной, скорей (Драгоценная любовь); Ой, да где же взялся черный злобный коршун, Налетел на стаю голубей... (Ой, да как во чистом поле).*

Зооморфизм в изображении врагов проявляется в использовании различных лексических средств, ассоциирующихся с животными: лапа, свора, выть, жрать, вшивый, звериный и проч. Например: *Для фашистской черной своры Пробил смертный час (Лес зеленый, бор сосновый); И с плеч долой Рыжий арийский герой Грязною лапой с Маши срывает Синий платочек родной (Синенький теплый платочек); И такую песню заводила, Что фашисты поднимали вой (Катюша); Воем вражья орда, но врагу никогда На приволжский утес не взобраться (Есть на Волге утес); Немцы топали, Мундиры штопали, Жрали, лопали все подряд С фронта, с тыла ли рвань постылую Бьют и плакать не дают (Жигули).*

Как довольно редкие в народных песнях о войне используются негативно-окрашенные метафоры «идолы немецкие», «фашистская орда», «немецкая орда», «туча черная». Сравните: *С запада тучей, тучей могучей Немцы в село ворвались (Синенький теплый платочек); Проводила милого Катюша На борьбу с немецкою ордой (Расцветали яблони и груши); Супостаты, идолы немецкие, Злые вороны проклятые фашистские... (Причитания матери при проводах сына на Великую Отечественную войну).*

В большинстве песенных текстов XX века образ врага связан, с одной стороны, с передачей бесчисленных страданий людей: *Режет мне душу великая боль <...> Эту смертельную муку врагу Я ни простить, ни забыть не могу (Лесом, поляной, дорогой прямой); Коль враг принес для нас разлуку. Для нас с тобой отчизна дорога, Но если враг на наше счастье поднял руку, Иду, родная, отомщу врагам (Прощальная); Ты когда родился, Батька немцев бил, Где-то под Варшавой Голову сложил (На опушке леса), а с другой стороны – с их решимостью, верой в победу и справедливое возмездие: *В бой! Огонь! Фашистам будет жарко, Нет пощады подлому врагу (Катюша); Буду метко бить я по врагам, Наши нивы, яблони и груши На позор фашистам не отдам**

(Расцвели яблони и груши); *За землю, за счастье, за волю Громит беспощадно врага* (Судьба моряка); *Гнали немца мы с песней-подругой Под знаменами славных полков* (В бои за Родину!); *Долгу пламенному внемля, Немцам смело отомстим, За поруганную землю Насмерть здесь стоим* (Лес зеленый, бор сосновый).

Итак, образ врага в народных песнях о Великой Отечественной войне репрезентируется с помощью разветвленной системы художественных средств, тесно связанных с национальными ценностями, особенностями русского понимания и интерпретации мира. Как отметила В.А. Маслова, «война является всенародным потрясением, никто не в состоянии остаться безучастным к такому событию» [13: 205]. Именно благодаря этому в песенном фольклоре война предстает как «социально-личностное событие» [20: 66].

Список литературы

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высш. школа, 2011.
2. Валиахметова Т.А., Глинкин А.В. Народные песни Южного Урала. Троицк: Изд-во ИП Кузнецова, 2008.
3. Глинкин А.В., Лазарев А.И. Песни оренбургских казаков: старые и новые записи. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996.
4. Голованов И.А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). С. 43-47.
5. Голованова Е.И., Потапчук М.А. «За себя и за того парня...»: ментальные проекции Великой Отечественной войны в крылатых словах и выражениях // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 13 (267). С. 29-33.
6. Голованова Е.И. Война в художественном осмыслении (по данным русского песенного фольклора) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 133-137.
7. За советскую Родину, за родной огонек... (народные песни-переделки Великой Отечественной войны, записанные в Курганской области) / сост. Л.А. Саверский, Л.В. Ионина. Курган, 2005.
8. «За Уралушкой огонечек горит...»: Песни казачьих поселков Южного Урала / сост. А.Г. Серов. М.; Магнитогорск: ИТИ Технологии; Изд-во Магнитогорск. гос. ун-та, 2007.
9. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. М.: Высш. школа, 1983.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худож. лит, 1971.
11. Лопатин Н.М., Прокунин В.П. Русские народные лирические песни. М.: Музгиз, 1956.

12. Любовь-песня: Народные песни Южного Урала / сост. А.В. Глинкин, А.И. Лазарев. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999.
13. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Мн.; ТетраСистемс, 2004.
14. Народное слово на дорогах войны: сб. фольклор. текстов / предисл., сост. И.А. Голованов. Челябинск: ЧГАКИ, 2015.
15. Песни военной поры // Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / сост. А.В. Кулагина, Л.Ф. Миронихина, Г.А. Шепелев. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2010. С. 349–388.
16. Русская народная поэзия. Лирическая поэзия / сост., подгот. текста, предисл., коммент. Ал. Горелова. Л.: Худож. лит., 1984.
17. Русские народные песни / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.Н. Розова. Л.: Сов. писатель, 1988.
18. Солдатский песенник Михаила Андреевича Круглова // Налепин А.Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX-XX столетиях. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 429-454.
19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008.
20. Эмер Ю.А. Концепт «война» в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ // Вестник Томского государственного университета. 2012. Сер. Филология. № 4 (20). С. 58-67.

И. В. Евсева, Е. А. Пономарева *
(Россия, Красноярск)

МЕХАНИЗМЫ НОМИНАЦИИ ДЕРИВАТОВ В ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ: ПРИЗНАКОВЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: лексико-словообразовательное гнездо, признаковый подход, соматизмы.

Работа ориентирована на анализ производной лексики русского языка, формирующей лексико-словообразовательное гнездо с вершинами «рука» и «нога». В основу анализа положен «признаковый» подход, в рамках которого выделяются структурные, физические и функциональные признаки конкретного объекта / объектов. Выявление у дериватов анализируемых гнезд отмеченных признаков позволяет установить стереотипные взгляды людей на человеческое тело (части тела) и обнаружить общие принципы и механизмы номинации производных слов, образованных от имен – соматических объектов.

I. V. Evseeva, E. A. Ponomareva
(Krasnoyarsk, Russia)

MECHANISMS OF THE DERIVATIVES' NOMINATION IN LEXICAL-DERIVATIONAL NEST: ATTRIBUTIVE APPROACH

Key words: lexical-derivational nest, attributive approach, somatisms.

This paper focuses on the analysis of Russian derivative vocabulary forming lexical-derivational nests with «hand» and «foot» apexes. The analysis is based on attributive approach, distinguishing structural, physical and functional features of a particular object / objects. Identifying the features of the analyzed nests' derivatives allows to set the stereotypical people's perception of the human body (body parts). It also discovers the general principles and mechanisms of derivatives' nomination formed from the names of physical objects.

1. Постановка проблемы. В настоящее время в центре когнитивных лингвистических исследований находятся разнообразные вопросы изучения смысловой стороны языка. Предлагаемое исследование развивает признаковый подход, направленный на анализ смысла языковых единиц, в нашем случае – дериватов, образованных от соматизмов *рука* и *нога*.

Выбор в качестве объекта исследования соматизмов не случаен. Во-первых, соматическая лексика принадлежит к самому древнему пласту словарного фонда. Во-вторых, в последнее время значительно возросло внимание исследователей к проблеме человеческого фактора в языке, к изучению языка в тесной связи с сознанием, мышлением, духовно-

* © Евсева И.В., Пономарёва Е.А., 2016.

практической деятельностью человека. Соматическая лексика отражает знание носителей языка о себе, о частях своего тела и о других телесных объектах, а также об окружающем мире. С помощью этих «инструментов» познания человек начал ориентироваться в пространстве и во времени, выражая свое отношение к миру. В процессе функционирования соматическая лексика приобретает новые ассоциации и коннотации, которые часто фиксируются в дериватах, образованных от названий телесных объектов.

В лингвистической литературе существуют разные классификации соматизмов. Ученых, строящих такие классификации, интересует в первую очередь, что представляют собой соматические объекты и как их следует сгруппировать, чтобы получившаяся классификация была не только лингвистически содержательной, но и служила полезным и надежным инструментом для решения конкретных исследовательских задач.

Одна из самых известных классификаций создана Ю. Д. Апресяном [2: 356]. В ней строится классификация лексики основных систем, из которых складывается человек. Основным признаком, на базе которого ученый производит классификацию лексики, характеризующей человека и его жизнедеятельность – это функциональные характеристики соматических объектов.

При анализе отсоматических дериватов мы опираемся на классификацию соматических объектов, основанную на «признаковом» подходе. Она была построена группой ученых под руководством Г. Е. Крейдлина и нацелена на описание общего механизма и конкретных правил взаимодействия в акте устной коммуникации знаковых единиц двух кодов – естественного языка и телесного кода (языка тела). Признаковый подход предполагает, наряду с прочим, выделение и детальное описание (1) множества признаков, характеризующих соматические объекты, и (2) множества значений этих признаков. Выбор данного подхода исследователи объясняют следующими обстоятельствами: во-первых, описание тела и его частей не представлено в толковых (объяснительных) словарях единообразно (например, в пределах одного и того же словаря для одной части тела даются сведения только о возможных её формах, для другой части тела – только о функциях и т. д.); во-вторых, признаковый подход позволяет единообразно сопоставлять вербальные и невербальные знаковые коды, то есть решать основную исследовательскую задачу, и, в-третьих, он даёт возможность решить такую важную задачу, как провести сопоставительный анализ семиотических концептуализаций тела и его частей для разных этносов и культур [5]. В пределах данной классификации лингвисты выделяют у соматических объектов очень большое число признаков (форма, размер, функция, ориентация, движение, каритивность, текстура, цвет, температура и др.) и указывают основные значения, которые данные признаки принимают в вербальном языке и в невербальных семиотических кодах [6].

Все признаки, описывающие части тела, так же, как и соматические объекты, подлежат классификации. На самом первом (верхнем) шаге классификации выделяются три класса признаков соматических объектов:

структурные (возможность членимости соматического объекта на составные части, языковая или жестовая маркированность соматических объектов в составе некоторого объекта, внутренний состав соматического объекта), физические (форма, размер, цвет, температура, звучание, издаваемое телом и иными телесными объектами, текстура и др.), функциональные признаки (функции и дисфункции соматических объектов).

Признаковый подход, в рамках которого выделяются структурные, физические и другие признаки, может быть применен при описании нашего материала – отсоматических дериватов, т. е. дериватов, формирующих лексико-словообразовательные гнезда (далее – ЛСГ) с вершинами *рука* и *нога*. Опираясь на выделенные Г. Е. Крейдлиным признаки соматизмов, считаем необходимым дополнить эту классификацию психо-эмоциональными личностными признаками, которые также свойственны отсоматическим дериватам.

На наш взгляд, выделение указанных выше признаков и их классификация будет способствовать осознанию когнитивной деятельности человека через выявление стереотипных взглядов людей на тело человека и обнаружение общих принципов и механизмов номинации соматических объектов, а через них и многих других объектов окружающего мира, в основу именованья которых положен тот или иной соматизм.

Из разных типов соматических объектов («тело», «часть тела», «часть части тела», «орган», «покров», «отверстие», «жидкость», «кость», «сосуды», «линии», «звуки», «мышцы» и др.) наибольшей словообразующей активностью обладают названия тех наружных частей человеческого тела, которые являются максимально активными и функционально важными для человека, к каковым, в частности, относится соматизм *рука*, который, с одной стороны, близок в смысловом отношении к соматизмам типа *нога*, *голова* и др., с другой, характеризуется целым рядом различий. Наиболее ярко специфические особенности анализируемых ЛСГ проявляются при сравнении с ЛСГ, вершинами которых являются не видимые глазу соматизмы, например, именующие органы человека [4].

2. Признаки дериватов ЛСГ с вершиной *рука*. С целью описания дериватов ЛСГ с вершиной-соматизмом была проделана следующая работа: из толковых словарей русского литературного языка и диалектных лексикографических источников методом сплошной выборки были выписаны все дериваты, образованные от соматизма *рука*. Все выписанные производные единицы были подвергнуты семантическому анализу, позволившему расклассифицировать их по структурным, физическим, функциональным и психо-эмоциональным признакам.

Слово *рука* в русском языке имеет 7 значений: 1. Одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев. Правая рука. 2. Перен. Почерк, подпись. Неразборчивая рука. 3. Разг. Сторона, направление. По правую руку от кого-чего-н. (справа). 4. Перен. Человек, обладающий властью, влиянием, способный оказать

протекцию. Своя рука в министерстве. 5. Разг. Тот или иной вид, сорт, качество. Товар средней руки. 6. Перен. Индивидуальная, характерная манера, почерк. Видна умелая рука мастера. 7. Посредством кого, с помощью кого. Действовать руками наемников. [8: 842–843].

В «Словообразовательном словаре русского языка» (1985 г.) в качестве самостоятельных выделены словообразовательные гнезда с этимологически родственными вершинами *рука*, *ручаться*, *руководить*, *рукопашный* и *поручить*. Даже самый поверхностный анализ семантики этих слов позволяет говорить о том, что в современном русском языке они формируют самостоятельные гнезда: с соматическим объектом рука как частью человеческого тела единицы *ручаться*, *руководить*, *рукопашный* и *поручить* непосредственно не связаны. Сравните: *ручаться* ‘принимать на себя ответственность за кого-, что-нибудь’, *руководить* ‘направлять чью-нибудь деятельность’, *рукопашный* ‘о бое, схватке: производимый холодным оружием, штыками, прикладами’, *поручить* ‘вверить, возложить на кого-, что-нибудь исполнение чего-нибудь, заботу о ком-, чем-нибудь’ [8].

Нас в данной части исследования будут интересовать только дериваты, образованные от соматического объекта *рука* в значении ‘одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев’. К анализу привлекается как производная лексика литературного языка, так и диалектного, а также просторечия, т. е. мы рассматриваем ЛСГ на уровне лингвистического макроконструкта, обоснование которого см. в [2; 3]. Здесь мы не рассматриваем разнокорневые со словом *рука* диалектные образования, называющие верхние конечности человека. В говорах к таким относятся, например: *кабра* (Олон.) ‘кисть руки’, *калемá* (Свердл.) ‘уродливая рука’, *кукишá* (Нижегор.) ‘рука без пальцев’, *култы'га* (Влад.) ‘рука или нога без пальцев’, *наклá* (Вят.) ‘рука’, *накíла* (Вят.) ‘левая рука’, *накíла* (Краснояр.) ‘костлявая рука’ и др.

ЛСГ «рука» включает 215 дериватов, из которых 111 слов принадлежат литературной подсистеме языка. Всего 20 дериватов из общего числа являются многозначными; при этом слова *ручка* и *рукáв* имеют по 4 лексико-семантических варианта (далее – ЛСВ), *ручнiца*, *рукáстый*, *рушнiк* – по 3 ЛСВ, а остальные полисемичные дериваты представлены двумя ЛСВ.

Большинство дериватов ЛСГ «рука» обладают важными и отчетливо выделяемыми функциональными признаками, так как рука для человека прагматически чрезвычайно важна как основной инструмент физической деятельности. Руками можно брать / хватать предметы (ср., например: *рукосуйка*, *рукосуйник* ‘тот, кто хватает руками что-либо без спроса / в говорах – сует их куда попало/’ и др.), бить что-то или кого-то (*рукобiтчик* ‘тот, кто участвует в заключении какой-либо сделки’, *рукобiтье* ‘процесс завершения сватовства’, ср. в этой связи: “Все кладут руки – одна на другую. Первым кладет руку женихов отец, вторым – отец невесты, потом – женихова мать и на ее руку – мать невесты. Родные их раскидывают. Наверх всех рук кладут руки крестные. Когда руки кладут, все гости стоят. Все это должно было означать

крепость и обязательность выполнения договора. После «рукобития» невеста считалась просватанной» [7]), изготавливать нечто (*рукодэль, рукодэлец* ‘человек, делающий, изготавливающий что-либо своими руками’ и др.), подписывать (*рукоприкладчик, ручник* ‘человек, подписывающий какой-либо документ за неграмотного’ и др.), писать (*рукописание* 1. Церковная грамота с портретами святых, которую вкладывают в руки покойнику, 2. Текст произведения, написанный автором от руки или переписанный на пишущей машинке и др.), хлопать (*запоручки* ‘процесс хлопанья друг друга рукой по руке в знак взаимного согласия при заключении сделки, соглашения’, ср. здесь: *ручить, запоручить* ‘уговорить невесту дать руку на согласие ее выдать замуж’). За руками ухаживают в плане личной гигиены: их моют (*рукомойник*), вытирают (*рукотёр*) и производят с руками еще множество других действий, которые и характеризуют функциональные признаки дериватов, образованных от слова *рука*.

Структурные признаки в ЛСГ «рука» представлены незначительно, и это несмотря на то, что рука, являясь частью тела, сама членится на отдельные составляющие (*кисть, пальцы, ладонь* и др.). В пределах рассматриваемого ЛСГ на наличие структурных компонентов указывают дериваты, называющие часть одежды по руке как объекту – *рукав*, а также часть одежды по другой части одежды (*нарукавник* 1. Коротенькая кофточка с рукавами в обтяжку, надеваемая во время жатвы трепки льна, чтобы не секло рук, 2. Манжет, пришиваемый по краю рукава в качестве украшения одежды либо для защиты от износа этой части одежды). На структурные признаки указывает также и смысловое приращение дериватов, ср. *рукавица* ‘одежда на кисть руки с отделением для большого пальца’, *обручить* ‘совершить помолвку, во время которой жениху и невесте надевают кольца на безымянный палец руки’ и нек. др.

Физические признаки свойственны дериватам *ручка, ручонка, ручища* (отражен размер). Производные слова *рукомойка, рукотёрка* (название средств для мытья /вытирания рук), *наручники, рукопожатие* и нек. др. говорят о том, что рука имеет поверхность, а слова *рукав, рукавица, рукавки* указывают на то, что руки необходимо покрывать для защиты от холода, повреждений.

Психо-эмоциональные признаки нашли отражение в таких дериватах, как *ручишка* – с уничижительной семантикой (ср.: Одна рука у него недоразвита, такая уродливая ручишка, как у карлика.), *ручка, рученька* – ласкательное (ср. название песни В. Королёва «Зацелую твои рученьки» и название крема «Бархатные ручки»).

Отметим следующий, на наш взгляд, существенный момент для понимания смысла ряда слов. Дериваты *ручки, рученьки* используются обычно применительно к ребенку (ср. слова из рекламы: Развиваем речь и ручки младенца) или к женщине (ср. также текст рекламы: Браслеты – украшение, которое обладает великой силой. С его помощью можно привлечь внимание к изящной женской ручке). По отношению к мужчине применяется (вне стилистически маркированного контекста) только слово *рука*, и это

подчеркивает особую социальную роль мужчины в обществе – защитника, добытчика (ср. примеры из материалов интернет-форума: Прежде, чем я пожму твою крепкую мужскую руку, *руку отца*, мужчины, державшую меня за шиворот, дававшую причины жить, дававшую надежду выплыть <...>; А еще интересней глянуть на ту, которую возбуждают мужские руки <...>; Для меня главное, чтобы это были «мужские» руки – большие, сильные, мозолистые. Терпеть не могу, когда у мужчин холеные руки).

3. Признаки дериватов ЛСГ с вершиной *нога*. Обратимся теперь к анализу дериватов ЛСГ с вершиной *нога*. Слово *нога* в русском языке имеет 2 значения: 1. Одна из двух нижних конечностей человека, а также одна из конечностей животного. *Правая, левая нога*; 2. Опора, нижний конец (мебели, механизмов и т.п.) *Стул на трех ногах, нога шасси* [8].

ЛСГ «нога» включает 190 дериватов. Всего 15 дериватов из общего числа являются многозначными; при этом слово *подножка* имеет 5 ЛСВ, *ножка, козлоногий, обножный* – по 3 ЛСВ, а остальные полисеманты представлены двумя ЛСВ.

У слова *нога*, также как и у слова *рука*, существуют дериваты, обладающие функциональными признаками. Оба этих соматических объекта схожи в том, что являются инструментами, функция которых – выполнение действий. Основная функция ног – передвижение. Определенные действия, направленные на эту часть тела, могут нарушать указанную функцию: удар по ногам приводит к потере равновесия (*подножка 1, подножка 3*). Ср., в метафорическом смысле: что-либо может производить такой эффект, что человека сшибает с ног (*сногсшибательный*). Среди дериватов слова *нога* встречаются и названия животных, ноги которых выполняют специфические для этого органа функции (*жаброног* ‘Животное класса ракообразные, конечности которого выполняют функцию жабр’), либо названия объектов, выполняющих функцию ног (*ложноножка* ‘Временные выросты у одноклеточных организмов и у некоторых клеток многоклеточных организмов, служащие для передвижения и захвата пищи’). Кроме того, существует большое количество слов, обозначающих дисфункцию данного соматического объекта: *хромоножка* ‘Хромой мужчина/ женщина’, *обезножение 1* ‘Процесс по лишению способности ходить’. При сравнении ЛСГ «рука» и ЛСГ «нога» было отмечено: от слова *рука* образовано гораздо больше дериватов с функциональными признаками, так как руками можно совершать большее количество действий, тогда как основная функция ног – передвижение.

Структурные признаки у дериватов слова *нога*, также как и у слова *рука*, представлены в малом количестве. В основном, выражены они через названия одежды, покрывающей ту или иную часть этого соматического объекта (*ногови́ца* ‘Часть обуви или одежды, закрывающая голень с коленом’, *босоножки* ‘Летние женские туфли с открытым верхом, пяткой, и, зачастую, открытыми пальцами ног’). Выделены и слова – названия классов животных, характерной особенностью которых является специфическая структура органа (*членистоногие* ‘Тип животных с парными членистыми конечностями’).

В большей степени у производных от слова *нога* представлены физические признаки. Эти признаки указывают на количество анализируемого соматического объекта (о человеке: *двуногие*, о животных: *многоножка*, *сороконожка*, *четвероногие*, *осьминог*), размер (*большеногий*, *длинноногий*, *коротконогий*, *ножища*, *ножка 1*), цвет (*черноногий*, *красноножка*), текстуру (о животном: *мохноногий*), влажность (*сухоногий*, *мокроногий*), форму (*козлоногий*, *кривоногий*). Огромный пласт дериватов слова *нога*, обозначающий названия животных, опирается именно на специфическую форму органа (*мозолоногие* ‘Подотряд растительноядных млекопитающих отряда парнокопытных, ступня ноги которых сформирована мягким мозолистым выростом’, *лапчатоногие* ‘Водоплавающие птицы с широкими лопастными пальцами и острыми коготками’, *ластоногие 1* ‘Группа млекопитающих с превращёнными в плавники пятипалыми передними и задними конечностями, пальцы которых, снабжённые когтями, соединены толстой плавательной перепонкой’, *усоногие* ‘Группа членистоногих подтипа ракообразные, характеризующиеся тонкими, похожими на усики, конечностями’ и др.). *Нога*, также как и *рука*, имеет поверхность (*поножи* ‘Часть доспехов, которая защищает переднюю часть ноги от колена до щиколотки’), и ее необходимо защищать от внешних повреждений (*ногавка 1* ‘Род чулок на ногах у лошадей как предохранение от засекания подковами’).

В производных от слова *нога* отражены в незначительном количестве и психо-эмоциональные признаки. Например, слово *ножонка 2* – в уничижительном значении (ср.: *Маленький*, *брюхатый*, *ножонки в спортивных объехавших штанишках кривые непонятно, почему все и боятся его*. Ф. Абрамов. Дом; *ножка 2*, *ножечка*, *ноженька* – с уменьшительно-ласкательной семантикой. Отметим, что, как и в случае с *рукой*, слова с уменьшительно-ласкательной семантикой применимы, как правило, к детям и женщинам.

4. Выводы. Анализ материала показал, что дериваты ЛСГ с вершинами *рука* и *нога* формируют большое количество производных, в которых заложены функциональные признаки, что естественно: *рука*, как и *нога*, для человека выступают основными функционально значимыми органами – производителями действий. Однако, дериватов, обладающих функциональными признаками, слово *рука* образует в большем количестве. Несмотря на то, что *нога* не менее, чем *рука*, важна для человека как функционально значимый орган, нижняя конечность человеческого тела предназначена в основном для передвижения, и не может взять на себя ряд важных для человека действий, которые выполняются именно *рукой*, например: писать (в отличие от случаев, когда люди, лишённые рук начинают приспособлять ногу (или рот) в качестве средства держания инструмента для письма), брать, изготавливать, пожимать, бросить и др. В то же время *рукой* нельзя совершить ряд действий, которые закреплены именно за ногами (ср., например, глаголы *пнуть*, *прыгать*, *бежать*, *скакать* и др. Отсюда дериваты – *одноножка*, *сногшибательный*).

В свою очередь, физические признаки, лежащие в основе дериватов ЛСГ *нога*, представлены ярче по сравнению с производной лексикой ЛСГ *рука*. Это говорит о том, что специфические особенности ног значимы для наименования различных реалий действительности. Психо-эмоциональные и структурные признаки данных ЛСГ представлены приблизительно в равном количестве. Важно отметить, что, несмотря на различия, анализ дериватов показал, что восприятие данных органов человеком во многом совпадает.

Таким образом, «признаковый» подход, в рамках которого выделяются структурные, физические, функциональные, а также психо-эмоциональные признаки конкретного объекта / объектов, позволяет установить стереотипные взгляды людей на человеческое тело (части тела) и обнаружить общие и специфичные принципы и механизмы номинации производных слов, в нашем случае образованных от имен – соматических объектов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-04-00051

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Евсеева И.В. Гнездовой толковый словообразовательный словарь и диалектные дериваты // Ученые записки Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета. Серия «Филология». Тюмень: Тюменский гос. ун-т, Ин-т гуманитар-х исслед., 2008. С. 133–141.
3. Евсеева И. В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц): Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Кемерово: КемГУ, 2012.
4. Евсеева И.В., Пономарева Е.А. Когнитивное моделирование лексико-словообразовательного гнезда (на материале гнезд с вершинами сердце и heart) // В мире научных открытий. 2012. № 11.3. С. 90–118.
5. Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Ориентация тела и его частей: коммуникативные ситуации и стратегии поведения // Фонетика и нефонетика: К 70-летию С. В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 589–602.
6. Крейдлин Г. Е., Летучий А. Б. Части тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах // Русский язык в научном освещении. 2006. №12 (2). С. 80–115.
7. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/139506>
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: РАН. Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова, 2007. 1175 с.

С. С. Рубцов, В. И. Семенов, Е. В. Семенова *
(Россия, Лесосибирск)

НИКНЕЙМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ИГРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ АНТРОПОНИМОВ

Ключевые слова: никнейм, антропоним, речевая игра, Интернет.

В статье рассматривается феномен никнеймов как персонального воплощения личности в информационном пространстве. Выделены тенденции в образовании сетевых имен. Приведены данные, полученные в ходе исследования никнеймов в Лицее г. Лесосибирска.

S. S. Rubtzov, V. I. Semenov, E.V. Semenova
(Russia, Lesosibirsk)

NICKNAME IN THE INFORMATION SPACE AS A GAME VERSION OF ANTHROPONYMS

Keywords: nickname, anthroponym, speech game, Internet.

The article deals with the phenomenon of nicknames as a personal incarnation of the individual in the information space. Trends in formation of network names are highlighted. The data obtained during the research of the Lyceum nicknames in Lesosibirsk is given.

Веб-пространство принципиально изменило коммуникативную сферу всего человечества. Это касается как формальных, так и сущностных аспектов общения. SMS-сообщения, чаты, форумы, в социальные сети и др. новые каналы общения заставляют пользователей искать новые быстрые и удобные варианты общения. При этом логично встает вопрос идентификации себя в интернет-пространстве, что непосредственно связано с языком, поскольку язык был и остается ведущим средством общения в человеческом обществе. Как отмечает Л. Ю. Щипицина, «...появление новых форм взаимодействия между людьми, внесло свои коррективы и в традиционные области языка. Интернет лингвистически неоднозначен, это самый сложный конгломерат из разного рода стилей и жанров» [9]. В коллективной монографии «Интернет-коммуникация как новая речевая формация», изданной в Москве в 2012 г. (переиздано в 2014), понятие и особенности Интернет-коммуникации определены более точно и более современно [3].

Интернет-дискурс чрезвычайно подвижен, мобилен и лишен, как известно, цензуры. На наш взгляд, именно динамичность и уникальность развития Интернет-дискурса обуславливает актуальность исследования этого

* © Рубцов С.С., Семёнов В.И., Семёнова Е.В., 2016.

феномена. Предметом исследования является текст, созданный с помощью специальных средств. В роли таких виртуальных приспособлений все чаще выступают многообразные системы быстрого, иногда мгновенного, обмена сообщениями. Прототипом стал мессенджер ICQ, созданный в конце XX в. Главной функцией устройства было создание одновременного диалогового общения и речевого взаимодействия коммуниканта с несколькими партнерами по общению. Возникла возможность нескольких бесед, синхронных по времени, для ведения которых актуализировалась необходимость разных имен-идентификаторов партнеров по общению.

Роль языка здесь чрезвычайно велика. Есть смысл согласиться с точкой зрения, согласно которой язык выступает тут как «...единственное средство формирования и функционирования веб-контента и веб-личности, поэтому человек и общество актуализируются в Интернете в исключительно вербальной сущности» [5]. Роль такого персонального воплощения в виртуальном мире выполняет в первую очередь «никнейм» (виртуальное имя). Иногда, как показывает практика, для создания целостного образа пользователя в Интернете часто необходима сопутствующая информация в виде реального имени, пола, возраста, места проживания, интересов и др.

Вместе с тем доказано, что трёхчленная официальная структура именования, которая представлена в современной русской антропонимической культуре личным именем, отчеством и фамилией в интернет-пространстве «не срабатывает». Это связано зачастую с полным совпадением именований разных людей в рамках одного социума. Именно это заставляет носителей имён искать дополнительные возможности самообозначения и самоидентификации либо с помощью специальных обозначений (первый – второй, младший – старший), либо с добавлением к имени какого-либо прозвища. Последнее чаще всего связано с эмоциональной окрашенностью высказывания и отношения к человеку. И главную роль здесь выполняют креативные возможности речевой игры.

Виртуальное пространство Интернет-коммуникации позволяет пользователю выбрать себе имя по собственному желанию, без оглядки на официальные требования идентификации. Так возникают «никнеймы», как имена-маски.

Рассмотрим толкование термина «никнейм».

Никнейм (ник; англ. *nickname* /ˈnɪkneɪm/ — первоначально «кличка, прозвище», от средне-английского *an eke name* — «другое имя», перешедшее в одинаково звучащее «*a nick name*»), также сетевое имя — псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах). Как правило, никнейм пользователь выбирает сам при регистрации в сообществе.

Характерная черта никнейма – его условность или вымышленность для идентификации в сети. Но, как правило, одного никнейма бывает мало. Часто пользователи создают художественный образ из символов для общения и самопрезентации в чатах, социальных сетях и подобных ресурсах. Потребность

в самопрезентации пользователя выводит никнейм в область антропонимии, в связи с чем под никнеймом мы будем понимать антропоним, в данном случае «...неофициальное личное имя, самостоятельно присваиваемое его носителем с целью сокрытия личности, являющееся результатом креативной деятельности, используемое в различных сферах опосредованной молодёжной коммуникации, осуществляемой в письменной форме» [6].

Нельзя не принимать во внимание экстралингвистические факторы, к которым относятся уровень общей культуры автора, его социальное положение, сфера профессиональной деятельности, познавательные интересы, возраст, образование, национальность, гендерная принадлежность и т.д.

Единогласного антропонимикона в интернет-культуре в настоящее время не существует, более того, феноменология никнеймов и уровень его изученности на нынешний день позволяет высказать предположение о невозможности сознания каких-либо жестких рамок в этой области.

Вместе с тем, случайность появления никнеймов невелика. По мнению психологов, только один из восьми никнеймов выбран случайно, остальные же связаны с явлениями реальной жизни пользователя или указывают на его явные или тайные желания, культурные запросы, различные притязания, фантазии, предпочтения и т.д. [2].

Как правило, никнеймы – принадлежность молодежной субкультуры, поэтому они логично отражают систему социально-культурных ценностей и психологических установок этой группы населения. Главная особенность никнеймов – их игровой характер, что специально подчёркивает Б.Я. Шарифуллин, проанализировавший «ники» как средство речевой игры в Интернет-коммуникации [7; 8].

По результатам исследований Интернет-чатов выделяются следующие тенденции в образовании сетевых имён.

1. Никнеймы могут полностью совпадать с именем коммуниканта: Пётр, Svetl@na, РусЛаН, Gena, Максим, ЕЛЕНА, Kamilla, Polina, Katerina, ВероНика, AnDrEj, ПаВЕЛ, МаРиНа, Kolya, Sergej, VioLETTA. Заметим, что такой подход не приветствуется членами Интернет-сообщества.

2. Никнеймы могут возникать за счёт перехода общеупотребительных лексем или их сочетаний в разряд онимов: Лыжная мазь, СветоотражающийЭЛЕМЕНТ, БутерБрод_с_МаслоМ, МагнитнаяБуря, Kofe s molokom, Твоя судьба, контрольный_выстрел, SvetlajaGolova, БОЛЬШИЕ БУКВЫ, Generator_IdeJ.

3. Использование в качестве никнеймов имён представителей культурного и историко-политического дискурса: cesar, Клеопатра, Юнона, Апполоша, НИФФЕРТИТИ, Romanov. Присвоение коммуникантами прецедентных имён обусловлено, вероятно, традициями эпохи постмодернизма, где творчество основывается на переосмыслении известных образов и интертекстуальности, а также игре смыслов: EkaterinaIII, не-Путин, антижириновский, Ленин_и_Бревно.

4. В. Бойко [1] отмечает также тенденцию возрождения в Интернет-пространстве культуры язычников, что проявляется в актуализации имён славянских богов и мифологических существ (Перун, Ярило, ВелеС, ЛАДУШКА, Хорс, ВИЙ, Домовой, Русалка_Алка), а также отождествлении себя с природными объектами и явлениями (Я_СоЛныШко, ЗаРя, шепот ветра, Вечерняя*Звезда, Одинокая_луна, РАДуга, лужа (слякоть) .

5. В качестве никнейма часто используются высказывания, имеющие прецедентный характер. К таким единицам относят цитаты, крылатые слова, пословицы, поговорки, афоризмы, девизы, лозунги и пр.: Синяя борода; Мания величия; Человек без селезёнки; Что наша жизнь?-Игра; я_не_трус_но_я_боюсь; волк_в_овечей_шкуре; Интим не предлагать; Крытый медным тазом; Группа Крови; Чучело-Мяучело; достучаться до небес; безумный_шляпНИК; последний герой; рыцарь круглого стола; абонент не доступен; Миссия-Выполнима; Ешь_ананасы?; бычки в томате.

6. Доминирование английского языка в компьютерном дискурсе объясняет преобладание в Интернет-общении никнеймов-англицизмов: a_supergirl, Cherry Lips, SWEETY, Jump, to just_do_it, PUSH THE BUTTON, I_want2find_support, strong^roof, Ready4BedWeather. Также отмечена тенденция использования лексем из восточных лингвокультур: Yoko sama, Otaku, NINJA Zhang, WANG, Li, Zh@o, Chen, YANG, Wu, Li, Hu@ng и Zhou.

7. В новообразовании онимов выступает тенденция десемантизации (утрата словом лексического значения) и симплификации (упрощение) онимов. Информативная функция таких онимов сведена к минимуму: АБ, ktyf, ljkggc, fsfs, н-г-н, 1рп4, 12345, 3838. Отметим, что продуктивность образования таких никнеймов достаточно низка. Сочетание цифрового элемента никнейма с буквенным часто используется в качестве дифференциации коммуникантов с одинаковым именем.

Мы провели исследование никнеймов обучающихся в Лицее г. Лесосибирска. В опросе участвовали 24 обучающихся в 9 классе.

Были получены следующие данные.

15 (62 %) обучающихся не скрыли своё настоящее имя, 9 (37 %) обучающихся участвовали анонимно. 11 (46%) обучающихся имеют несколько никнеймов, 4 (17 %) обучающихся имеют наибольшее количество виртуальных имён. 2 (1%)обучающихся использовали для создания никнейма буквы русского алфавита (кириллицу), остальные 22 (92 %)– преимущественно латинские буквы. 6 (25 %) обучающихся использовали цифры, 5 (21 %)– другие графические элементы.

В исследуемом материале наблюдаются все перечисленные нами характеристики никнеймов, однако, особо выделяется ироническое (принижающее) отношение коммуникантов к себе: PaRaZiTka – паразитка, irkabalbes – Ирка балбес, Malen'kaya Pacost' – маленькая пакость, error – ошибка, Kisliy080897 – кислый.

В целом никнеймы обучающихся не отличаются разнообразием, особой фантазией.

Приводим список никнеймов обучающихся Лицея:

1. Иван Ю.- Vanyaushko
2. Роман И. - Leon, Malder, Elrey, Street storm.
3. Никита М. - Kisliy080897
4. Кирилл К. - Flzlk, Kent, Tip-ok.
5. Роман Ж.– VeSeLun, Sorrims
6. Илона Ш. - Ilonakim5+
7. Виталий Х. – Silver564 ,wolf , chudic, borchicrus.
8. Эльвина В. – 123 Ross
9. Дима К. – zarion, leo32rus1, copotev.d.
10. Яна Б. – AdcK.8D.
11. Ирина П. – Ikozavachko, irkabalbes
12. Михаил М. - TarL, Kamil
13. Вадим Р. – DocenF, Клоун, LacosTe
14. Алексей С. – Mamba, STALIN, Kalmar, g@logeno.
15. Роман О. - Drewranger, error, Striker, Могильщик
16. Аноним - Malen'kaya Pacost'
17. Аноним – PaRaZiTka
18. Аноним - Шаша :D
19. Аноним- FАНЯ, эльфрыцарь
20. Аноним – посейдон
21. Аноним - MurlЬIK@
22. Аноним – Nel'son

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Никнейм (ник, сетевое имя) как виртуальное имя собственное, условное или вымышленное компьютерное имя, художественный образ, который пользователи создают для личного общения в сети, представляет собой новое явление в ономастике, поэтому его научный статус окончательно не определён. Как явление искусственной номинации никнеймы обладают рядом свойств, позволяющих говорить об их особом месте в ономастической лексике. Никнейм – результат самономинации: его автором является носитель виртуального имени. Никнейм может быть отнесён к псевдонимам, но с оговоркой, так как Интернет – особый вид коммуникативного пространства. Никнейм как антропоним можно, вне сомнения, считать специфическим лингвокультурным явлением, создающим определенный «ономастический парадокс». Никнеймов у одного пользователя может быть множество.

Проведенное нами исследование показало, что никнеймы является отражением новой языковой ситуации, включающей в себя синтез общего и единичного, диахронии и синхронии, а также разных этапов развития культуры человечества.

Список литературы

1. Бойка В.Ю. Нікнэймы ў беларускім інтэрнэт-дыскурсе // Шостыя танкаўскія чытанні: матэрыялы да канферэнцыі. Мінск, 2008.
2. Добрые советы. Советы психолога // URL: <http://www.adviceskilled.ru/sovety-psikhologa> (дата обращения: 12.01.2016).
3. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч.ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Флинта-Наука, 2012. 320 с.
4. Словоборг. Народный словарь современного русского языка // URL: <http://slovoborg.su/> (дата обращения: 18.01.2016).
5. Трофимова Г.Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 9.
6. Чабаненко М.Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: автореф. дисс... канд. фил. наук. - Кемерово, 2007. С. 7.
7. Шарифуллин Б.Я. Речевая игра в Интернет-коммуникации: пролегомена и факты // Язык и социальная действительность: Научный журнал. №1. Красноярск, 2011. С.73-86.
8. Шарифуллин Б.Я. Языковая игра в Интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч.ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Флинта-Наука, 2012. Гл.11. С.203–220.
9. Щипицина Л.Ю. Понятие жанра компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестн. Помор. ун-та. Сер. Гуманит и соц науки, 2009. № 3. С. 68.

Л. Г. Самотик *
(Россия, Красноярск)

МОДНЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Ключевые слова: речевая социальная среда, престижные слова, модные слова, жаргонизмы, светский жаргон.

В статье ставится вопрос о влиянии моды на язык, связи модных слов с определённой социальной средой, наличие светского жаргона.

L. G. Samotik
(Russia, Krasnoyarsk)

FASHIONABLE WORDS IN TODAY'S SOCIETY

Keywords: speech social environment, prestigious words, trendy words, jargon, social jargon.

The article raises the issue of influence of fashion on language, communication buzz words with a certain social environment, the presence of secular jargon.

Мода всевластна, она проникает всюду. В том числе и в язык. **СЛОВА МОДНЫЕ** – слова, которые частотны на данный момент в литературной речи или речи определённого социума, которые высоко оцениваются и употребляются сознательно как следование какому-либо речевому идеалу. Используя модные слова в речи, мы хотим подчеркнуть свою исключительность. Но «использование в речи престижных выражений означает желание занимать определённую позицию, а не фактическое занятие этой позиции» [12: 271–272]. Модные слова относятся к так наз. статусной лексике. В.И. Карасик выделяет следующие модные слова: престижные слова, стильные (претенциозные) слова и манерные слова.

1. Престижные слова – повторяемая лексика модных «тусовок» (*волнительный, крутой, гламурный*), светского жаргона. Светский жаргон в известной мере противостоит тенденции к вульгаризации языка, поэтому в целом несёт положительное начало. Сложился ли в России светский жаргон? В романе Д. Донцовой «Букет прекрасных дам» [8], где изображено общество, претендующее на светскость, показано, что фактически «светского» жаргона нет, но автор мастерски обыгрывает речевую ситуацию, заставляя читателя поверить в его существование. В тексте приведены три жаргонизма, выражающие понятия «нового света»: *журфикс, файф-о-клок, суаре; Ещё у неё есть журфикс, что в переводе с французского обозначает «определённый день»; То есть каждую неделю по пятницам к ней являются гости (с. 63); Пару недель назад к маменьке*

* © Самотик Л.Г., 2016.

в салон на очередной **журфикс** забрёл Лёня Черепанов, журналист из газеты» (с. 27); Благодаря тому, что я отдаю ей большую часть своего заработка, маменька может по-прежнему собирать по вторникам подружек на **файф-о-клок**, или попросту – на чаепитие (с. 63); Я кивнул, понятно. Кока Миросердова страшная снобка, и попасть к ней **на суаре** (сноска: ‘вечер’, фр.) – это значит прослыть светским человеком... (с. 102).

Наиболее частотны слова **журфикс** и **файф-о-клок**, они обращают на себя внимание в силу своей необычности, распределены по тексту равномерно, что и создаёт впечатление их доминированности. Слово **журфикс** отмечено в МАС [27] в значении ‘приём гостей в заранее установленный день недели’ как устаревшее, т.е. относится к периферии ЛЯ, а **файф-о-клок** – внелитературное. **Суаре** также в ЛЯ устаревшее (теперь шутовое) со значением ‘званный вечер’. Таким образом, мы можем констатировать употребление в рамках одной тематической группы внелитературной лексики и слов периферии ЛЯ.

В сущности, ощущение особого стиля создаёт сопутствующая жаргонизмам престижная лексика в собственном смысле общеупотребительная. Названия одежды, украшений, парфюмерии рассчитаны на людей, которые таких вещей не имеют, но которым любопытно о них узнать, как об элементе «другой, красивой» жизни. Правда, в романе утверждается, что в русской действительности эта жизнь многолика и не всегда «красива»: *Сейчас придётся влезать в **смокинг**, застёгивать **бабочку**, зашнуровывать **лаковые ботинки** и мчаться к **Никоlette**, чтобы узреть очередную кандидатку на роль госпожи Подушкиной* (с. 63); *В тот день Рита надела **брючки от Гальяно**, **колготы «Премиум»**, пятьдесят долларов за упаковку, эксклюзивное **бельё от «Дим»**, если скажу, сколько стоит комплект трусики и лифчик, тебя стошнит. Повесила на шею несколько золотых цепочек, в ушки воткнула **серёжки от Тиффани**, на запястье пристроила **часики от Картье**, надушилась **парфюмом Живаниши**, имей в виду, это одна из самых дорогих и престижных фирм. Влезла в **сапоги от Гуччи**, **норковую шубейку**... И дополнила ансамбль свитерочком из подземного перехода? Нонсенс!»* (с. 71). Используются особые названия мебели: *Я поискал глазами кандидатку в жёны и, обнаружив девушку в самом углу, на **софе**, или, более правильно, **козетке**, двинулся к ней. **Козетка** – это такая штука, вроде маломерного диванчика, куда с трудом могут втиснуться трое тощих или двое полных людей* (с. 98). Слово **козетка** известно в ЛЯ (МАС) как устаревшее – ‘двухместный диван, кушетка’. Приводятся названия карточных и других игр: *Вечер как всегда. Сначала гости, разбившись на **группки**, что-то обсуждали, потом часть из них затеяла игру в карты. **Бридж** и **карелла** – вот во что играют сейчас в московских салонах. Естественно, никакого **покера**, **преферанса** и тем более **подкидного дурака**, только **бридж** и **карела*** (с. 101); *Играли, как всегда, на **фанты*** (с. 101). **Карелла** слово внелитературное, **бридж** известно в ЛЯ со значением ‘карточная игра, распространённая в Англии и в Америке’. **Фанты** – ‘игра, в которой её участники исполняют какое-л. шутовское задание, выпавшее по жребию владельцу предмета, отданного играющим для жеребьёвки’ (МАС). Обычно, роль светских жаргонизмов выполняют

заимствованные слова, часть из которых, по мнению автора, не знают не только читатели, но и герои: «Ну, **портфолио** хотите заказать?» «Простите?» – не понял я. «**Портфолио**, – спокойно повторил Паша и принялся растолковывать глупому посетителю суть – Альбомчик такой. С фотографиями, для манекенщиц» (с. 133). Маленькая книжка, так называемый **покет**, страшно удобная вещь для чтения в метро (с. 118). (Ср.: Женщины с любовными **покет – буками** попадались ему часто, и он не переставал удивляться тому, как в этих романах всё похоже [15: 165]). А все в джинсах, засмеялся я, – теперь стало немодно появляться в вечерней одежде, это **моветон**, но, естественно, только среди молодёжи, люди пожилого возраста носят, конечно, смокинги и всё такое (с. 183). Более того, весь **бомонд** считал профессора чудаковатым холостяком, таким учёным, погружённым в исследования, книжным червём, архивной мышью (с. 325). Все эти слова можно считать внелитературными, т. к. в МАС их нет. В «Словаре иностранных слов» [23] отмечено только **бомонд** со значением ‘Высший свет, «высшие» аристократические и буржуазные круги’. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина [14] **моветон** приводится как устаревшее со значением ‘дурной тон’, **бомонд** – как устаревшее ‘высший свет, привилегированные круги (часто употребляется иронически)’. «В ряде случаев новые обозначения соответствуют качественно новым реалиям, особенно в сфере бытовой техники. Как правило, новинки бывают более дорогими и поэтому, действительно, сначала занимают место в домах богатых людей. Представители нижней ступени среднего класса, для которых в первую очередь характерна гиперкоррекция, подменяют понятия, называя свой *проигрыватель стереосистемой* или *квадрафоником*. Посмотрев телесериал “Рабыня Изаура”, советские люди стали часто называть свои маленькие дачные участки словом *fazenda*» [12: 266, 271–272]. У. Вайнрайх писал: «В обществах с высоким уровнем социальной подвижности, где исчезли социальные диалекты как таковые, особый аристократический лексикон может служить паролем общественной элиты, но он обречён на постоянную изменчивость вследствие подражания со стороны жаждущей возвышения массы» [4: 42].

2. В. И. Карасик утверждает, что в нормативных справочниках английского языка выделяются так называемые “СТИЛЬНЫЕ СЛОВА” (stylish words) в противоположность “рабочим словам” (working words). «Стильные слова – это не к месту употребляемые термины. Подобные словоупотребления иначе называются “претенциозными” словами... Люди, не к месту употребляющие непонятные им термины, часто становятся объектами пародий, подобно поэту-халтурщику Ляпису из романа “Двенадцать стульев”: *Волны перекачивались через мол и падали вниз стремительным домкратом* [12: 204]. Все мы ещё помним так называемый «эффект речи деда Щукаря» М. Шолохова, который вводил в сою речь различные технические и политические термины, не понимая их. Очевидно, что в русском языке это явление связано не только с неточным употреблением терминов, но с неправильным использованием заимствованных слов вообще. В тех же «Двенадцати стульях» [10] читаем: «Слышали? – говорил один жилет

другому. – *Ганди* приехал в *Данди*». «Ганди – это голова! – вздохнул тот – И Данди – это голова». Возник спор. Одни жилеты утверждали, что Данди – это город и головою быть не может. Другие с сумасшедшим упорством доказывали противное (с.540). Мадмуазель Собак слыла культурной девушкой: в её словаре было около ста восьмидесяти слов. При этом ей было известно одно такое слово, которое Эллочке даже не могло присниться. Это было богатое слово: гомосексуализм. Фима Собак, несомненно, была культурной девушкой (с.185). В наших водевилях традиционен юмор, построенный на употреблении непонятных заимствованных слов, с объяснением: «*Что – не знаю, но слово красивое*».

3. «К модным и стильным словам примыкают *genteelisms* – манерные слова, эвфемизмы, сущность которых состоит в замене обычных слов и выражений на более изящные. Говорящий, использующий манерные слова, пытается произвести впечатление утончённого, хорошо воспитанного человека, но фактически выглядит смешно и нелепо... Наиболее часто к манерным эвфемизмам прибегают представители нижнего слоя среднего класса, и поэтому подобные слова являются речевыми статусными индексами соответствующих людей» [12: 273].

Классический, ещё из школы известный пример светского жаргона из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя, связанный с манерными словами, эвфемизацией: *Ещё нужно сказать, что дамы города отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намёк на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведёт себя», или что-нибудь вроде этого* [6: 230]. Вероятно, в известном отрывке выражена не просто насмешка над салонным жаргоном, как нас уверяли в школьные годы, но и изумление писателя перед родным языком (в сравнении с западноевропейскими). И в современном русском обществе дама вряд ли будет говорить на приёме: *я высморкалась, я вспотела, я плюнула, эта тарелка воняет.*

В этом случае эвфемизация связана с табуированием в широком смысле. В нашем обществе не принято говорить прямо о смерти, об отдельных «неприличных» явлениях, о физиологических отправлениях и связанных с ними частях тела; существует запрет на ругательства. Значимо при этом и особое строение русского языка – языка контрастов. Известен изощрённый русский мат, используемый во многих языках мира, но в русском литературном языке нет слов для обозначения некоторых интимных частей тела, состояний и т. п. (это или детские слова, или грубо-просторечные и нецензурные, или медицинские термины; вспомним используемое в переводах *заниматься любовью, задница* и др.). неприлично по-русски звучит и название итальянской скульптуры «Писающий мальчик». На русском литературном языке нехорошо

публично говорить о перхоти, прокладках, стуле, зуде и подобных вещах. В других европейских языках и даже других славянских (например, по свидетельству носителя языка, доцента КГПУ С. А. Агаповой, в сербском) это не совсем так, там используется принцип «что естественно, то не безобразно». Поэтому иногда насыщенными сквернословием выглядят пословные переводы иноязычных текстов, реклама. Заменой таких табуированных слов являются эвфемизмы. Иногда это доходит в художественной литературе до комического: *«Герои иных книг перестали не только до ветру ходить, чихать, сморкаться, кашлять, мыться в бане без трусов, но и даже есть перестали»* (В. П. Астафьев).

Манерность приводит к использованию иностранного языка: *Чтоб ещё более облагородить русский язык, половина слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожёстче упомянутых* [6: 230].

– *О, пожалуйста! Антр-ну, тет-а-тет. В четыре глаза, как говорят французы. А я к вам по делу, товарищ Щукин.*

– *Чрезвычайно буду рад вам служить.*

– *Гран мерси. Дело пустяковое. Ваша супруга просила меня к вам зайти и взять у вас стул* [10: 207].

Мода определяется тем коллективом (социумом, корпоративной группой), в котором человек вращается. Но, несомненно, она связана с **основными тенденциями развития литературного языка**. В наше время литературный язык подвергается вульгаризации, значительной жаргонизации и англизации [18]. Это, с одной стороны, сказывается на художественном течении постмодернизма, с другой – явно и обратное влияние постмодернизма на литературный язык (с установкой текстов на маргинальность, проявляющуюся в языке через использование в художественных произведениях табуированных обществом слов) [11]. **Англизация** через модные слова проявляется в стремлении к использованию заимствованной лексики не только из английского языка. Действительно, все мы знаем, что в последние годы в русский язык вошло большое количество иноязычных слов. Это и обозначение новых для общества явлений (*менеджер, свингер, армреслинг* и др.), и дублиеты русской лексики (*тенейджер* – ‘подросток’, *прессинг* – ‘давление’, *консенсус* – ‘соглашение’, *шоу* – ‘представление’ и др.). В современном русском языке – это слова, связанные с процессом информатизации (*ник, сайт, файл*), спортивная лексика (*армрестлинг, айсбаль, трикони*), названия одежды (*блейзер, пихора, батник*) и т.д.

В отдельные периоды нашей истории заимствований становится особенно много (например, в эпоху Петра I). Но далеко не все они остались в русском языке, среди них было много слов-«однодневок», другие стали языковыми символами эпохи – архаизмами и историзмами (*аглицкий, авантаж, ассамблея* и т.д.). Многие слова, столетиями функционирующие в русском языке, так и осознаются заимствованиями. Это достигается, прежде всего, способностью

русского литературного языка использовать т.н. не полностью освоенные заимствования, т.е. слова, не вписывающиеся в русскую систему. Например, фонетически неосвоенная лексика: сохранение твёрдого согласного перед гласным переднего ряда [э] – *па[нэ]ль* (в русском языке с середины XVIII в.) *каш[нэ]* (в русском с середины XIX в.) и т.д.; в высоком стиле речи сохранение предупредительного [о]: *[но]эт* (с начала XVIII в.), *[шо]ссэ* (с начала XIX в.), *[со]нет* (с 1-ой половины XVIII в.). Грамматически неосвоенная лексика: *кофе* (в русском с 1762 г.), *тюль* (с 1-й половины XIX в.) – относятся к мужскому роду, а не среднему и женскому; *пальто* (со 2-й половины XIX в.), *кино* (с 1923 г.) не изменяются по падежам и числам и т.д. [26].

Народные же говоры и просторечие если принимают заимствования, то сразу же включают их в русскую орфоэпическую и грамматическую систему: *радиво*; *колидор*; *лисапед*, *пальто – пальта – пальту...* и т.д. [7]. Нельзя также забывать, что новые элементы присущи не всем стилям и жанрам литературного языка. В основном речь обычно идет о публицистике, художественной литературе и разговорной речи (не рассматриваются изменения в научном и официально-деловом стиле).

Несомненно, на частотное употребление таких слов влияет мода. Англизация – не собственно русское явление, все европейские языки ей подвергаются в той или иной мере, это связано с американизацией европейской массовой культуры. В какой-то степени это, вероятно, и своеобразная реакция социума на вхождение страны в мировое сообщество после длительного «затворничества». А.И. Солженицын писал: «Нынешняя порча языка в том, что он замусоривается множеством англоязычных слов, большей частью безнадобных, дубликатных, вместо пренебрегаемых русских» [25: 3].

Использование в современных художественных текстах некоторых авторов (Э. Лимонов, Ю. Алешковский) не только «неприятных» слов, но и **сквернословия**, и мата явно не соответствует языковым стандартам культурного общества, хотя нужно иметь в виду, что так называемая альтернативная русская литература существовала всегда, но была известна в узком, преимущественно мужском, кругу. Альтернативные произведения писали и А. С. Пушкин, и А. Н. Толстой... (см. [1] и др.). Плохи не эти произведения сами по себе, а то, что они пытаются занять неподобающее им место в культуре. Сквернословие также связано с ориентацией на определённый речевой идеал, т.е. на моду.

Сквернословие распространяется в русском языке от сравнительно теперь безобидных *задница*, *сволочь* до прямого мата. Так, у В.П. Астафьева в одном из последних крупных произведений, «Прокляты и убиты», читаем: «*Поэт нашёлся, еп твою мать!*»; «*Весь мир – бардак, все люди – бл...и* (трансформировано ред.)»; «*Командир обращается к нам как к людям, а они ж...ы* (трансформировано ред.) *отвесили, губы расквасили!*» [2: 74, 191, 200] и т.п.

Используется мат и в поэзии:

Глядь! Кобыла Дунька, Судьба – конь...

– *Б...дь!* – вскричал из-под одеяла малолетний Миша, будущий поэт Михаил Поздняев, пораженный радостью рифмы.

– *Б...дь*, – ахнул изумленный редактор. А. Вознесенский

Причин появления сквернословия в современной публичной речи и художественных текстах, очевидно, много: это и общее положение в стране, и снижение культурного уровня общества, и многое другое. Причём некоторые приводят псевдоаргументы оправдания такого положения. А. И. Лебедь говорил: «Мы матом не ругаемся, мы на нём говорим» [19: 171]. Есть даже попытки сакрализировать мат (истинно русский язык древней религии и т.д.), хотя часть матерной лексики основана на унижении Богородицы, Христа. Нельзя материться и даже слышать мат женщинам и детям, их покровительницей является Дева Мария. Всегда сквернословие рассматривалось как богохульство. С одной стороны, некоторые писатели, видимо, приближаясь к натурализму в манере письма, переносят его и на речь. В рамках постмодернизма происходит эстетизация неэстетичного, это касается и языка. С другой стороны, освобождение от цензуры как-то само собой привело к устранению в некоторых издательствах литературных редакторов и даже корректоров, что сказывается на качестве текстов.

Близка этому явлению и **жаргонизация** литературного языка. Многие учёные (например, Г. Н. Скляревская [21]) выступают за активное введение в словарь литературного языка жаргонизмов (противопоставляя их, почему-то диалектизмам). Правда, речь идёт об «интержаргоне», «словах, с которыми мы все встречались» [9]. Он попадает в литературный язык обычно через молодёжный жаргон и при этом имеет несколько облагороженный вид.

В русскую публичную речь хлынула волна **жаргонизмов**, прежде всего, это лексика из воровского арго: *разборка, кайфовать, балдеть, торчать, безнадёга, беспредел, тусовка, туфта, хаза, пахан* и др. Из постоянной подборки «Аргументов и фактов»: В. Черномырдин: «Что, похоже на меня, что можно взять Черномырдина и *загнуть* или *нагнуть?*»; В. Путин: «Мы будем преследовать террористов везде... Вы меня извините, в туалете поймаем – мы их и в сортире *замочим*» [17], см. также [5]. Под сильным влиянием воровского жаргона находится молодёжный жаргон, солдатский и жаргон моряков срочной службы [20]. Причины этого явления лежат в общих социальных процессах современности и отчасти – влиянии сленга английского языка.

Иногда жаргонизмы не «опознаются» массовым читателем, поэтому текст понимается в несколько искажённом виде. Так, у В. Высотского: «*Смотри, чудак, она же **грязная**. И глаз подбит, И ноги разные...*» (*грязный* – ‘больной венерической болезнью’) [3].

Жаргонизация русского литературного языка – отрицательное явление в русской культуре. Но с самими жаргонами бороться бесполезно: по данным западных социологов существует такая закономерность: чем выше цивилизация, тем более дробным становится общество, а, значит, растёт количество жаргонов.

Но, как уже говорилось, в нашей стране большая часть жаргонов находится под влиянием воровского арго, а это уже представляет серьёзную опасность.

В основе воровского арго лежит офенский диалект (социальный диалект русских офеней – коробейников, мелких торговцев вразнос, который использовался в разное время разными социальными группами населения, например, старообрядцами). *По фене ботаешь?* – расхожая фраза наших детективов. В России арго складывалось во второй половине XIX в., формировалось в торговых центрах, портовых и столичных городах, местах ссылок. Арготизмы выражают определенную идеологию социума, тюремный, лагерный быт; подлинная арготическая лексика значительно отличается от арготизмов в художественной речи. (Ср.: *редиска* – 'нехороший человек' в комедии «Джентльмены удачи» и *ловить мышей* – 'раздевать пьяных'; *ширмач* – 'карманный вор, совершающий кражи с ширмой, т. е. с предметом, которым во время карманной кражи прикрывают руку: плащ, мешок, газета и т. д.'; *универсал* – 'гомосексуалист, допускающий все виды половых извращений'; аббревиатуры арго: *волк* – 'волку отдышка – легавому крышка'; *пост* – 'прости, отец, судьба такая'; *стон* – 'с тобой одной наедине' и т.д. [22].

В языке художественной литературы арготизмы используются со стилистической целью: как средство характеристики персонажей, в авторской речи при так называемой несобственно-прямой речи: «*Раньше приговорить человека к смерти или “опетушению” мог лишь сходняк в составе 20–30 авторитетов – нынче судьбу человека могут решить четверо-пятеро воров*» [!3: 18]. «*Задушу в объятьях!.. Разорву и схаваю! И запью самогонкой. Все!*» [27: 24]. «*Мысленно он прикинул, куда может податься сегодня начальник зоны. Конечно, где дела плохо идут. Значит, к жирным. У них всегда непруха*» [16: 30]. Используются они переводчиками для реалистической передачи просторечно-жаргонной стихии другого языка (сленга). Вне этих функций арготизмы засоряют и огрубляют речь говорящего.

Гораздо серьезнее англизации, с нашей точки зрения, мода на жаргонизацию языка. Жаргонизмы опасны не своим количеством, а особой организацией, отличной от народно-разговорной, системой номинации (в том числе вторичной). Если литературный язык «прогнётся» под их давлением, его система значительно трансформируется. Фокус культуры (Е. А. Найда) воровского арго – это насилие и разного рода мошенничества; основной стиль общения – агрессивный, одна из коммуникативных задач – уничтожение человека, что психологически оправдывает преступления. Ах, мода, мода! «Создай человеку язык – и ты изменишь общество».

Список литературы

1. Альтернативная поэзия XX века. М.: Изд-во МГУ, 1989. 218 с.
2. Астафьев В.П. Прокляты и убиты // Новый мир. 1992. № 11. С. 18-231).

3. Быков В. Русская феня. Смоленск, 1994.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 42.
5. Васильев А.Д. Триумфальный марш субстандартной лексики. Иллюзия свободы // Васильев А.Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. С. 110-129.
6. Гоголь Н.В. Мёртвые души. М.: Изд-во детской литературы, 1958. 607 с.
7. Гордеева О.И., Ольгович С.И., Охолина И.М., Палагина В.В. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск: ТГУ, 1981.
8. Донцова Д. Букет прекрасных дам. М.: Эксмо, 2003. 301 с.
9. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
10. И. Ильф, Е. Петров Двенадцать стульев. Золотой телёнок. – М.: Художественная литература, 1956. 655 с.
11. Ильин И.П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН. М: Intracfa, 2008. 384 с.
12. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
13. Кречетников А. Жизнь за решеткой. М.: Панорама, 1992.
14. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
15. Маринина А.Б. Шестёрки умирают первыми. М.: Эксмо, 2002. С. 165).
16. Нетесова Э. Колымский призрак. М.: Прометей, 1990.
17. Раков С., Волдырин М. Лужкову мешают пришельцы // Аргументы и факты. – 1999, сентябрь. № 39.
18. Самотик Л.Г. Русский язык на рубеже веков // Научный ежегодник. Вып.1 / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2000. С. 120-128.
19. Самотик Л.Г. Словарь языка Александра Лебедея. Красноярск: РИО КГПУ, изд-во «Амальгама», 2004. 328 с.
20. Самсонов Н.Г. Это наш русский язык // Парламентская газета «ИЛ ТУМЭН», 25 ноября 2011 г. С.21.
21. Складневская Г.Н. Состояние современного русского языка: Взгляд лексикографа // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики, 1. М., 1991. С. 262-263.
22. Словарь воровского аргю. Тюмень, 1981.
23. Словарь иностранных слов / под ред. Ф.П. Петрова. М., 1982.
24. Словарь русского языка. В 4-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981 (МАС).
25. Солженицын А.И. Восстановить обрушенную систему наших духовных ценностей // Педагогический вестник. 1999, июнь. № 12.
26. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993.
27. Шукшин В. Калина красная. М.: Молодая гвардия, 1985.

Б. Я. Шарифуллин *
(Лесосибирск, Россия)

ИНВЕКТИВНЫЕ ЖАНРЫ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассмотрены речевые жанры современной коммуникации в гендерном аспекте. Анализируются некоторые мужские и женские речевые жанры (инвектива как оскорбление, колкость, злословие).

Ключевые слова: речевые жанры, гендерная проблематика, инвектива, колкость, злословие.

B. Ya. Sharifullin
(Lesosibirsk, Russia)

THE INVECTIVE GENRES OF THE MALE AND FEMALE COMMUNICATION

The genres of speech of nowadays communication are considered in this paper. Some male and female genres of speech are analyzing (invective as an injury, taunt, slander).

Key-words: genres of speech, gender problematics, invective, taunt, slander.

Нет сомнений в том, что мужчины и женщины по целому ряду речевых параметров отличаются друг от друга – где больше, где меньше. Это связано, естественно, с их биологическими (психофизиологическими), а также – в определенной степени – и социальными различиями [1]. К последним, в частности, относятся и различия, связанные с разными социальными и коммуникативными ролями мужчин и женщин при речевом, а, следовательно, и социальном взаимодействии. Говоря о различиях мужского и женского типов речи, необходимо отметить, что различными будут не только социальные и коммуникативные роли мужчин и женщин, но и их отношение к стереотипам общения, их поведение в достаточно стандартных коммуникативных ситуациях, в том числе, и речевое (вербальное невербальное). Так, например, на речевое поведение женщин стереотипы, проникшие в общественное сознание, влияют в большей степени, чем у мужчин. Ниже будет учитываться именно этот фактор, правда, и с некоторыми психолингвистическими нюансами.

Очевидны также различия и в той сфере коммуникации, которая охватывается жанрами речи. «Деление жанров общения по половому признаку»

* © Шарифуллин Б.Я., 2016.

К. Ф. Седов относит к тем проблемам жанроведения, которые «нуждаются в особом рассмотрении» [5: 193].

Можно поэтому говорить о реальности двух разных типов дискурса в целом – мужского и женского, – и речевые жанры занимают в характеристике этих дискурсов, в описании речевых портретов мужской и женской дискурсивных личностей существенное место. Иначе говоря, можно говорить о каких-либо преимущественно мужских или, наоборот, преимущественно женских РЖ. Рассмотрим несколько наиболее характерных гендерных различий в предпочтении, выборе и языковом воплощении отдельных типов и видов РЖ.

Инвективные РЖ, видимо, присущи по преимуществу мужскому речевому поведению (как и речевая агрессия в целом). Описывая отражение русского типа в мужской речи жителей г. Екатеринбурга, Н. А. Купина и И. В. Шалина отмечают, что «в наборе РЖ преобладают обсуждение, объяснение, спор, устный рассказ». Инвектива же (т.е. речевые высказывания инвективного жанра. – Б.Ш.), «если она присутствует, носит скорее характер вкрапления. Важно, что инвектива не направлена на участников общения: нападки на третьих лиц всегда мотивируются и могут быть сняты в процессе обсуждения» [4: 49]. Эти наблюдения и выводы, как мне кажется, носят неполный характер, поскольку ограничены рамками лишь информативных РЖ, в составе которых инвективные высказывания действительно могут быть и вкраплениями (фрагментами иных РЖ).

Однако в более широком коммуникативном пространстве инвектива как РЖ выступает самостоятельно, реализуя вполне очевидные интенции говорящего. В этом случае инвективные жанры со всеми своими существенными и специфическими параметрами используются, видимо, преимущественно мужчинами.

(1) Наиболее распространенный среди инвективных жанров в речи мужчин, это, конечно, жанр «обсценного оскорбления». Не сами «обсценизмы» как феномен русского национального языка, поскольку они выполняют различные функции, не всегда связанные с РЖ «оскорбление», а их использование с целью «вербального наезда».

Именно с этой целью, я полагаю, был использован обсценизм *n..da* в скандальной истории интервью Ф. Киркорова журналистке И. Ароян на пресс-конференции в Ростове-на-Дону 20 мая 2004 г. Против певца было возбуждено уголовное дело по статье 130 части 2 УК РФ («Оскорбление»). Поскольку мой коллега А.Н. Баранов как специалист-эксперт из Института русского языка им. В.В. Виноградова дал заключение, в котором факт оскорбления не устанавливается, придётся ещё раз «пройтись» по этому казусу, имея в виду именно речевжанровый аспект оскорбления как инвективы.

Приведу тот фрагмент пресс-конференции, который явился предметом судебного разбирательства (цитирую, как и далее, опять Википедию, в которой есть соответствующие ссылки (<http://ru.wikipedia.org/wiki>):

К.: Меня раздражают Ваша розовая кофточка, Ваши сиськи и Ваш микрофон...

А.: Вы не против того, что я так и напишу?

К.: Да... а? а? Да мне п...й, как вы напишете, так же, как и вы! Я не люблю непрофессионалов, непрофессионалам тут делать нечего. Вы что, хотите, чтобы я сейчас ушёл отсюда? Я уйду... Но не уйду, потому что уважаю других ваших коллег. А вы отсюда уйдёте!

А.: Почему вы так себя ведёте?

А.: Я, как и вы, на работе.

К.: Встали и ушли!

А.: Вы считаете, что это нормально?

К.: Да, я считаю – нормально, встала и ушла отсюда! Ремейков ей, видите ли, большое количество... На пресс-конференции к звёздам надо приходиться подготовленными, а не так, как вы: вчера у подворотни, а сегодня здесь, на втором ряду.

А.: «У подворотни» – это...

К.: Всё, до свидания!

А. Хорошо, до свидания!

К.: Да-а-а-свида-а-а-ни-и-и-я... Га-а-ва-а-рите сна-а-ча-а-ла, да? Научитесь га-а-ва-а-рить сна-а-ча-а-ла по-русски, да... Научитесь говорить сначала по-русски, да... до свиданья, всё.

А.: А вы научитесь себя прилично вести! «Звезда»!

К.: Да... П...да!

Привожу общие выводы из заключения А.Н. Баранова, написанного по запросу «Коллегии адвокатов «Львова и партнеры», защищавшей интересы подсудимого:

«1. Оскорбление как речевой акт обязательно направлено на конкретное лицо – адресата оскорбления. То есть речевой акт оскорбления требует использования соответствующих неприличных выражений, направленных (адресованных) конкретному лицу. Кроме того, речевой акт оскорбления предполагает, что говорящий приписывает адресату отрицательную характеристику (одну или несколько).

2. Во фразе (1) «Ф. Киркоров: <...> Меня раздражают Ваша розовая кофточка, Ваши сиськи и Ваш микрофон» И. Ароян не приписывается никаких отрицательных характеристик, выраженных в неприличной форме.

Во фразе (2) «Ф. Киркоров: А?! А? Да мне... да мне по...ую, как Вы напишете... Так же, как и Вы... Я не люблю непрофессионалов! Непрофессионалам тут делать нечего!» И. Ароян приписывается отрицательная характеристика – непрофессионализм, при этом используется слово литературного русского языка, которое не относится к числу неприличных.

Фраза (3) «И. Ароян (презрительно): А вы научитесь себя вести. „Звезда“.

Ф. Киркоров (рифмуя): *Да... П...да!*». Эта фраза многозначна: это может быть и приписывание И. Ароян отрицательной характеристики, и языковая игра. Только говорящий может пояснить то, что он имел в виду.

3. Идиома *по...ую* (кто-л./что-л., кому-л.) употреблена во фразе: *„А? Да мне... да мне по...ую, как Вы напишете... Так же, как и Вы...“* в значении *„говорящий даёт понять адресату, что он исключает то, что напишет адресат, из своей личной сферы“*, то есть Ф. Киркорову безразлично, что о нём напишет журналистка. Продолжение фразы *„Так же, как и Вы...“* указывает на то, что говорящему безразлична и сама журналистка.

Фразу *„А? Да мне... да мне по...ую, как Вы напишете... Так же, как и Вы...“* нельзя рассматривать как оскорбление, поскольку в ней адресату не приписывается никаких отрицательно оцениваемых характеристик»

4. Слово *„п...зда“* в контексте *„И. Ароян (презрительно): А вы научитесь себя вести. `Звезда`“*.

Ф. Киркоров (рифмуя): *„Да... П...зда!“* допускает различные интерпретации. При одном понимании И. Ароян в неприличной форме приписывается некоторая характеристика. При втором понимании речь идет о языковой игре, основанной на рифме со словом *„звезда“* и взаимной перебранке. Поскольку речевой акт Ф. Киркорова состоит из одного слова и следует после частицы *„да“*, употреблённой в значении реакции-согласия, по контексту невозможно установить, что конкретно имеется в виду – приписывание характеристики или языковая игра с перебранкой. Это тот случай, когда говорящий может пояснить то, что имелось в виду».

5. Слово *сиськи* в контексте *„Ф. Киркоров (обращаясь к И. Ароян): Я не хочу, чтобы Вы меня фотографировали. Вы мне надоели. Меня раздражают Ваша розовая кофточка, Ваши сиськи и Ваш микрофон“* с точки зрения стилистики относится не к неприличным, а к просторечным словам».

6. Интерпретация метафоры ПОДВОРОТНИ как оскорбления определяется метафорическими следствиями. Поскольку рассматриваемый контекст не позволяет однозначно определить эти следствия, установить, в каком значении употреблена метафора ПОДВОРОТНИ, не представляется возможным. Следовательно, эта метафора не может однозначно рассматриваться как оскорбление адресата данной реплики».

В своем заключении А. Н. Баранов, как пишут журналисты, корпоративно защищавшие свою коллегу, «занимается лишь толкованием бранных слов, не учитывая контекста и интонации, с которой произносил свои фразы Ф. Киркоров. Все свидетели из числа журналистов, присутствовавших на пресс-конференции 20 мая, на суде в один голос заявили, что мат певец адресовал именно Ирине Ароян. На видеозаписи пресс-конференции видно, что слово *п...* Ф. Киркоров произносит, прямо глядя на журналистку».

Представитель частного обвинителя, адвокат В. Лифшиц следующим образом оспорил заключение:

«Выводы построены на софизмах – ложных умозаклучениях, которые на первый взгляд кажутся правильными, но основаны на сознательном нарушении

правил логики. Так, профессор полагает, что оскорбление обязательно должно содержать негативную характеристику того, кому адресовано. Между тем это не так. Оскорбление может содержать отрицательную оценку, а может и не содержать. Можно ли утверждать, что валенки – это обувь? Конечно. Но нельзя утверждать, что вся обувь – это только валенки. Оскорбить можно, плюнув в лицо человеку. Это действие не содержит никаких отрицательных характеристик».

Вот мнения некоторых лингвистов, а не непрофессионалов:

Г.Ф. Рахимкулова (автор первой экспертизы, Ростовский государственный университет): «Я думаю, что это лукавство. В тех фразах, которые были представлены мне для экспертизы, я не вижу никакого словотворчества. Более того, я вижу два слова, которые относятся к разговорной лексике и два слова на "х" и на "п", которые относятся к мату. Поэтому я здесь словотворчества не вижу. <...> Потому что ясно, что журналистке нанесено оскорбление и ясно, что в этом должен разбираться суд» (<http://www.echorostova.ru/>).

И. Левонтина (ИРЯ им. В.В. Виноградова): «Если я спрошу подругу: скажи, ты диссертацию сама писала или тебе муж помогал. Она скажет: ты меня оскорбляешь, такое предположение для меня оскорбление. Или если феминистке подать пальто или заплатить за кофе, это будет для нее оскорблением, но это не то оскорбление, о котором идет речь в законе. В законе сформулировано, оскорбление - это унижение чести и достоинства человека в неприличной форме. Хорошо, неприличная форма есть, никто не спорит, что слово из трех букв и из пяти неприличные» (<http://www.echo.msk.ru/interview/interview>).

Мнение А.Н. Баранова: «Что такое неприличная форма, можно сказать в научной дискуссии, что что-то мне ваше личико не нравится. Это будет оскорбление. Ни брани, ни мата. Все абсолютно прилично. Оскорбление? – оскорбление». «Действительно понятие оскорбления в таком естественном смысле, обычном смысле этого слова вполне применимо к данной ситуации. Потому что действительно, когда человек на пресс-конференции использует матерную лексику, обценную лексику, это, конечно, крайне негативно и это нарушает все моральные нормы, которые существуют в обществе - конечно, это крайне негативно».

Наконец, **моё мнение**: во-первых, я полностью солидарен с А. Н. Барановым, который в ряде интервью после этого инцидента заметил, что, как человек, он понимает, что женщине было нанесено оскорбление, но как лингвист он должен придерживаться только «букве закона», пусть и несовершенного, но действующего на тот момент. Кроме того, как подчёркивал и сам А. Н. Баранов, его заключение «экспертизой» не является, как писали некоторые его оппоненты, поскольку согласно Российскому Законодательству, судебную лингвистическую экспертизу назначают либо суд, либо Следственный комитет РФ (которого тогда ещё не было в структуре правопроизводства).

Во-вторых, все «нападки» по этому поводу на А. Н. Баранова в СМИ и блогах Интернета – тоже являются реализацией инвективных РЖ, пусть даже без использования каких-либо речевых средств с негативными смыслами (хотя и всякого рода обсценизмов и прочих «злых словес» тоже можно в этих публикациях обнаружить; цитировать не хочется).

Теперь рассмотрим эту конфликтную коммуникативную ситуацию с позиции речезанроведения. К сожалению, основные положения теории РЖ мало используются при проведении судебных лингвистических экспертиз, о чём я говорил в докладе об анализе инвективных жанров на научно-практическом семинаре ГЛЭДИС в Москве в 2002 г. [8].

При анализе инвективных жанров типа «оскорбление» необходимо исходить не только из правового определения и толкования этого речевого события, вербального или невербального (напоминаю, что согласно моему мнению, речь, а значит, и речевые жанры, могут быть чисто вербальной, чисто невербальной и смешанной, вербально-невербальной), но также из его жанровых параметров.

Во-первых, «оскорбление», как иные инвективные жанры, относятся к числу негативно-фатических, информативного содержания в нём, как правило, минимизировано: если автор высказывания сказал кому-либо, что он «Козёл», какая здесь содержится информация? Для адресата – нулевая, так же и для постороннего лица.

Во-вторых, необходимо всё-таки выявить коммуникативную цель данного жанра (иллокутивное намерение автора) и речевые тактики, реализуемые им для достижения своей цели. Конечно, выявление цели нанести оскорбление адресату и его речевых тактик требует тщательного анализа конкретной коммуникативной ситуации, образов автора и адресата жанра, их взаимоотношения и т.п., т.е. анализ и диктумного содержания данного жанрового высказывания.

Рассматривая в своей работе тактики (РТ), в частности, нанесения обиды, издевки и оскорбления, О. С. Иссерс [3: 112] выявила следующие «продуктивные речевые тактики»:

РТ-1. Прямое оскорбление. «Он дурак (вор, мошенник, непрофессионал, больной...»).

РТ-2. Косвенное оскорбление. «Он похож на...».

РТ-3. Развенчание притязаний. «Он не похож на..., хотя и претендует»).

РТ-4. Навешивание ярлыков. «У него лицо как блин, и это всё, что можно о нём сказать»).

Оставляя в стороне вопрос о соотношении РЖ и РТ, прокомментируем с этих позиций конфликтную ситуацию с участием Ф. Киркорова и И. Ароян. При этом анализе могут быть выявлены и другие РТ.

Primo: в высказываниях Ф. Киркорова содержится «прямое оскорбление» (РТ-1): «Да... а? а? Да мне по...уй, как вы напишете, так же, как и вы! Я не люблю непрофессионалов, непрофессионалам тут делать нечего». Очевидное указание на непрофессионализм журналистки.

Кроме того, прямым оскорблением я считаю высказывание Ф. Киркорова, причём подчёркнуто издевательское (передразнивание), относительно неумения журналистки говорить грамотно по-русски, что в ситуации с армянкой И. Ароян приобретает и некоторый «этнический флёр»: *«Да-а-а-свида-а-а-ни-и-и-я... Га-а-ва-а-рите сна-а-ча-а-ла, да? Научитесь га-а-ва-а-рить сна-а-ча-а-ла по-русски, да... Научитесь говорить сначала по-русски»*. Что особенно смешно, учитывая знание русского языка самим Киркоровым: «...». Это только из данного текста, но примеров много и из других публичных выступлений Ф. Киркорова, приводить которые смысла нет.

Secundo: В своих высказываниях Киркоров использует и РТ-2 «Косвенное оскорбление»: *«На пресс-конференции к звёздам надо приходиться подготовленными, а не так, как вы: вчера у подворотни, а сегодня здесь, на втором ряду»*». Смысл этой фразы таков: «Она похожа на ту, которая была у подворотни, а потом «вышла в люди». Поэтому ссылки А. Н. Баранова на «метафору ПОДВОРОТНИ», которая, «не может однозначно рассматриваться как оскорбление адресата данной реплики», в речевом аспекте не совсем приемлемы.

Tertio: Что касается таких РТ, как «Развенчание притязаний» и «Навешивание ярлыков», то в высказываниях Ф. Киркорова этого предостаточно.

К первому случаю можно отнести уже процитированное высказывание; *«На пресс-конференции к звёздам надо приходиться подготовленными, а не так, как вы: вчера у подворотни, а сегодня здесь, на втором ряду»*. Киркоров здесь подчёркивает не только непрофессионализм журналистки, но и её «неподготовленность» к общению со «звёздами», отрицая тем самым стремление журналистки выполнять свой профессиональный долг.

Что касается «навешивания ярлыков», то Киркорову могли бы позавидовать некоторые наши политики. Это не только пресловутая *n...да*, якобы «рифмованная словесная игра в перебранке» (кстати, «перебранка» как речевое действие предполагает и брань со стороны другого участника конфликтной ситуации, но в высказываниях И. Ароян этого нет), но и те же *«сиськи»* и даже *«розовая кофточка»*, учитывая сам контекст.

Quarto: В данной коммуникативной ситуации я бы выделил ещё одну РТ – «Императивное требование», высказанное, естественно, не с помощью банального «Иди на...», но тем не менее, оскорбительное:

»; *«Встали и ушли!»*, *«Да, я считаю — нормально, встала и ушла отсюда»*; *«Научитесь говорить сначала по-русски, да... до свиданья, всё»*.

Интересно, что Киркоров, упрекавший И. Ароян в плохом владении русским языком, сам употребляет неграмотную акцентуационную форму .

(2) У женщин есть иные жанры, направленные на ухудшение общения, на то, чтобы адресат стал чувствовать себя дискомфортно, жанры, которые следует относить более к классу оценочных или оценочно-информативных, чем

чисто-инвективных: «колкость», «злословие», «сплетня» и т.д. Мне представляется, что если говорить отдельно о мужском и женском типах речевого поведения, то женщины более склонны к тем РЖ, которые описываются как «злословие» и, возможно, в меньшей степени, «ворчание» – по крайней мере, в той его разновидности, которую можно обозначить не совсем терминологически «пиление». Ср. стереотипный образ жены, которая «пилит» своего мужа, отражённый в анекдотах:

Мужика чуть ли не каждый день пилит жена. Ну никакого покоя!

Пошел мужик к колдунье. Договорились. Ведьма дала ему бутылку снадобья и говорит:

- Жена его выпьет – и все! Исчезнет!

На следующий день мужик прибегает к ведьме и кричит:

- Что ты наделала, старая!?

- Как что? Жена исчезла?

- Исчезла.

- Ну, тогда какие претензии?

- Ну, а звук-то остался!

Жена пилит мужа. Муж в ответ: Смени пластинку или я сменю патефон.

В этих и в ряде иных анекдотов обыгрывается один из существенных признаков РЖ «пиление» – его внешняя звуковая форма, на базе которой и возникло метафорическое значение глагола *пилить*:

В «Национальном корпусе русского языка» отмечены такие употребления глагола в данном смысле, имеющие уже гендерную перспективу [НКРЯ]:

А то мама каждый день пилит: постели кровать, подмети пол, вымой посуду! (Виталий Губарев. Трое на острове. 1960).

Вначале он, правда, был несколько растерян, дымил своей сигарой, бабушка, наверно, пилила его с утра до ночи: завёз Якоба в этот проклятый городишко, недосмотрел, проморгал, – и вот результат – потеряли любимого сына (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок. 1977).

Более актуальные примеры представлены также в «Словаре современного русского города» [7: 393]: «Ну-што ты пилиш каждый день? Я ж сказал – зьделаю; Пилит и пилит каждый вечер, надаест хоть-каму».

Учитывая, что в переносном смысле глагол *пилить* можно считать речевым, вполне оправданно и наименование РЖ «пиление». Ещё один пример: на этот раз реальный, «запостированный» на одном из блогов Интернета (орфографию и пунктуацию сохраняю, адрес сайта не даю специально ☺):

Жена пилит – сил нету :(Пилит долго и за все, что не нравится, с утра еще глаза не успела продрать – а уже снова начинает пилить за вчерашнее пиво. И будет пилить так целый день пока не нагрубишь и не рявкнешь. Потом как всегда слезы "как ты на меня можешь голос повышать, я тебе добра желаю, ты бесчувственная свинья!"

При всем этом я пью пиво только по выходным, курю 3-4 легких сигареты в день, и задерживаюсь на работе только в особо важных случаях. Семья молодая – нам еще 30 нету.

И вот что делать? разводится???

Вопрос, конечно, не только риторический...

В жанровом отношении интересно различие между западноевропейскими и русскими анекдотами о мужьях и женах, отмеченное Е. Я. и А. Д. Шмелевыми: в западноевропейском анекдоте муж зарабатывает деньги, а жена их нерационально тратит; муж же **ворчит** и пытается пресечь эти траты. В русском анекдоте муж приносит заработанные деньги домой, пытаясь спрятать «заначку», или пропивает получку; жена его **пилит** [9: 143]. Как мы видим, жанровые роли мужа и жены противоположны, как и сами РЖ: в европейском понимании «ворчание» мужа – это просто «занудство», не имеющее явных признаков инвективы. У нас «пиление» – скорее всего, типичный женский жанр одной из форм речевого взаимодействия с супругом.

Теперь о РЖ «колкость», который часто путают с «злословием» (см. ниже). Ряд наблюдений над этим жанром в аспекте внутрижанровой стратегии речевого поведения был представлен в статье К. Ф. Седова [5], который, кажется, впервые предложил считать данное речевое действие жанром бытового общения. В его работе это не аргументируется, но то, что «колкость» можно отнести к РЖ доказывается опять же метафорической, как в случае с глаголом *пилить*, семантикой глагола *(у)колоть*, становящимся уже речевым глаголом: «задевать кого-л. колкими, неприятными замечаниями, язвительно упрекать кого-л.» [МАС 2: 77]. Ср. приведённый пример: «[Ольга] *все колола его [Обломова] легкими сарказмами за праздно убитые годы*» (Гончаров. Обломов). На речезанровую природу «колкости», в отличие от речевых тактик, указывает и тот факт, что и автор, и адресат жанра понимают, в чём состоит коммуникативная цель данного «колкого» высказывания. Хотя, с другой стороны, глагол *(у)колоть* от лица автора не употребляется, но зато адресат «колкости» может его использовать по отношению к автору: «*Опять ты меня всё время колешь и колешь? Опять гадости говоришь?*».

С некоторыми положениями и предположениями К. Ф. Седова я согласен, но с некоторыми хотелось бы и поспорить.

Действительно, «колкость» – это «как бы комплимент со знаком минус. Она продиктована стремлением (часто не вполне осознанным) сказать собеседнику неприятное ("Она мне гадость сказала"). Кстати сказать, если комплимент – это жанр по преимуществу мужской речи, то колкость чаще всего говорят друг другу женщины. Вообще говоря, деление жанров общения по половому признаку – проблема жанроведения, которая нуждается в особом рассмотрении» (sic! – Б.Ш.) [5].

Согласен также и с тем, что «колкость (как и комплимент) предполагает искусность». Уж если в течении ряда столетий в европейской цивилизации мужчины выработали некоторый «кодекс комплимента», что «переводит» его из просто бытовой сферы в сферу риторических жанров, то европейские и

русские женщины, оставаясь только в пределах бытового взаимодействия (чаще по типу «женщина» – «женщина»), тоже, в неявном, конечно, виде, выработали множество жанровых стратегий «колкости». Традиционно это называли у нас и в Европе «злословием», потому и появилось понятие «Школа злословия».

«Колкость» (а также «иронию», «издевку», «розыгрыш») В. В. Дементьев относит к фатическим РЖ, «ухудшающим отношения в скрытой, косвенной форме» [2]. Согласен, но насчёт «розыгрыша» – сомнительно, т.к. глагол *разыгрывать* к речевым не относится. Скорее всего, мы имеем дело с гипержанровым сценарием «розыгрыша».

То, что «колкость» – жанр инвективной речи, косвенно подчёркивает и К. Ф. Седов, сравнивая его с оскорблением, но «в отличие от оскорбления, колкость несет в себе скрытую ядовитую шпильку. Поэтому в этом жанре большое значение имеет подтекст, намек. Степень косвенности коммуникации здесь значительно выше, чем в комплименте. Это хорошо заметно в случаях, когда колкость внешне строится как комплимент. Ср.:

Встречаются две тридцатилетние женщины, давно не видевшие друг друга

– Ну/ как я выгляжу?//

– Выглядишь эффектно/ но лет на сорок//» [5].

Здесь важен такой существенный признак РЖ «колкость» – «намёк», хотя его довольно трудно определить в терминах собственно речеганроведения (словосочетание *скрытая ядовитая шпилька* явно не терминологично, а излишне образно). Иногда в контекстах понятия «колкость» и «намёк» различаются, особенно в литературе XIX века. Ср.:

«Страсть её была в том, чтобы отпустить тонкие колкости и намеки».

М. В. Авдеев, «Тамарин», 1851 г. (НКРЯ).

Скорее всего, «намёк» тоже можно отнести к РЖ «косвенной коммуникации», причём, информативным, а не фатическим, тем более что глагол *намекать* можно считать речевым. С другой стороны, у «намёка» есть признаки, сближающие его с речевыми тактиками («тактика намёка», как один из приёмов реализации инвективного жанра «оскорбления»).

Интересно, что не только мужчины, но и современные дамы считают этот РЖ преимущественно женским. Вот пост из женского форума на тему «Женские колкости, или женщина – не Женщина?!»:

«Дааа ужжжж, колкости свойственны именно женщинам. главное и не ждёшь, а гадость так в тебя и вонзается. а я вот не умею, а иногда надо...» (<http://www.podvalchik.ru/index>). Ещё один пост из того же форума: «Житейская мудрость: Женщина – не женщина, если она другой (или о другой) женщине гадость не скажет...».

Приведу несколько примеров (с комментариями), в которых, полагаю, достаточно явно представлены жанровые признаки «колкости»:

(а) Ой, ты новую блузочку купила? Миленькая... Вчера аж три сотрудницы наших точно в такой же на работу пришли. Да не переживай, на тебе блузка лучше сидит! Вот только эта расцветка тебя явно полнит. Зато в остальном... Миленько, очень даже миленько!

Якобы «комплиментарное» высказывание содержит положительную оценку не самого адресата, а предмета его туалета (что для собственно комплимента не всегда свойственно). Очень умело используется «градация» инвективности: от внешне нейтрального сравнения с *«аж триа сотрудницами»* (намёк на некий «ширпотреб»), через вроде бы похвалу (*«на тебе блузка лучше сидит»*) к якобы «дружескому упрёку» (*«эта расцветка тебя явно полнит»*). И кульминация: *«Зато в остальном...»*, и снова похвала этой самой блузке. Использование уменьшительных форм ещё более подчёркивает иллокутивное намерение автора высказывания.

(б) *«Ты заболела, дорогуша? Нет? Слава Богу, молодец! А выглядишь просто ужасно, такие мешки под глазами!»*.

Менее искусное, чем предыдущее, языковое воплощение РЖ «колкости», степень инвективности выше, несмотря на использование слов с положительными значениями (*дорогуша, молодец*). Внешне выглядит как проявление доброжелательности, участливости, но иллокутивные намерения автора высказывания очевидны и для адресата. Это подчёркивается и употреблением слов с негативными смыслами (*заболела, выглядишь ужасно, мешки под глазами*).

(в) Два примера колкости, направленной на третье лицо, понятно, тоже женского пола:

Бедняжечка Леночка, она так старается на занятиях! Но, увы...

Несмотря на общую как бы участливую тональность высказывания и полное отсутствие в нём, в отличие от предыдущего, слов с негативной оценкой, но зато использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*бедняжечка, Леночка*), это высказывание, судя по контексту общения, содержит скрытый намёк на то, что Лена не слишком способна к учению, а это уже колкость. Снова используется речевая тактика «намёка».

Ольга так изменилась, бедная...

Очевидно, автор высказывания, женщина, подразумевает внешние изменения не в лучшую сторону, поскольку сразу же следует ожидаемая реплика слушательниц: *«А как она выглядела раньше?»*. И это уже дает автору простор для дальнейшего развития этой коммуникативной ситуации.

Впрочем, колкости женщин могут быть направлены и на мужчин. Ср. пример из художественной литературы:

Аня помалкивала или отпускала реплики не по существу, главным образом колкости в адрес хозяина и холостяцкого убранства его жилища (Сергей Гандлевский, «НРЗБ» // «Знамя», 2002 г.).

На цитированном выше женском форуме представлена такая реплика о событии, когда на женскую колкость в его адрес мужчина ответил рукоприкладством (что его, конечно, лишает, я полагаю, «звания мужчины» – Б.Ш.): *«Ну вот собственно... у мужика явно не хватило интеллекта ответить колкостью на колкость...»*. Опять же – понимание того, что «колкость» как «искусный» РЖ присущ преимущественно женщинам.

О РЖ «злословие». Я бы не отождествлял этот тип речеведческого поведения с похожим, но иным РЖ «клевета». Различие между ними проходит, вероятно, также и по параметру принадлежности к женскому, мужскому или «общему» типу речевого поведения: «злословят», думаю, как правило, женщины, а «клевета» относится к, так сказать, «бесполовому» жанру речи, типологически как бы «информативному»: согласно статье 128-1 УК РФ, КЛЕВЕТА – «недостоверная / неподтвержденная / неполная информация (как правило, негативного характера) или распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». Но понятно, что по своим речеведческим признакам это типичный инвективный жанр, к которому могут прибегать как мужчины, так и женщины.

Иное дело – РЖ «злословие». Его можно действительно считать РЖ, поскольку именем его является речевой глагол *злословить*. Вообще-то, значение существительного *злословие* далеко не однозначно. В «Словаре РЯ XI-XVII вв.» оно упоминается под XII в. как калька с латин. *maledicentia* в значении «злословие; брань, оскорбление» [6, вып. 6: 31]. Современное употребление указано в «Викисловаре», отражающем ныне действующие «бумажные» словари: «Злые, недоброжелательные слова, высказывания, пересуды, сплетни о ком-либо, чём-либо».

В библейской религиозной традиции **злословие** (лешон ha-ра), — «запрет произнесения любых слов, унижающих других: сплетен, компрометации или наговора, в случае если унижительные замечания правдивы» (Лев. 19: 16) (здесь и далее цит. по: [<http://ru.wikipedia.org/wik>]).

Интересно, с точки зрения речеведческого аспекта, такое утверждение: «Запрещено говорить любые слова, унижающие других. Если унижающее заявление **правдиво**, оно считается лешон ha-ра (т.е. *злословие*. – Б.Ш.). Если оно **лживо**, то перед нами *клевета*. Во втором случае нарушение намного страшнее (ведь известно, что чести оклеветанного человека наносится больший урон, чем если бы о нём говорили правду)» (выделено мной. – Б.Ш.).

По-моему, здесь достаточно точно определено главное различие РЖ «злословие» и «клевета»: оба жанра инвективные («слова, унижающие других»; ср. в современных толкованиях: «злые, недоброжелательные слова»), но за РЖ «злословие» стоит диктум «правдивая информация», а за РЖ «клевета» – диктум «ложная информация», что и зафиксировано в УК РФ, как и в УК других цивилизованных государств.

Примеры «женского злословия» из Библии (злословие запрещено, и, наверно, более жёстко, также и в исламе – см., например, [<http://www.salihclub.com/t2318-topic>]):

1) Сара, говорившая о неспособности Авраама зачать ребёнка из-за его преклонного возраста (Быт.18:12-15);

2) Мириам была осуждена Богом за злоречивые слова в адрес своего брата Моисея (Чис.12:1-15).

Есть такой афоризм, в котором довольно явно указано, что «злословие» - жанр, присущий чаще женщинам: *«Злословие в мужчине всегда постыдно... Мужчина, чтобы очернить другого, должен обладать женской мудростью».*

Список литературы

1. Виноградова Т.В., Семенов В.В. Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов // Вопросы психологии. 1993. №2. С.63-71.
2. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. №1.
3. Иссерс О.С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы / под ред. Н.Г. Голева. Барнаул, 1996. С. 106–122.
4. Купина Н.А., Шалина И.В. Отражение русского типа в мужской речи горожан-провинциалов // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методич. бюллетень. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998.
5. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: "ссора", "комплимент", "колкость" // Жанры речи. Саратов, 1997.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1979.
7. Словарь современного русского города: ок. 11 000 слов / под ред. проф. Б.И. Осипова. М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2003. 565 с.
8. Шарифуллин Б.Я. Коммуникативные стратегии и тактики инвективы: семейный скандал // Языковая ситуация в России начала XXI века: Материалы Международной научной конференции (КемГУ). Кемерово, 2002. Т.2. С. 266–276.
9. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы варьирования // Жанры речи. 2. Саратов, 1999. С. 133–145.

Б. Я. Шарифуллин *
(Лесосибирск, Россия)

РУССКИЕ РЕЧЕВЫЕ ИГРЫ В ИНТЕРНЕТ-КОНТЕКСТЕ. ЭТЮД 2: ОНОМАСТИКА УКРАИНЫ

Ключевые слова: интернет-коммуникация, ономастика, антропонимика, топонимика, речевая игра, фонетическая мимикрия, политики Украины.

В статье анализируются игровые трансформации имён и фамилий современных украинских политиков в пространстве русского Интернета. Рассмотрены ономастические игры с онимами *Порошенко, Яценюк*, а также с топонимом *Украина*.

B. Ya. Sharifullin
(Lesosibirsk, Russia)

THE RUSSIAN SPEECH GAMES IN CONTEXT OF INTERNET. II: UKRAINIAN ONOMASTICS

Keywords: Internet-communication, onomastics, anthroponymics, toponimics, speech game, phonetic mimicry, Ukrainian politicians.

The paper deals with the game transformations of the names of nowadays Ukrainian politicians in the Russian Internet space. The onomastic games with onyms *Порошенко, Яценюк*, also with toponym *Украина* are regarded.

В первом этюде, посвященном ономастическим играм на пространстве русского Интернета, опубликованном в прошлом выпуске нашего сборника [7], были рассмотрены игры с именами американских политиков. Здесь я представлю свои наблюдения над игровыми трансформациями имён современных украинских политиков, весьма одиозных в глазах многих российских посетителей русскоязычных сайтов и потому перманентно обыгрываемых, а также самого топонима *Украина*. Более краткий вариант представлен в моей главе «Ономастическая игра как компонент российской психолого-информационной войны» в готовящейся коллективной монографии под редакцией проф. А. П. Сквородникова (ИФиЯК СФУ). О речевых играх вообще, и ономастических, в частности, см. наши публикации [4; 6; 8-9].

Переместимся в игровое ономастическое пространство на современном украинском политическом поле. Во избежание кривотолков заявляю сразу же, что к украинцам я отношусь хорошо, у меня жена украинского происхождения, много друзей-украинцев. Да и вообще трудно часто определить по фамилии, украинец ты или нет. Фамилии на *-енко* давно уже стали русскими. Тем более, в

* © Шарифуллин Б.Я., 2016.

освоении нашей Сибири принимали участие не только русские, но и украинцы (впрочем, тогда их так не называли – просто казаки, а это не «нация», а образ жизни). Мой друг, известный енисейский писатель Алексей Бондаренко – из казачьего рода, а не украинского. Национальные сложности начались после октябрьского переворота 1917 года и продолжаются до сих пор.

Впрочем, историю оставим в покое (хотя она нас иногда в покое не оставляет), обратимся к нынешней политической ситуации вокруг Украины и связанным с нею информационно-психологическим войнам, непосредственно отразившимся в Интернет-сообществе и по принципу обратной связи влияющих на последние.

Начнём с топонимических игр. В этом аспекте, в основном, обыгрываются два варианта наименования «незалежной и свидомой державы». Правда, иногда встречается в последнее время такой «игротопоним»: *Бандерлогия*, созданный явно по следам известного наименования «протестантов» в декабре 2011 г. на Болотной, озвученного В. Путиным («*бандерлоги пришли*»). М. А. Кронгауз привёл упоминание В. Путиным «бандерлогов» (обезьянье племя из «Книги джунглей» Р. Киплинга) как один из примеров, появившихся в современной русской речи «звериных» переносов, обозначающих неразличимость и безгласность человеческой массы, наряду с появившимися ранее и показавшими бунтарские тенденции «хорьками» и «сетевыми хомячками» [3]. Очевидна и явная контаминация с фамилией «главного героя» современной Украины Степана Бандеры.

Первый вариант наименования этой страны – *Хохляндия*, *Хохлостан* – связан с «этнокличкой» *хохлы* и её современным вариантом *каклы* – *Какляндия*. «Игротопоним» *Хохляндия*, созданный по модели наименования ряда европейских стран (*Финляндия* и пр.), достаточно старый, он отмечался ещё во времена Ющенко, когда Украина впервые заявила о своём «устремлении» в Европу. Вариант *Хохлостан* появился, видимо уже в 2013 г., по аналогии с *Пиндостан*, видимо, как намёк на «вассальное» подчинение постмайдановской Украины Госдепу США:

Артем Семенов, 01:55 17.12.2015: *Неужели?! Неужели хоть чуть-чуть у МВФ остался здравый смысл и капелька совести! Хотя..., а что толку, самое главное, что Хохлостан они все равно решили кредитовать и дальше, а правящей клике это только и нужно, пока пройдут суды по “официальному долгу”, они наберут кредитов и спокойно свалят, а уж долги пусть народ Украины отдаёт!* (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy> (дата доступа – 19.11.2015)].

Второй вариант обыгрывает само название *Украина*. Здесь различных форм «игротопонимов» побольше. В целом здесь обыгрываются следующие моменты:

(1) Созвучность и родственную связь слов *Украина* и *окраина*: *Каждому по заслугам и возможностям. Окраину США превратило в планету “секонд-хенд” (атомные отходы, отбросы общества к власти, ну и т.д.)* (РИА Новости. [URL: <http://ria.ru/world/20151130/1333115260> (дата доступа –

14.11.2015]). Собственно, апеллятив *украина* и означает «то, что на краю страны, окраина, окраинные земли». В этом значении слово *украина* (также *украйна*) употреблялось в речи сибирских казаков, заселявших Енисейский край, это слово использует, например, писатель Алексей Бондаренко в своей исторической трилогии «Государева вотчина», опираясь на архивные данные: «Крепким духом повеет украйна земли русской. <...> Хмурились новые – не по нутру пришлась украйна русская» (см. [5: 215]). В словаре Вл. Даля [1: 454]: *украйна, украина* «область с краю государства»; те же значения отмечаются и в других словарях русских народных говоров. Людей же живших на этих территориях в Московской Руси называли по-разному, например, *українниками* или *людьми українними*.

(2) Очевидно, что такое происхождение названия своей страны совершенно не устраивает особо горячих «патриотов» и политиков современной Украины. Потому в свое время возникла в этой среде версия о происхождении украинцев от древнего народа «укры». Вообще-то, такое племя (или союз племён) было: западно-славянское, в VI–XI вв. на территории современной Германии; их называли в западных источниках *ukri*, *ukraner* (от названия р. Ucker: [URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/укране> (дата доступа – 7.12.2015)]). Но такая версия «истинных укров» тоже не устраивает.

Отсюда и второй момент: отталкиваясь от «самоназвания» *укры*, появляется новая уже «этнокличка» *укропы*, тем более, что есть и такая, официально зарегистрированная Минюстом Украины в сентябре 2014 г. Партия – «УКРОП» («Украинское объединение патриотов»), символом которой стало растение «укроп огородный»:

Поэтому в русском Интернете появляется и игровой топоним *Укропия*.

(3) Есть и такие варианты, которые обыгрывают само начало топонима: *Украдия*, *Укралия*, *Уркания*, с намёком на криминальное происхождение многих нынешних политиков Украины.

(4) Довольно креативны «игротопонимы» *Усрания* и *Усраина* : здесь очевидно как бы «русское» прочтение латинской транскрипции наименования

страны – Ucraina и Ucraina, при котором латинская буква С читается как русская С:

Борис Бирючёв, 15: 45 10.12.2015: *Ну, братцы, вы и выдумщики! Ваши “определения” – уРкаина, Усраина и другие..., это не в бровь, а в глаз. Я поражён!* (РИА Новости. [URL: <http://ria.ru/europe/20151208/1338463202> (дата доступа – 18.13.2015)]).

Перейдём теперь к антропонимическим играм. Их у нас тоже предостаточно. Обыгрываются, конечно, в первую очередь имена и фамилии двух главных персонажей на современной политической сцене Украины: президента Петра Порошенко и премьер-министра Арсения Яценюка.

В принципе, ничего особенного в форме этих имён и фамилий нет, они вполне стандартны для украинского антропонимикона. Однако нет пределов для русской креативной игры!

Активно обыгрываются имя и фамилия украинского президента. Сначала о его имени. Я выявил в разных сайтах и блогах такие варианты не то что «переделки», сколько качественных форм украинского имени *Петро*: *Петруччо*, *Петька*, *Петюня*, *Петюнчик*, *петрушка* (со строчной и прописной букв), *Петрюндель*, *Підро* (с понятной аллюзией, а также мимикрией к испанскому и итальянскому имени *Педро* в его «украинизированной» форме; см. ниже).

«Банановой» республике лучшие объёдки со стола чумазого господина! Вон, на фото, Петрюндель стыдливо трезубец ладошкой прикрывает (РИА Новости. [URL: <http://ria.ru/world/20151130/1333115260.html> (дата доступа – 9.12.2015)]). Эта экспрессивная форма имени напоминает мне прозвище одного нашего преподавателя, бытовавшее в студенческой среде и упомянутое в дипломной работе моего студента о молодёжном сленге: *Карпундель*. Экспрессивная словообразовательная модель та же самая.

Форма (*П*)*петрушка* обыгрывает сразу три номинации: народную форму качества имени *Пётр*, имя комического персонажа-шута русского балаганчика, как нарицательное – название огородного растения, ассоциируемого с укропом,

Шут *Петрушка* созвучен ещё одному прозвищу П. Порошенко – *Петруччо*. Как «итадьянизированное» оно соотносится с именем Пьетро, родом из Неаполя, любимого шута императрицы Анны Иоанновны. Одно из его прозвищ при дворе – *Петрушка*, именно он, как полагают, послужил прообразом для балаганного Петрушки [URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Педрилло> (дата доступа – 9.12.2015)].

От имени Яценюка – *Арсений* – встречается только качествен *Сеня* (*Сенька*), но часто в таком контексте: *Кролик Сеня*, *Сенька-кролик*. Премьер-министр «заслужил» это прозвище благодаря следующей цепочке ассоциаций. Во-первых, он похож на Кролика, персонажа советского мультфильма о Винни-Пухе, а во-вторых, уменьшительное имя *Сеня* и *Кролик* сразу напоминают о Кролике Сене – кукольном персонаже из детской телепередачи «Спокойной ночи, малыши».

Фамилия украинского президента обыгрывается на сайтах в двух направлениях:

1. От формы *Порошенко* с сохранением звука Ш: *Парашенко*, далее, отталкиваясь от этого – обыгрывание созвучия с известным уголовным жаргонизмом – *Параша, Парашка*:

«Да пёс с ним, с Парашей. В параше только одно содержимое, из которого он конфеты делает».

«Бронетёмкин – ПОНОСЕЦ им в помощь, Парашка».

Значения арготического *параша* – «очной горшок, отхожее место; что-то плохое, некачественное, грязное, невкусное и т.п. сплетня, слух» [2: 278] – вполне соответствуют характеристикам П. Порошенко.

2. Фамилия *Порошенко* «естественным» образом трансформируется в *Поросёнок* с последующими игровыми осмыслениями: *Поросёнок* – *Поросёнок* – *Парасенок* – *Поросюк* – *Порося*.

Несколько образцов с сайтов:

«Поросёнка сказал в целом, что его страна отражает россиянскую агрессию и ИМЕННО ОТ ТОГО (и только от того) у них там полная экономическая задница. А так они и бедность сокращают, и за экологию борются, и в Европу хотят – но нету сил, потому что на молодую белую пушистую укропскую демократию напала злоеющая Россияния».

«Владимир Пинаев, Пятачок, это ясно – поросёнок. Но кто такой Винни Пух? Каломойщик, что ли?» (РИА Новости. [URL: <http://ria.ru/world/20150908/1238619827.html> (дата доступа – 13.12.2015)]).

Каломойщик – это, очевидно олигарх Коломойский, бывший глава Днепропетровской области, в оппозиции к Порошенко.

«На фото у Поросюка нос красный. То ли бухал неделю, то ли на Донбассе прищепили ему...» (РИА Новости. [URL: <http://ria.ru/world/20150509/1063537006.html> (дата доступа – 13.12.2015)]).

«Я попросил бы Порося быть пожёстче с этой евросятиной. Ещё годик два нам санкции нужны, для подъёма своей промышленности» (РИА Новости [URL: <http://ria.ru/world/20151212/1340910076.html> (дата доступа – 13.13.2015)]).

Обыгрывается при этом и некоторое внешнее сходство президента с поросёнком, точнее, с боровом, на что обращают внимание многие:

Таким образом, игровые антропонимы первых лиц Украины увязываются и с внешностью этих субъектов, напоминающих домашних животных: *Кролик Сеня, Поросёнок Петька*. «Домашних» – видимо, в смысле, «прирученных» США.

3. Другие игровые вариации, построенные на фонетической (этимологической) мимикрии, обнаруженные мною в Интернете: *Порошок* (с возможным намёком на некие пристрастия этого человека, о котором на интернет-сайтах пишут, что он либо пьёт, либо нюхает, либо то и другое вместе).

Попрошенко: в основе этого игронима, конечно, лежит известный факт постоянного и даже перманентного пресмыкательства г-на президента перед США и Евросоюзом с просьбами хоть что-нибудь дать «бедной» Украине. Вот, например: «*Сергей Стихарёв, все турчиновы, попрошенки, яйценюки и иже с ними! уедут из украины как только запахнет по настоящему, всё остальное будет уже не их делом! у них задача развалить остатки, раз не получилось ВЕЛИКУЮ ДЕРЖАВУ!!!! втянуть в свою гонпеченскую войну!*» (РИА Новости. [URL: <http://ria.ru/world/20160121/1362566827.html#ixzz3xs8dufyT> (дата доступа – 21.01.2016)]).

Потрошенко – этот «игроним» связан уже, скорее всего, с известной ролью П. Порошенко в кровавых событиях «Евромайдана» и последующей «АТО» в Новороссии.

Пораженко – здесь, конечно, обыгрывается явный провал политики украинского президента практически на всех «фронтах»: и на буквально на юго-восточной Украине, и на политическом, и на экономическом и пр.

После такой «картинки» обратимся к фамилии премьер-министра. Фамилия тоже, в принципе, простая: с типичным украинским фамильным

суффиксом *-УК* от квалитатива *Яц, Яцек* (польское влияние) от имени *Иван*. Иначе говоря, соответствует русским фамилиям типа *Ванькин, Ванечкин, Ванюшин* и пр. От имени *Иван*, между прочим, и фамилия бывшего президента Украины Януковича.

Однако обычному российскому посетителю сайтов это не известно, да и не интересует. Внимание привлекает только внешняя, фонетическая форма фамилии. И первое, что пришло бы в голову любой креативной личности, русской ли, украинской ли – интерпретация начала этой фамилии как *Яйце-*: сама форма головы её носителя просто провоцирует такую ассоциацию:

Поэтому самые распространённые варианты данного «игро-антропонима» – *Яйценюк*, а также *Яйценюх* (со вторичной игрой, о чём см. далее). Только один пример из недавних (игровая форма фамилии *Яйценюк* появилась в сетях ещё в бытность его спикером украинской Рады):

«И кем интересно был Яйценюк, медсестрой?»

«В итоге той славной бравады Сени Яйценюка Украина перейдет от глубокого кризиса к гуманитарной катастрофе и беженцы двинутся на поиски счастливой жизни в Европу»)) которая от всего этого весьма в восторге (РИА Новости. [URL: <http://ria.ru/economy/20151113/1319802325.html> (дата доступа – 15.12.2015)]).

Вариант *Яйценюх* ещё далее развивает исходный «посыл», акцентируя уже вторую часть фамилии украинского премьера. Конечно, концовка *-нюк*, типичная для украинских фамилий, не могла не преобразоваться в *-нюх*, особенно в «тандеме» с «яйцом». Кто был первый – опять же, Интернет умалчивает. Скорее всего, параллельно – разные посетители разных сайтов обнаружили это сходство, и возник такой «игро-антропоним», весьма издевательский и намекающий на некоторые особенности его носителя.

Игровая фамилия *Яйценюх* отмечена и в «раздельной» форме *Яйце Нюх*, и даже *Яйца Нюх*:

Яйце нюх введет мораторий на выплату по госдолгу тем самым официально и автоматом подпишет дефолт, чет я не пойму, они нас пугают своим дефолтом? Как-то не страшно (РИА-Новости. [URL: <http://ria.ru/economy/20151113/1319802325.html> (дата доступа – 15.12.2015)]).

Надеюсь, скоро этого Яйца Нюха отправят в такую отставку, где только и останется ему яйца выращивать (РИА-Новости. [URL: <http://ria.ru/world/20151012/13406038.html#ix3u> (дата доступа – 15.11.2015)]).

На сайте «РИА-Новости» есть и пользователь с подобным ником «Яйце Нюх» с соответствующей «аватаркой»:

После известного скандала по «выносу тела» премьер-министра Арсения Яценюка с трибуны Рады депутатом от «Блока Петра Порошенко» (после предварительного вручения букета алых роз) появился новый «игро-антропоним»: *Яйцеуцип*:

Был на Украине Яйценюх, а теперь он стал Яйцеуцип. Вернее, она (11:38, 12.12.2015. РИА Новости. [URL: <http://ria.ru/world/20151212/1340600248.html> (дата доступа – 15.11.2015)].

Смысл этой игровой номинации очевиден по знаменитой фотографии и видеозаписи, ставшей основой также и для «фотоигр»:

Резюме.

Имеющийся в нашем распоряжении весьма большой материал по ономастическим играм в пространстве российского, и не только, Интернета, который полностью или хотя бы в более значительном виде представить и проанализировать необходимо в формате более обширной работы, позволяет сделать главный, на мой взгляд, вывод.

Наш русский язык, «великий, могучий и богатый», более чем какие-либо иные европейские языки (о восточных языках просто не знаю), креативный в игровом пространстве коммуникации на любом уровне. Даже наши дети в процессе освоения и «усвоения» родного языка проявляют такую креативность, такое творческое начало, что К. Чуковский так и определил: «Неутомимый исследователь языка». Не знаю, есть ли в других странах такое понятие «говорят дети». А мы с самого детства уже включаемся в игровое пространство русского языка. Кто лучше, кто хуже – это как о грамотности.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Изд. 2-е. М., 1984. Т.4.
2. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 272 с.
3. Кронгауз М.А. Что рассказывает язык о нашей жизни // Новая газета. 25.12. 2011.
4. Шарифуллин Б.Я. Игры в Интернет-коммуникации: речевая игра в наименованиях сайтов // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и

тексте: сб. науч. Статей / науч. редактор Б.Я. Шарифуллин. Вып. 2(11); Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2011. С. 254–261.

5. Шарифуллин Б.Я. Историко-лингвистический словарь трилогии А.М. Бондаренко «Государева вотчина. Красноярск: СФУ, 2007. 340 с.

6. Шарифуллин Б.Я. Речевая игра в Интернет-коммуникации: пролегомена и факты // Язык и социальная действительность: Научный журнал. №1. Красноярск, 2011. С.73–86.

7. Шарифуллин Б.Я. Русские речевые игры в интернет-контексте: ономастика США. Этюд 1 // Человек и язык в когнитивном пространстве: сб. науч. статей / науч. редактор Б.Я. Шарифуллин. Вып. 6; Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2015. С. 284–292.

8. Шарифуллин Б.Я. Языковая игра в интернет-коммуникации. Глава 11 // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. Коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА - Наука, 2014. С. 203–219.

9. Шарифуллин Б.Я. «Homo ludens» и «Homo Illudens»: игровые и неигровые тексты нашего времени // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып.13(21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск: СФУ, 2011. С. 33–39.

КОММУНИКАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 821

Т. А. Бахор, О. Н. Зырянова, Н. А. Мазурова, В. С. Лобарева *
(Россия, г. Лесосибирск)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА РОМАНА А. КАРТЕР «ЛЮБОВЬ»

Ключевые слова: интертекстуальность, антропонимы, прецедентный текст, демифологизация, постмодернизм, А. Картер, Э.А. По.

В статье выявляются прецедентные тексты романа А. Картер «Любовь», порождающие аллюзии литературного и общекультурного плана и актуализирующие компоненты художественного мира произведения.

T. A. Bakhor, O. N. Zyryanova, N. A. Mazurova, V. . Lobareva
(Russia, Lesosibirsk)

INTERTEXTUALITY AS A TECHNIQUE OF CREATING ARTISTIC WORLD OF THE NOVEL OF A. CARTER «LOVE»

Key words: intertextuality, anthroponyms, precedent text, demythologization, postmodernism, A. Carter, E.A. Poe.

The article identifies precedent-related texts of the novel A. Carter «Love», generating allusions of literary and cultural values and actualizing components of the world art works.

Творчество известной английской писательницы А. Картер (1942-1992) соотносится с 1970-90 гг., важным этапом истории Великобритании, для которого характерно активное противостояние ценностям «тэтчеризма»: установки на «личный успех и обогащение каждого, социально-психологический эгоцентризм личности как неперемное условие положительной динамики всего общества» [5: 212]. Воспитанные в эпоху «бума высшего образования» в Британии, писатели этого времени, к которым относится и Анджела Картер (Angela Carter), «эстетически восставали против ограничивающего и разрушающего общества, создаваемого на базе ценностей «тетчеризма» [5: 213]. Эти тенденции отчетливо проявились в творчестве писательницы, начиная с ее раннего романа «Любовь» ("Love", 1971), обойденного вниманием критиков и литературоведов.

* © Бахр Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А., Лобарева В.С., 2016.

Современные подходы к анализу художественного текста основаны на определяющей для гуманитарной науки XX века теории М. Бахтина о диалогичности культуры. Без выявления этого диалога культур не обходится почти ни один исследователь, какую бы сторону художественной формы и содержания он ни анализировал. Интерпретация такого диалога культур, сознательно неосознанно реализуемого творцом в произведении, обуславливает важнейший философский аспект интертекстуальности, являющейся, по мнению исследователей, «базовой категорией культуры постмодерна, основным приемом и неотъемлемым компонентом постмодернистского дискурса» [2]. Это не противоречит существующему у литературоведов представлению о современном английском романе как сочетающему «реалистическую и модернистски-экспериментальную» стилевые тенденции [5: 213].

По мнению А. Севастеенко, для Анджелы Картер знаковым стало изображение любви как «вращения вокруг вечных вопросов. Круг любви – это герменевтический круг» [6], что считается характерной чертой постмодернизма.

С.В. Зверькова при анализе романов А. Картер («Магазин волшебных игрушек», «Герои и злодеи», «Мудрые дети») указывает на важную роль антропонимов: «Имена собственные обладают огромным ассоциативным потенциалом, позволяют использовать те или иные признаки, присущие данному прецедентному имени, для создания образа героя» [2]. На наш взгляд, в романе А. Картер «Любовь» ("Love") антропонимы позволяют понять не только характеры персонажей, но и особенности представленной в произведении картины мира [1].

В основе анализируемого романа – любовный треугольник, объединяющий героиню Аннабель и братьев Коллинзов, носящих придуманные ими самими имена: Ли и Базз. Выявляя прецедентный контекст имени Аннабель, мы должны обратиться к хрестоматийно известному стихотворению Э. По «Аннабель Ли» ("Annabel Lee"), созданному в 1849 г. и ставшему последним из написанных поэтом, само имя которого неоднократно упоминается в романе «Любовь». В стихотворении Э.По воплощена тема смерти. Лирический герой стихотворения в юности влюбляется в Аннабель Ли, его чувство так сильно, что даже ангелы завидуют их любви. После смерти девушки герой продолжает ее любить. Так в роман вводится мотив смерти Аннабель и актуализируются важнейшие аспекты романного действия. Героиня Э.По умирает, причина ее смерти – зависть ангелов. Героиня же романа А. Картер тоже погибает, она совершает самоубийство, которое интерпретируется в произведении как закономерный итог любовного чувства, связывающего Аннабель и Ли и не мешающего мужу изменять своей юной жене с взрослой любовницей, женой своего преподавателя, а затем – со своей сверстницей – Каролиной. Ставшая случайной свидетельницей совокупления Ли и Каролины, Аннабель принимает решение уйти из жизни.

Произведение начинается с описания ужаса, охватившего Аннабель, когда она увидела на небе одновременно солнце и луну: «Ничто в ее мифологии не умело разрешить для нее этот конфликт, и она мгновенно ощутила себя беспомощным шарниром вселенной, точно солнце, луна, звезды и все воинства небесные вращались вокруг нее, своей безвольной оси» [3]. Этот фрагмент романа можно интерпретировать как следствие нарушения мировой гармонии, предвещающей катастрофу, т.к. с этого времени жизни молодой супружеской пары Аннабель и Ли начинается разрушаться. Зависти ангелов в стихотворении Э. По соответствует в романе А.Картер зависть Базза, младшего брата, неоднократно названного в произведении «ангелом-мстителем».

Известно, что в основе стихотворение Э. По лежит городская легенда Чарльстона о том, как влюбленные девушка и юноша тайком встречались на кладбище. Героиня этой легенды умирает, как и девушки в стихотворении Э.По и в романе А. Картер. Приветствуя Аннабель, возвращающуюся после занятий в школе живописи, ее муж говорит: «Опять по могилам бродила. Смотри, голубушка, так и самой помереть недолго» [3]. Так, намеченная в имени героини романа тема смерти начинает репрезентироваться в мелких деталях.

Имя героини заставляет читателя вспомнить о взаимоотношениях девушки с ее родственниками. В городской легенде и в стихотворении Э.По они не одобряют сделанного героиней выбора. И в романе А.Картер выбор девушки удивил ее родителей («Ох, дорогая моя, – сказала мать Аннабель, – не такого я бы тебе пожелала»). Но они не препятствуют свадьбе, при описании которой автор усиливает ассоциативные связи романа с указанным стихотворением Э. По, герой которого соединяется со своей возлюбленной в склепе. Характеризуя Базза, который был одновременно свидетелем, гостем и фотографом на свадьбе брата, А. Картер сосредотачивает наше внимание на его внешности («все вели себя прилично, даже Базз, хотя вид у него был такой, будто он только что побывал в гробнице Эдгара Аллана По: он где-то раскопал черный костюм» [3]).

Следует обратить внимание еще на один аспект сопоставления стихотворения Э.А. По и романа А. Картер. Имя героини поэтического текста – Аннабель Ли – стало заглавием баллады. В романе А. Картер целостность этого имени разрушена: Аннабель - имя героини, Ли – имя героя, которое он сам себе выбрал. Этот своеобразный курсив на именах героев романа чрезвычайно важен для понимания авторской идеи каждого текста. История Аннабель Ли в стихотворении романтика XIX в. напоминает о силе любовного переживания, тогда как роман «Любовь» повествует о случайной встрече героев, так и не сумевших понять друг друга и стать единым целым: «Они жили вместе уже три года, но по-прежнему, оставаясь с Аннабель, Ли чувствовал себя одиноким странником в неведомой стране и без карты» [3]. Также не понимает своего возлюбленного и у Аннабель: «Скоро она и его включила в свою мифологию, но если сначала он был травоядным львом, то потом обернулся единорогом, пожирающим сырое мясо, и одинаковым она его с тех пор не видела... □...□ Каким она его рисовала – таким и видела»; для нее он существовал прерывисто

[3]. Таким образом, актуализация прецедентного текста позволяет нам говорить о демифологизации на уровне фабулы и характеров героев, что позволяет автору направить читателя к поиску смысла представленной в произведении картины мира, составленной из мифологем и архетипов, подобно фрагментам мозаики с множеством вариантов.

Один из таких вариантов актуализировался в 1987 г. при доработке писательницей романа (в созданном «Послесловии» А. Картер повествует о взрослой жизни персонажей). В это время контекст произведения расширяется за счет ставшей популярной еще в 1970-е гг. городской легенды о кукле Аннабель, одержимой демоном. Именем куклы стало имя умершей внезапно девочки, бывшей хозяйки этой куклы. Попавшая к новым хозяевам, одержимая демоном кукла способствует пробуждению в них темного начала [10].

Не настаивая на сознательном обращении автора к истории куклы, мы не можем отрицать неоднократно акцентированных А.Картер противоречивых характеристик героини. Она предстает перед читателем то слабым и беспомощным ребенком, то праведницей, заключающей в свои объятия База, «урода», «болеющего гонореей». В начале своих отношений с Ли девушка заявляет ему: «Если ты меня обманешь, я умру». И во второй части романа, став свидетелем измены мужа, Аннабель восприняла это больше, чем предательство. Вместо Аннабель – ребенка появляется Аннабель – ведьма: «...она догадывалась, что грядет новый порядок вещей, при котором она сама будет активной силой, □...□ она сама стала колдуньей» [3]. Истинная природа героини открывается Ли лишь в минуты близости, когда он отчетливо понимает, что общается с Аннабель-оборотнем, женщиной-демоном, подобным лисице в японской мифологии: крестьяне верили, что, проникнув в человека через грудь, лисица «заведет с приютившим ее разглагольствования, пока тот окончательно не утратит рассудок» [3]. Сделав по настоянию девушки татуировку у себя на левой груди, Ли постоянно чувствует, как кровотоцит рана, ставшая свидетельством того, что «он больше не хозяин своему сердцу, не может делать с ним все, что захочет» [3]. Фольклорные коды чрезвычайно продуктивны в культуре XX-XXI вв. [9] и значимы в концептуальной картине мира А. Картер.

Так, в образах братьев Коллинзов реализуется важнейший архаический мотив двойничества. Близость Ли и Базза и противоположность их характеров подчеркнута уже в начале произведения: «Ли был юным пахарем, Базз – ночной птичкой; Ли был сентиментален, Базз – злонамерен; чувственность Ли уравновешивалась только извращенностью Базза» [3]. Ли преподавал в образовательной школе, Базз редко работал, «существовал за братнин счет или подворовывал» [3]. Как видим, в братьях воплощены противоположные качества, обычно присущие двойникам: один герой «связан с положительным, конструктивным началом, другой – с разрушительным, враждебным, враждебным человеку» [4].

Но несмотря на эти различия, Ли и Базз «держатся вместе» [3], реализуя архетипы культурного героя и трикстера. Подобно культурному герою,

преобразовывающему и упорядочивающему мир, благоустраивающему окружающее пространство, Ли преподает в школе, заботится об Аннабель и Баззе, платит за квартиру, готовит еду, ухаживает за братом во время припадков, защищает ученицу от посягательств мужчин и т.д. В отношении с братом он занимает позицию отца, отражая сложные отношения между поколениями [8].

Базз выступает в роли трикстера: подобно мифическому «дублеру» культурного героя, младший брат употребляет наркотики, ворует, предпочитает вместо работы устраивать вечеринки и т.д.

Все это не мешает братьям ощущать свое родство и неразделимость. Младший брат Базз «переименовал сам себя. □...□ ни на какие другие имена он не отзывался, а потому кличка вскоре прилипла к нему навсегда» [3]. Показательно значение этого имени: так не умеющие выговаривать слова маленькие англоязычные дети сокращают слово «brother («брат») до «buzzer», а затем – «buzz» («базз»). Но у Базза любовь к брату соседствует с ненавистью к нему, и эта логика характера остается и в «Послесловии», дописанном Анджелой Картер в 1987 г.

Размышляя над связывающими их отношениями, младший брат предпочел называть себя просто «братом, претендуя на свою неотделимость от Ли. Но и старший брат не может представить свою жизнь без Базза. По мнению культурологов, «мотив встречи с самим собой, со своим двойником, с темной стороной своей души всегда был значим и актуален для человечества, и причина этому может быть только одна – он несет в себе в закодированном виде ключ к пониманию человеком самого себя» [7], в чем и проявляется архетипическая основа этого мотива.

Таким образом, интертекстуальность романа позволяет Анджеле Картер воплотить художественное представление о современном мире как разорванной, фрагментарной реальности, которой соответствует лишенный цельности герой.

Список литературы

1. Бахор Т.А., Цариненко Т.А. Изучение анронимов как постижение авторской концепции (роман А. Картер «Любовь») // Исследование различных направлений развития психологии и педагогики: Сб. статей Международной научно-практической конференции (10 января 2016 г., г. Самара): в 2 ч. Ч.1. Уфа, 2016. С. 35-36.

2. Зверькова С.В. Интертекстуальные связи и их специфика в произведениях Анджелы Картер: дис... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. 180 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/intertekstualnye-svyazi-i-ikh-spetsifika-v-proizvedeniyakh-andzhely> (дата обращения 28.02.2016).

3. Картер А. Любовь / пер. М. Немцов. СПб, 2004. URL: http://royallib.com/book/karter_andgela/lyubov.html (дата обращения 28.02.2016).

4. Новикова Е.В. Двойничество и его воплощение в произведениях Ф.М. Достоевского: типология героев-двойников и особенности структуры произведений // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2014/10/7955> (дата обращения 28.02.2016).
5. Проскурин Б.М. Реализм? Модернизм? Постмодернизм? Пост-постмодернизм? Размышления о современной британской прозе // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 6 (12). С. 209-214.
6. Севастеенко А.В. Культурно-исторические формы экзистенциального переживания: Тема любви и ее дискурсивные трансформации: дис.... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2002. 172 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/kulturno-istoricheskie-formy-ekzistentsialnogo-perezhivaniya-tema-lyubvi-i-ee-diskursivnye-t> (дата обращения 28.02.2016).
7. Сеницын А. Мотив двойника в кино и литературе: расщепленный субъект психоанализа. URL: <http://yokentoken.ru/motiv-dvoynika/> (дата обращения 28.02.2016).
8. Суворова П.Е., Овсянникова Н.В. Культурные коды межпоколенной коммуникации// Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. №5 (49). С. 801-814.
9. Суворова П.Е., Лезова М.В. Фольклорные культурные коды в письменных текстах современных школьников // Школа университетской науки: парадигма развития. 2012. №3 (7). С. 72-75.
10. Brittle G. The Demonologist. The Extraordinary Career of Ed and Lorraine Warren. iUniverse, 2002. 238 p.

О. Н. Зырянова, Т. А. Бахор, Н. А. Мазурова *
(Россия, Лесосибирск)

РЕЦЕПЦИЯ Н.В. ГОГОЛЯ В ДРАМАТУРГИИ Н. КОЛЯДЫ

Ключевые слова: рецепция, римейк, римейк-фантазия, интертекст, драма

В статье рассматриваются особенности рецепции поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя в драматургии Н. Коляды. Авторы приходят к выводу, что пьесы современного драматурга «Коробочка» и «Мертвые души» являются типологической разновидностью римейка-фантазии.

O. N. Zyranova, T. A. Bakhor, N. A. Mazurova
(Russia Lesosibirsk)

THE RECEPTION OF N. V. GOGOL IN THE DRAMATURGY OF N. KOLYADA

key words: reception, remake, remake fantasy, intertext, drama

The article discusses the features of the reception of the poem "Dead Souls" of N.V. Gogol in dramaturgy of N. Kolyada. The authors conclude that plays of contemporary playwright "Capsule" and "Dead Souls" are a remake of the typological variety of fantasy.

Явление креативной рецепции становится одной из ведущих стратегий в современной русской драме конца XX - начала XXI вв. Драматурги вступают «в открытый или подспудный диалог с текстами великих предшественников» [1], а языковые сигналы, обозначенные зачастую уже в названии произведений, позволяют «определить направление интерпретации в интертексте, дают возможность интерпретатору реконструировать определенную часть заложенных в тексте смыслов» [2: 7].

Обращение к «чужому слову» – одна из продуктивных моделей драматургического текста в творчестве Н.Коляды. Объектом рецепции в его пьесах являются произведения А.С. Пушкина («Dreisiebenass» (Тройка семерка туз) или Пиковая дама», «Сказка о мертвой царевне»), А.Н. Толстого («Золотой ключик»), А. Аксакова «Аленький цветочек» и др.). Особое место занимают пьесы-римейки, написанные по мотивам произведений Н.В. Гоголя: «Старосветские помещики», «Коробочка» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Мертвые души». Е. Таразевич определяет римейк как «прием художественной деконструкции известных классических сюжетов художественных произведений, в которых авторы по-новому воссоздают,

* © Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А., 2016.

переосмысливают, развивают или обыгрывают его на уровне жанра, сюжета, идеи, проблематики, героев» [7: 26].

Как указывает О.В.Журчева: «Гоголевская фантазмагория так или иначе дает возможность осознать принципиальную непознаваемость современного мира, отразить двойственную природу современного художественного сознания: игра, условность и быт, натурализм; остро ощутимая реальность и надмирность; жизнь во всех ее физиологических проявлениях и смерть как единственное освобождение от жизни» [1: 50]. Поэма «Мертвые души» становится объектом рецепции двух пьес драматурга, одна из которых носит одноименное название с претекстом, в другой, в соответствии с классической традицией, в названии выведено имя главного персонажа, причем Н. Коляда избирает центральным действующим лицом Коробочку, единственную женщину-помещицу в поэме Н. Гоголя.

В обеих пьесах современного драматурга практически сохраняется основная фабульная схема, гоголевский текст, насколько это возможно при переводе прозы в драму; основные действующие лица. Автор предваряет текст пьесы двумя эпитафиями, первый – цитата из финала второго тома «Мертвых душ», представляет собой обращение к читателю, побуждающее задуматься прежде всего о себе, своем долге и «обязанности своей земной должности», в качестве второго эпитафия автор использует научный дискурс – статью из словаря, поясняющую, что такое «коробочка» в ботанике. Казалось бы, никак не связанные между собой эпитафии актуализируют библейскую истину: «...если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. 12:24).

Пьеса Н. Коляды состоит из двух картин, первая из которых практически повторяет эпизод приезда Чичикова в поместье Коробочки, своего рода, инсценировка первоисточника; вторая же картина представляет собой индивидуально-авторское прочтение гоголевского текста. В пьесе современного драматурга, в отличие от претекста, Коробочка «не сходит со сцены» после отъезда Чичикова. Н. Коляда перестраивает гоголевский эпизод встречи «дам приятных во всех отношениях», обсуждающих новость о мертвых душах и Чичикове, делая Настасью Петровну участницей этого разговора. «Помещая» в одно пространство барышень городских, «приятных во всех отношениях» и «дубиноголовую» Коробочку, драматург позволяет читателю воотчую убедиться в том, что главная героиня не только не «стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования» по сравнению с аристократическими дамами, но и способна, в отличие от них к рефлексии, а значит, и к возрождению. Развернутая ремарка: «Анна Григорьевна и Софья Ивановна выскочили за двери, оставив на диване Коробочку в совершенно растерзанных чувствах. В комнате совсем стало темно, но никто не пришёл, не засветил свечи. Все забыли Коробочку» [3], – передает явное авторское сочувствие героине, которая наконец-то начинает осознавать весь ужас своего поступка. «Зачем я это сделала? Чтобы эти балахушки трепали бы сейчас и

меня, и моих людей, языками бы чесали своими? Зачем я это сделала? Зачем?!» [3] – повторяет Коробочка, оставшись одна.

Перестраивая исходный текст Н. Коляда не только оставляет гоголевские детали, но и по-новому обыгрывает их, усиливает «комическое травестирирование слова», развивает и утрирует гиперболы классика [8: 44]. «Во многом эта легкость работы с гоголевским текстом объясняется самой природой художественного мышления Н. Коляды, проявляющейся в его тяге к карнавальной культуре, игровому отстранению действия, особому синтезу смешного и подлинно серьёзного» [8: 44], – пишет М. А. Цыпуштанова.

Так, например, пугающие Чичикова своим внезапным шипеньем, похожим на змей, часы в доме помещицы, упоминаются в пьесе Н. Коляды и в картине, где Коробочка приезжает в город: «С этими словами старуха повалилась на диван, захрипела, как хрипят её домашние часы, захрипела, застонала, будто при смерти» [3]. Шипящие часы в поэме Гоголя являются не просто вещью, а становятся знаком, символом пугающего возмездия неумолимого времени, приближающего смерть. Коробочка у Н.Коляды, издающая хрипы, словно часы, старый механизм которых дал сбой, как будто бежит от приближающегося высшего суда, старается укрыться от него, прояснив в городе непонятное для нее поведение Чичикова. Апокалиптическая картина, явившаяся Коробочке в финале пьесы представляет собой доведенное до абсурдной фантазмагии описание Гоголем того состояния, в которое впал город N после появившихся в нем разговоров о покупке Чичиковым мертвых душ: «И все, все вышли, шли возле кибитки Настасьи Петровны и грозили ей кулаками. Будто на Страшном суде поднялись из земли обглоданные червями скелеты и пришли устроить ей суд» [3]. Страшная картина, внезапно явившаяся Коробочке, так же внезапно и исчезает, «как сон, наваждение, морок», что опять же соответствует гоголевской манере неразличения реальности и сна, реальности и фантастического.

Современный драматург использует так же в пьесе типичную для поэтики Гоголя «немую сцену»: «Немая сцена. Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно взлетает из дамских уст. Вся группа, вдруг переменяя положение, остается в окаменении. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение» [3]. Но, если у Гоголя немая сцена является финалом пьесы, предшествует занавесу, то героини Н. Коляды, выйдя из полутороминутного окаменения, как ни в чем ни бывало продолжают сплетничать, на замечая Коробочку. Драматург показывает, насколько «непробиваемо» сознание дамского светского общества, насколько подвержено оно губительному воздействию пустой, бессмысленной болтовни, превращающей в пустоту всю их жизнь. В ситуации «ревизора» как явившейся совести оказывается только Коробочка.

В пьесе Н. Коляды «Мертвые души» возникает персонаж, не существующий впретексте – Гоголь, которого автор вводит в качестве действующего лица и в другую свою пьесу по мотивам гоголевского произведения «Старосветская любовь». Введение образа автора бессмертной

поэмы, взывающего к совести созданной им героини (ГОГОЛЬ. Что, Настасья Петровна, торговала мертвыми душами? [4]), с одной стороны, указывает на вектор интерпретации драматургом исходного текста: «Мертвые души» как произведение, пробуждающее душу человека, заставляющее задуматься о собственном бытии и бытии всего человечества; с другой стороны, явление Гоголя-персонажа соответствует явному «авторскому» присутствию Н. Гоголя в тексте пьесы Н. Коляды, в основе своей близкой к претексту.

В данной пьесе Н. Коляда так же, как и в «Коробочке» акцентирует внимание на образе Настасьи Петровны, что обозначено в названии картин (Коробочке посвящено три картины) и в финале. Текст драматургического произведения строится на композиционном повторе. В двух последних картинах «Побег» и «Конец» повторяется мучительный для Коробочки вопрос о том, торговала ли она мертвыми душами. Если в предпоследней картине ее спрашивает Гоголь, то в последней – Чичиков. Причем, образ Чичикова возникает, как видение, морок. Чичикову в пьесе автор доверяет текст, принадлежащий в поэме автору: «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. У! Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!» [3]. Это лирическое высказывание героя в контексте финала пьесы получает пародийно-сниженное звучание. Название последней картины «Конец» явно иронично, так как заканчивается она словами: «Едет Чичиков по России. Велика Россия. Много Чичиковых» [4], утверждающими мысль о том, что конца и краю нет таким вот Чичиковым, а значит, и этой истории. Ирония проявляется и в названии других картин пьесы, так седьмая и восьмая картины обозначены «Опять Коробочка», что говорит о повторяемости, неискоренимости высмеиваемых явлений.

Таким образом, пьесы «Коробочка» и «Мертвые души» Н. Коляды созданы на основе переосмысления исходного произведения. В жанровом определении драматург репрезентирует свои тексты как произведения, основанные на мотивах классического претекста. Но трансформация сюжета «Мертвых душ» в тексте драматурга несет смыслопорождающую и формообразующую нагрузку, что позволяет говорить о жанре римейка. Если основываться на типологические разновидности римейков в "новой русской драме", выявляемые С.Р. Смирновым [6] (римейк-детектив, римейк – трагедия и римейк-фантазия), то рассмотренные пьесы Н. Коляды можно отнести к римейку-фантазии, так как созданные произведения вступают с претекстом в игровые отношения, «римейк позволяет драматургу вывести сюжет на экзистенциальный уровень, задуматься о смысле Бытия» [5].

Список литературы

1. Журчева О.В. Рецептивные стратегии в новейшей драматургии // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: сборник научных

статей. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. Я. Гончаровой-Грабовской. Минск: РИВШ, 2010. С.46-51.

2. Карпухина В.Н. Литературные хронотопы: поэтика, семиотика, перевод: монография. Барнаул: ИПКолмогоров И.А., 2015.

3. Коляда Н. Коробочка <http://kolyada.ur.ru/korobochka/>

4. Коляда Н. Мертвые души http://kolyada.ur.ru/dead_souls/

5. Лазарева Е. Ю. Особенности художественного мира Н. Коляды в контексте исканий драматургии 1980-1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.01.01). Москва, 2010. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-khudozhestvennogo-mira-n-kolyady-v-kontekste-iskanii-dramaturgii-1980-1990-kh-gg> (дата обращения: 10.01.2016).

6. Смирнов С.Р. Римейк (парафраза) в «новой русской» драме // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: Междунар. науч. конф. Иркутск, 24-26 сент. 2004 г. Иркутск, 2004. С. 305-308.

7. Таразевич Е.Г. Римейк в современной русской драматургии // Материалы международной научно-практической конференции «Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания. Пермский государственный педагогический университет, 2006. С. 23-27.

8. Цыпуштанова М.А. Гоголевский текст в творческой рецепции Николая Коляды // Вестник удмуртского университета. 2012. № 4. С. 43-46.

Н. А. Мазурова, Т. А. Бахор, О. Н. Зырянова, В. С. Лобарева *
(Россия, Лесосибирск)

**ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ МАНЕРЫ К.Г. ПАУСТОВСКОГО
(НА ПРИМЕРЕ КНИГИ «МЕЩЕРСКАЯ СТОРОНА»)**

Ключевые слова: Паустовский, Мещерская сторона, творческая манера, документализм, лиризм.

В статье рассматриваются некоторые особенности творческой манеры К.Г. Паустовского, сочетание документализма и лиризма, раскрывается мастерство Паустовского - пейзажиста.

N. A. Mazurova, T. A. Bakhor, O. N. Zyryanova, V. S. Lobareva
(Russia, Lesosibirsk)

**FEATURES OF CREATIVE MANNER OF K.G. PAUSTOVSKY
(ON THE BASIS OF THE BOOK "MESHERSKAYA SIDE")**

Key words: Paustovsky, Mesherskaya side, creative manner, documentalism, lyricism.

This article deals with some of the features of the creative manner of K. G. Paustovsky: the combination of lyricism documentalism, it reveals mastery of Paustovsky – landscapist.

Константин Георгиевич Паустовский – выдающийся русский писатель XX века, многие произведения которого признаются образцами пейзажной и лирической прозы.

К исследованию прозы К. Паустовского обращались Е.А. Алексанян, Л.П. Егорова, А.Ф. Измайлов, Л.П. Кременцов, Л.А. Левицкий и многие другие. Учеными рассматривались жанровая природа произведений писателя, особенности его идиостиля. Особенно большое внимание уделялось раскрытию особенностей произведений, посвященных теме взаимоотношений человека и природы, выявлялась философия природы писателя, рассматривалось мастерство Паустовского -пейзажиста.

Одной из последних работ является диссертационное исследование "малой прозы" К.Г. Паустовского Е.В. Летохо [2], в котором рассматриваются формы воплощения философии природы и концепция личности в малой прозе писателя 1940 – 1960-х годов.

Книга "Мещерская сторона" была написана во второй половине 1930-х годов, когда творческая манера писателя претерпевала некоторые изменения.

* © Мазурова Н.А., Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С., 2016.

Отказавшись от увлечения экзотикой, по всей видимости, услышав оценки современников о "цветистости" языка произведений, писатель постепенно приходит воплощению в своих книгах реального мира природы средней полосы России в реалистической форме.

В «Мещерской стороне» отчетливо выражены документальное и лирическое начала. Автор подчеркивает: все, о чем повествуется в книге, увидено лично им, это – не выдуманная земля, эта земля лежит «между Владимиром и Рязанью, недалеко от Москвы» [3]. Названия железнодорожных станций, поселений, рек, озер, имена реальных людей, писателей, поэтов, художников, цитаты из научных исследований, исторические и фольклорно-этнографические сведения способствуют большей достоверности изображаемого мира, погружению читателя в описываемую обстановку. Документальное начало в прозе писателя обусловлено его журналистским прошлым, которое не могло не повлиять на стиль. "Мещерской стороне" предшествуют работа в РОСТА, многочисленные очерки, опубликованные в газете «Правда», журнале «Наши достижения» и др. Сближение литературы и журналистики происходит в литературе 1920-х годов, когда возникает повышенный интерес к литературе факта.

Особая роль в связи с этим принадлежит образу автора-рассказчика. Приведем примеры непосредственного авторского присутствия в тексте: «Впервые я попал в Мещерский край с севера» [3], «Мне приходилось ночевать в стогах в октябре, когда трава на рассвете покрывается инеем, как солью. Я вырывал в сене глубокую нору, залезал в нее и всю ночь спал в стогу, будто в запертой комнате» [3]. Паустовский разговаривает с читателем от лица героя, авторское сознание сливается с его сознанием. По замечанию Л.С. Ачкасовой, «лирическая проникновенность национального чувства стала одной из примечательных особенностей художественного стиля Паустовского» [1].

Лирическое начало связано с авторским отношением к описываемому явлению. Высокий патриотический пафос «Мещерской стороны» являет себя в самом начале книги: «Потом с каждым днем этот край делается все богаче, разнообразнее, милее сердцу. И, наконец, наступает время, когда каждая ива над заглохшей рекой кажется своей, очень знакомой, когда о ней можно рассказывать удивительные истории» [3]. Максимально сливаясь с рассказчиком, Паустовский усиливает степень воздействия текста на читателя.

Мастерство Паустовского-пейзажиста отмечено практически всеми исследователями. Паустовский тщательно осуществляет отбор языковых средств создания художественной картины. Автор не является бесстрастным наблюдателем, но всегда эмоционально оценивает описываемое явление, даже тогда, когда он, казалось бы, просто перечисляет детали создаваемой картины: «Разнообразие трав в лугах неслыханное. Нескошенные луга так душисты, что с непривычки туманится и тяжелеет голова. На километры тянутся густые, высокие заросли ромашки, цикория, клевера, дикого укропа, гвоздики, мать-и-мачехи, одуванчиков, генцианы, подорожника, колокольчиков, лютиков и десятков других цветущих трав. В травах к покосу созревает луговая клубника»

[3]. Экспрессивность стиля достигается путем повторов, использования одинаковых синтаксических конструкций: «Еще всё спит. Спит вода, спят кувшинки, спят, уткнувшись носами в коряги, рыбы, спят птицы, и только совы летают около костра медленно и бесшумно, как комья белого пуха» [3].

Важным средством создания образа Мещерского края является эпитет, который не просто характеризует детали этого образа, но выражает их свойства: «По сухим сосновым борам идешь, как по глубокому дорогому ковру, на километры земля покрыта сухим, мягким мхом. В просветах между соснами косыми срезами лежит солнечный свет» [3]. В приведенном примере повторенное дважды прилагательное «сухой» не воспринимается как недостаток. В первом случае эпитет «сухой» соединяется с определением «сосновый», во втором – с эпитетом же «мягкий». В обоих случаях эпитет «сухой» стоит на первом месте. Таким образом делается акцент на данном свойстве Мещерского леса: Мещерские леса сухие, в отличие от мшар, где мох «мокрый», «киснет рыжая вода», «ноги засасывало и следы наливались водой» [3].

Приведем типичную для писателя фразу: «...воздух на Прорве пахнет горьковатой ивовой корой, травянистой свежестью, осокой. Он густ, прохладен и целителен» [3]. Здесь есть одиночный эпитет, парный эпитет, эпитеты, выраженные прилагательными в краткой форме. Последние отличаются особой экспрессией и выражают восприятие писателем действительности в ее целостности и многообразии.

Для творческой манеры Паустовского характерен развернутый эпитетный комплекс: соединение эпитета и определения: «самая неторопливая железная дорога» [3], «дикими лесными цветами» [3], «старые сосновые шишки» [3]; нанизывание эпитетов к одному определяемому слову: «извилистая, неглубокая река» [3], «громадные снежные цветы» [3], «разбойничьи, глухие» [3] леса.

Писатель часто прибегает к распространению эпитета причастными оборотами: «липкие масляки, облепленные хвоей» [3], «запах дикой гвоздики, нагретой солнцем» [3], «одинокий самолет, плывущий на головокружительной высоте» [3]. Соединяя признаковое значение с процессуальным, Паустовский раскрывает различные стороны описываемого явления, создавая тем самым объемный художественный образ. Встречаются у Паустовского одиночные причастия, выступающие в роли эпитета: «зеленеющая» чаша, «заглохшая» река, «заросшие» берега.

Таким образом, для творческой манеры Паустовского характерно активное использование эпитета, как средства создания художественного образа и выражения авторского эмоционального отношения к предмету речи.

Еще одним лексическим образным средством, используемым К. Паустовским, является сравнение.

Вступая в диалог с представителями утилитарного отношения к природе, чьи позиции афористически выражены героем романа И.С. Тургенева Базаровым («Природа – не храм, а мастерская»), Паустовский пишет: «Мещёрские леса величественны, как кафедральные соборы» [3].

Сравнительный оборот дополняет эпитет, выраженный прилагательным в краткой форме. Сравнение ведется по внешнему признаку, в но в результате создается величественный образ Мещерского леса, в котором автор-повествователь чувствует себя, как в храме. Вертикальные линии в готических соборах устремлены вверх, в бесконечность, туда, куда неудержимо стремится человеческий дух.

Еще одна сторона образа Мещерского леса выражена сравнением леса с океаном. «Мещёра – остаток лесного океана <...> В ветер леса шумят. Гул проходит по вершинам сосен, как волны. Одинокий самолет, плывущий на головокружительной высоте, кажется миноносцем, наблюдаемым со дна моря. Простым глазом видны мощные воздушные токи. Они поднимаются от земли к небу» [3].

Сравнение поддерживается метафорами «лесной океан», «леса шумят», простым сравнительным оборотом «как волны». Неожиданный образ одинокого самолета, получивший приращение за счет сравнения с миноносцем, наблюдаемым со дна моря, уже не кажется таковым. Взгляд писателя охватывает всю картину целиком: от дна моря к лесу, вершинам сосен и выше к одинокому самолету на головокружительной высоте. Рукотворный самолет (знак цивилизации, как и миноносец) становится частью картины мещерского леса, а совокупность всех деталей создает образ мира во всей его космической бесконечности.

Паустовский создает сложную картину взаимоотношений человека и космоса, человека и стихий.

В сложных взаимосвязях, в различных сочетаниях представлены в повести все четыре природные стихии: стихия воды, стихия воздуха, стихия земли и стихия огня.

Стихия воды, например, репрезентуется в образах озер, рек, заливных лугов. Их номинация часто имеет метафорический характер: озера Поганое, Черное, Тишь, Бык, Хотец, Промоина, Канава, Старица. Характеризуя поверхность озер, писатель прибегает к цветовым эпитетам: «В Мещёре почти у всех озер вода разного цвета. Больше всего озер с черной водой. В иных озерах (например, в Черненьком) вода напоминает блестящую тушь. Трудно, не видя, представить себе этот насыщенный, густой цвет. И вместе с тем вода в этом озере, так же как и в Черном, совершенно прозрачная. <...> В Урженском озере вода фиолетовая, в Сегдене – желтоватая, в Великом озере – оловянного цвета, а в озерах за Прой – чуть синеватая. В луговых озерах летом вода прозрачная, а осенью приобретает зеленоватый морской цвет и даже запах морской воды» [3]. Особый акцент писатель делает на черном цвете: «Но большинство озер все же – черные». В русской литературе символика черного цвета чаще всего негативная, у Паустовского она приобретает позитивный характер: «Этот цвет особенно хорош осенью, когда на черную воду слетают желтые и красные листья берез и осин», «этот цвет хорош и летом, когда белые лилии лежат на воде, как на необыкновенном стекле» [3]. Интуитивно

подбирая цвета, Паустовский¹ создает многоцветную картину, вызывающую у читателя ощущения праздничности, радости, полноты жизни.

Наиболее часто встречаются в повести сравнения в форме сравнительного оборота, присоединяемого при помощи союза как: «трава на рассвете покрывается инеем, как солью», «торчали острые, как колья, корни берез», «лежат сухие, как порох, мхи», «закрякал, как утка, рожок автомобиля», «совы летают около костра медленно и бесшумно, как комья белого пуха», «она (щука)могла задеть резиновую лодку пером и распороть ее, как бритвой», «как в море, садится солнце в травы», «в сумерки воздух над Прорвой делается прозрачным, как ключевая вода». При одинаковой структуре подобного рода сравнения функционально различаются. Скажем, сравнение щучьего плавника с бритвой наглядно характеризует основной объект, а сравнение трав с морем выражает эмоциональное восприятие автором заката солнца.

Природа Мещерского края изображена в связи с человеком. В центре повести автор-рассказчик, который одновременно и переживает целый комплекс чувств, задумывается о месте человека в природе и, шире, в космосе и ведет тщательный отбор языковых средств, чтобы эти чувства и мысли выразить.

Список литературы

1. Ачкасова Л.С. Образ Мещерского края в произведениях К. Паустовского. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mirpaustovskogo.ru/magazine/mp-05/01-02.htm>

2. Летохо Е.В. Художественный мир малой прозы К.Г. Паустовского 1940 – 1960-х годов. М., 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyi-mir-maloi-prozy-kg-paustovskogo-1940-1960-kh-godov>

3. Паустовский К. Мещерская сторона. [Электронный ресурс] Режим доступа: <file:///C:/Users/user/Desktop/00382941189686621706.html>

4. Широкова И.П. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. С. 103-106. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-avtora-v-hudozhestvennom-proizvedenii-otrazhenie-otrazhaemogo>

Т. П. Попова *
(Россия Лесосибирск)

ПУТЬ К ХРАМУ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ РАСПУТКИНОЙ

Ключевые слова: религиозно-философские мотивы в литературе, таинство обретения веры, мировоззрение православного человека.

В статье проанализирован путь человека к Православной вере, как это представлено в творчестве енисейской поэтессы Марины Распуткиной.

T. P. Popova
(Lesosibirsk, Russia)

THE WAY TO THE TEMPLE IN THE MARINA RASPUTKINA'S WORKS

Key words: religious and philosophic motives in poetry, the sacrament of finding of the belief, the contemplation of orthodox human.

The way of a man to the Orthodox belief as it is presented in works of Yeniseysk poetess Marina Rasputkina, is analyzed in the paper.

Марина Геннадьевна Распуткина родилась и живёт в Енисейске Красноярского края. Она – член народного клуба авторской песни «Енисейские барды», в 2005 году была признана победителем межрегионального конкурса-фестиваля «Синий перекрёсток» (Енисейск) в номинации «Автор-исполнитель», в 2013 году – победителем Чулымского межрегионального конкурса-фестиваля авторской песни (Назарово) в такой же номинации. Печатается в периодических изданиях Енисейска и Лесосибирска. Несколько песен Марины Распуткиной вошли в сборник енисейских бардов «Про жизнь и про любовь» (Енисейск, 2009). В 2014 году в Красноярске был издан её сборник стихов и песен «И каждому дню удивляться» (ООО «ИД «Класс плюс». 108 с., ISBN 978-5-905791-26-0) [1; далее ссылки даются на это издание с указанием страницы].

Свою жизнь Марина Геннадьевна делит на два периода – до и после приобщения к Православной вере. Поиск пути к Храму и сосуществование в среде искренне верующих стали темами ряда её стихов, песен и прозаических миниатюр. В книге Марины Распуткиной стихотворения и проза выделены в отдельный раздел – «Тебе, Господи», стихотворные наброски и песни

* © Попова Т.П., 2016.

включены в другие разделы сборника. Собственно, они и станут предметом исследования в этой статье.

Казалось бы, в наши дни уже ушла в прошлое острота проблемы массового приобщения к вере, но каждый день люди продолжают искать свой путь к Богу, и немало среди них детей. Как сделать первый шаг? Какими мы изначально предстаём перед Господом? Что нужно точно оставить в мирской жизни? Что даёт обращение к Богу? Как позволяет настроить и выправить свой собственный мир и отношение к людям? Как очень деликатные ответы на эти вопросы и выстроены прозаические миниатюры и стихотворения автора в разделе «Тебе, Господи».

С первой миниатюры «В поисках пути» (с. 69) намечается, как в графическом наброске, портрет ищущего. «Я была слепа, глуха, нага», – читаем мы в самом начале, а ближе к концу – «Сердце моё – камень, и душа моя темна». Направляясь в Храм, героиня ожидает встречи с Богом, и хоть ожидания оказываются напрасными в той форме, которую она себе представляла, «что-то произошло... я, наконец, расслышала то, чего не слышала прежде. И пробудилась». Первым откровением становится для неё осознание «глубины моей греховности и превознесённой гордыни» – границы, жёстко разделяющей атеиста и верующего. Но первое же пребывание в Храме позволяет ей усвоить и одну из заповедей покаяния: «ведь и в оплакивании грехов своих согрешаю я».

Неверующий слеп (с. 69), он подвержен самолюбованию (с. 70), глух к голосу Отца и не знает его (с. 71). Он беспечен, боится смерти, «скор на суд и обличение» при том, что медлит проявлять милость и любовь (с. 73). Но, как ни странно прозвучит это на первый взгляд, и верующий может быть таким же. В этом нет различия между людьми – всё зависит от системы координат и шкалы ценностей. Но то, что точно получает человек, отыскав свою дорогу к Храму, – возможность обрести духовное зрение, стремиться к праведности в поступках, умение не роптать на судьбу и заменять осуждение милостью и любовью. Пусть это требует работы над собой, но ему легче самосовершенствоваться:

«Только блаженны живущие с Богом –
Им-то всегда будет с Кем поделиться» (с. 74).

Намечая пунктиром систему ценностей в среде верующих, Марина Распуткина выделяет искренность веры (с. 69) вплоть до безоглядности (с. 72), память о подвиге Господа во имя людей (с. 72, 74, 75), умение сохранять веру при виде несовершенств жизни (с. 74), осознание, что Господь – везде (с. 69), радость от деяний в угоду Богу (с. 74). В стихотворении «Горе законы деленья приемлет» она просто и доступно объясняет, почему человек часто отправляется на поиск пути к Храму в тот момент, когда испытывает самые сильные чувства – горе или счастье (с. 74). В стихотворении «Евангелие» она напутствует дочь читать эту книгу «когда взгрустнётся, иль жизнь покажется пустой», потому что «сердце улыбнётся, и сразу станет мир иной» (с. 75).

Интересно, что в разделе «Тебе, Господи» автор движется от прозы через белый стих к стихотворной форме, словно постепенно переводя читателя от

будней к системе хоть и более сложных, но и более гармоничных ценностей. Движение начинается буквально со второй миниатюры «Прости неискренность любви», где, по сути, прозаический текст жёстко разбит по смыслу на отдельные строки, как и следующий. При этом первые стихи написаны «лесенкой», как специально задуманные с паузой, и лишь за ними следуют стихотворения, разбитые уже на четверостишия, а через миниатюры в четыре и две стихотворные строки читатель видит и заключительное стихотворение с заголовком. Как долог путь человека через собственные несовершенства к Богу, так и выстроен раздел «Тебе, Господи» в книге Марины Распуткиной, о чём автор пишет в стихотворении «Научи меня, Господи»:

«Принимаю за милость
и радости я, и печали.
Всё, что Ты посылаешь,
старюсь смиренно нести.
Я в начале пути к Тебе, Господи,
в самом начале.
Помоги мне дойти до Тебя
и не сбиться с пути!» (с. 72).

Включённые в этот раздел стихотворные миниатюры в четыре и две строки гармонично вписаны в контекст и, в то же время, перекликаются с другим разделом книги – «Настроение», где собраны миниатюры в жанре «мудрых мыслей» и SMS-посланий. Они характеризуют автора как человека своего времени, когда клиповое сознание возродило всеобщий интерес к кратким и ёмким по смыслу изречениям. В этих миниатюрах – то внезапно открывшаяся истина (с. 73, 74), то совет ближнему (с. 20), то прямое обращение к Богу (с. 50). Они быстро запоминаются и напрямую служат расширению читательской аудитории.

Этой же цели служит и песня «Росточек» из соответствующего раздела книги. Уже в первом куплете автор напрямую обращается к широкой аудитории:

«Всю суетность мыслей и скудость желаний
Лишь милостью Божией можем узреть.
А погоне за счастьем, сокрытым в тумане,
Куда-то бежим, чтобы что-то успеть.
Оставь на мгновение эту погоню,
Заметь над толпою сияющий крест,
И стон, уплывающий ввысь с колоколен,
Услышь, как молитвенный голос с небес!» (с. 97).

Название песни не случайно, ведь, обратившись к Богу, человек почувствует, что в его сердце «росточек потянется к Радости вечной». И не надо думать, по мнению автора, что вера – лишь для избранных:

«Есть в сердце у каждого Божие семя.
Его угадать и взлелеять спеши,
Ведь мы на земле – на короткое время
(Мы все на земле – на короткое время),

И цель нашей жизни – спасенье души».

Как и в разделе «Тебе, Господи», в разделе «Песни» отражён мотив молитвенного обращения к Господу, ведь главное, что отличает человека верующего от неверующего, – возможность общения с Богом через молитву. В песне «Дочери» – обращение к Господу о благополучии ребёнка. Отталкиваясь от воспоминаний о своём чаде в нежном возрасте, автор возносит молитву о благополучии дочери и её спасении:

«И прошу, чтоб так же, как меня,
От большой беды оберегая,
Вёл по жизни, ревностно любя,
Осторожно к Правде подвигая» (с. 92).

В обращении к Богу – и просьба простить дочь, если она согрешит, и поддержать её дух в дни смятения, и даровать ей жизнь вечную. И просьба эта смиренна, если заканчивается цитатой от Луки «Впрочем, не моя воля, но Твоя будет». Но, в то же время, эта песня – и обращение к дочери. «Мы к встрече с Господом идём, / Поступки с вечностью сверяя», – читаем мы в эпиграфе к этой песне.

Мысль о том, что верующий человек не знает, что такое одиночество, роднит ряд стихов из раздела «Тебе, Господи» с песней «Мне и с собой наедине...»:

«Мне и с собой наедине не быть одной.
Когда Господь царит во мне – в душе покой» (с. 93).
Что же тогда не устраивает автора?
«Но нелегко соединить мне мир и храм.
И невозможно сразу быть и здесь, и там» (с. 93).

Вот и возносится ввысь молитва о том, «чтобы Тебя мне в сердце бережно хранить / И ни на миг не прерывать молитвы нить!».

Прямым обращением к Богу является и песня «Молитва» (с. 94 – 95). Интересно, что она написана не от первого лица, а словно от хора верующих. Это подчёркнуто отсутствием глаголов женского рода и рефреном «Господи, помилуй...» после каждого куплета. Верующие просят Бога о слиянии Его воли со своей, правильном понимании Его промысла, избавлении от гордыни и других грехов, даровании покаяния и возможности, будучи грешными, тем не менее «почить ... в чине ангельском». Преданность сообществу искренне верующих отражена в строении куплетов, сходном с молитвой, в использовании элементов церковно-славянского языка, в просьбе принять «не сыном, так рабом, но на устах с Твоим именем». Отказавшись от молитвы от первого лица, автор словно подставляет плечо всем искренне верующим, одновременно заверяя их в том, что сообщество искренне верующих многолюдно.

Путь к Храму отражён не только в опубликованных произведениях Марины Распуткиной. Она выступает с концертными программами, ведёт просветительскую деятельность, популяризируя творчество церковнослужителей. «Бог видит всех. И ждёт, когда человек откроет Ему

дверь своего сердца, - считает Марина Геннадьевна. - В моих стихах кто-то услышит что-то созвучное, и это равно радости обретения нового друга, соратника, единомышленника».

Список литературы

1. Марина Распуткина. И каждому дню удивляться. Стихи и песни. Красноярск: ООО «ИД «Класс плюс», 2014. 108 с. с илл.

Г. В. Смирнова *
(Россия, г. Лесосибирск)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ «ЧЕРНЫЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА

Ключевые слова: В.П. Астафьев, стиль писателя, цветообозначение, лексема, метафора, фразеологизм.

В статье рассматривается словоупотребление В.П. Астафьевым цветообозначения «черный» в романе «Печальный детектив», повестях «Перевал», «Кража» и др. Анализируются прямые, переносные, метафорические и фразеологически связанные значения лексемы «черный», которые свидетельствуют о тщательной работе писателя над языком своих произведений.

G. V. Smirnova
(Russia, Lesosibirsk)

THE SPECIFIC USE OF THE COLOUR TERM «BLACK» IN THE WORKS OF V. P. ASTAFIEV

Key words: V. P. Astafiev, style, color naming, token, metaphor, idiom.

The article discusses the usage of V. P. Astafiev color names "black" in the novel "Sad detective", the novels "Pass", "Theft", etc. The direct, portable, metaphorical and frazeologicheskii the associated values of the tokens "black", which testify to the careful work of the writer over the language of their works are analyzed.

Цветообозначения, являясь предметом изучения лингвистики, отражают «национально-специфические особенности цветовой лексики» [5: 3; 11; 14]. Как известно, «базовые» цвета формируют цветовую картину мира, которая входит в состав языковой картины мира» [5: 3; 11; 14]. Символика цвета в поэтических текстах исследовалась Б.Я. Шарифуллиным [10-11; 14]. Среди базовых цветов черный цвет является наиболее постоянным компонентом т.н. «национальной палитры», отражающейся в стиле писателей, поэтов, художников. Специально семантике «чёрного» (в оппозиции «белому») посвящена работа Б.Я. Шарифуллина и Ю.В. Босековой [12].

Так, в словарях русского языка прилагательное «черный» встречается в более 20% фразеологических единиц с компонентом цветообозначения [5: 10].

В процессе словоупотребления во многих случаях цвет оказывается связанным с оценкой внешности, поведения человека, его характера. Так,

* © Смирнова Г.В., 2016.

прилагательное «черный» закреплено за отрицательной характеристикой: «черный от горя», «черная зависть», «черные воспоминания».

Материалы словарей свидетельствуют о том, что у прилагательного «черный» появляются переносные, метафорические и фразеологически связанные значения. Этим можно объяснить большое количество статей о метафорах, возникших на базе цветообозначения «черный», и о фразеологизмах с этим прилагательным, появившихся в русском языке. Именно такие производные образования, использованные В.П. Астафьевым в таких произведениях, как «Печальный детектив», «Перевал», «Кража», «Слепой рыбак», «Жизнь прожить», «Медвежья кровь» и др., стали предметом нашего исследования. Общая характеристика языка В.П. Астафьева, в том числе, в плане метафорики и фразеологии, дана в работе Б.Я. Шарифуллина и Т.Е. Васильевой [13].

Наиболее четко значения лексемы «черный» представлены в Малом академическом словаре русского языка в четырех томах. Здесь переносные значения отграничены от основных и фразеологически связанных. И почти все значения этого прилагательного мы находим в произведениях В.П. Астафьева.

Прилагательное *черный* – самое употребительное из всех цветообозначений у В.П. Астафьева. Лексема *черный* может употребляться в основном своем значении, указывая цвет: «Черные сучкастые остатки обгоревших лесин и высокие пни маячат на таких же черных скалах» [1: 84].

Слово «черный» может называть более темный по сравнению с обычным цветом объект: «Поближе к излуке, соединяющей два ближних озера, стояла большая, черная от времени изба с завалившимися надворными постройками...» [2: 227].

Известно, что «черный» является цветом траура, смерти. «Девчонки принесли зеркало, прибили его к стене, занавесили черным – кто-то еще по дому родному запомнил: при покойниках зеркало полагается занавешивать черным» [1: 268].

Прилагательное «черный» является названием расы: «... и до этого миллионы и миллионы людей, простых и гениальных, черных и белых, желтых и красных...» [2: 177].

В.П. Астафьев употребляет слово «черный» в значении «неквалифицированный, не требующий высокого мастерства, подсобный, чаще физически тяжелый или грязный труд» [4: 667]: «... вместо семи рыл осталось четыре, да и то одно из них – младший сержант Каблуков, полководца из себя изображающий, черной, потной работы чуждался» [3: 55].

Сочетание «черный народ» В.П. Астафьев употребляет в значении «простонародье», «низшее сословие»: «...собака негодует на черный народ, от страха и наглости тьякает...» [2: 279].

Близко к этому следующее использование прилагательного «черный»: «...да и с «черной» деревенской родней знаться не хотелось» [2:48]. Но то, что писатель придает этому прилагательному особый смысловой оттенок, можно определить по кавычкам, которыми выделено данное прилагательное в тексте.

Метафоризация цвета, как известно, происходит не только на «концептуально- категориальном уровне, отражая формирование языкового значения», но и на уровне «вербализации дискурсивного смысла» [6]. Этот процесс мы наблюдаем и в прозе В.П. Астафьева.

За счет переносных, метафорических производных на базе прилагательного «черный» В.П. Астафьев характеризует человека, учитывая его интеллект, настроение, практический опыт. Такое употребление цветообозначения связано «с экспрессивностью и эмотивностью – выражением эмоционального отношения – положительного (одобрения, восхищения, поощрения и др.) или отрицательного (неодобрения, осуждения, пренебрежения, порицания, унижения и др.)» [9].

Исследователи (Ю.В. Зольникова, Н.Н. Козлова, Е.А. Шабалиева и др.) отмечают, что так в основном создается отрицательная характеристика персонажа. Прилагательное «черный» используется писателем в переносном значении «злостный, низкий, коварный»: «Когда я потряс Гария добычей вимбы, он не заклокотал от черной зависти...» [2: 198]. Лексема «черный» позволяет писателю показать того или иного персонажа как бы изнутри, акцентируя не только положительные, но и отрицательные его качества. «Выродились в них сметка, мужество и выносливость, – осталась удушливая, как сажа, вера, черная злоба да трусость» [1: 130]; «Раздражение и темная тоска заселяли пустоту, в темноте же самое место черному злу» [2:67].

Фразеологизмы с цветообозначением «черный» являются средством оценки. В.П. Астафьев использует с цветообозначением «черный» не только метафоры и фразеологизмы, но и пословицы: «А мне какую судьба определила или Бог послал, с той и вековать, ту любить и жалеть. Полюби-ка нас вчерне, говорится в народе, а в красне всяк полюбит» [2: 311].

Сочетания «черные мысли», «черные воспоминания», «черная неблагодарность», «черные дела», «черный день» встречаются в текстах произведений В.П. Астафьева очень часто. Метафоризация является источником пополнения лексики русского языка и ярким художественным тропом. Помимо метафорического употребления цветообозначения «черный» в произведениях В.П. Астафьева немало примеров фразеологически связанного использования этого цветообозначения: «Когда шумела, гремела и лаялась бабушка – мы ничего, но как замолкла, затаилась – жди черной немочи» [2:285]. В.И. Даль так поясняет значение этого фразеологизма: «Черная немочь, падучая, паралич, проказа – морь, чума на людей» [4].

В тексте военной повести «Передышка» удачно вписывается фразеологизм «черный порох»: «...только пули свистят по степи, тускло звезды мерцают...» и горько пахнет черным порохом...» [1: 228]. В повести «Звездопад» автор описывает голодное предвоенное время и показывает это одним фразеологизмом: «... ответила мать, выкладывая из кошелки черную горбушку хлеба» [1: 228].

От фразеологизма «черная изба» В.П. Астафьев образует наречие: «Но ведь были когда-то избышки и убоже этой, топились по-черному...» [2: 228].

Словарь В. Даля поясняет фразеологизм «черная изба» следующим образом: «Без трубы, где дым стелется под потолком» [4].

Проанализированный нами текстовый материал из произведений В.П. Астафьева свидетельствует о том, как тщательно работал писатель над языком своих произведений. Фразеологизмы с компонентом «черный» характеризуют в произведениях писателя отрицательные, неприятные вещества бедное, нищенское жильё, болезненное состояние человека.

Список литературы

1. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т.2. Повести. Красноярск, 1997. 496 с.
2. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Произведения 1980-х годов. Печальный детектив: роман. Рассказы. Красноярск, 1997. 448 с.
3. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Т. 11. Повести, рассказы разных лет. Красноярск, 1997. 432 с.
4. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М. Русский язык, 1982. С. 783-784.
5. Зольникова Ю.В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков (на материале лексикографических источников): Автореф. дис... канд. филол. наук. Тюмень, 2010. 24 с.
6. Козлова Н.Н. Когнитивный механизм метафоризации цвета: автореф. дис. канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 22 с.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 667 с.
8. Словарь русского языка С.И. Ожегова. М.: Русский язык, 1982. С. 783-784.
- Словарь современного русского языка: в 17 т. Т.17. М., Л., 1948-1965. С. 518-531.
9. Шабалиева Е.А. Фразеологические единицы с компонентом «цвет» в русском и английских языках: автореф. дис... канд. филол. наук. Калининград, 2012. 22 с.
10. Шарифуллин Б.Я. Символика цвета в дискурсе рок-поэзии Бориса Гребенщикова // Семантика и прагматика слова в поэтическом и публицистическом дискурсах: Матер. 9 Всеросс. науч. семинара. Томск: ТГПУ, 2008.
11. Шарифуллин Б.Я. Языковая картина мира The Beatles. V. “Black, white, green, red...”: цвет в поэтике «Битлз» // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: материалы междунар.науч.конф. / науч.ред. Н.А. Илюхина. Самара: Универс групп, 2011. С.64-69.
12. Шарифуллин Б.Я., Босекова Ю.В. Символика белого и чёрного в современном сибирском историческом романе (трилогия А.М. Бондаренко «Государева вотчина») // Теория и практика современного научного знания:

сб. материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции (15-18 января 2011 г.). В 2 ч. Ч.2. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С.70-76.

13. Шарифуллин Б.Я., Васильева Т.Е. В.П. Астафьев как писатель и как языковая личность // Гл.11 в колл. монографии «Язык и культура». Новосибирск, ЦРНС, 2013. С.204-235.

14. Шарифуллин Б.Я., Шарифуллин С.Б. Синестезия в национально-специфической картине мира: Символика цвета в текстах британской рок-музыки // Диалог культур в аспекте языка и текста: материалы науч.конф. / Институт филологии языковой коммуникации СФУ. Красноярск, 17-18 апреля 2008 г. / редкол. К.В. Анисимов, О.В. Фельде. Красноярск: ИПК СФУ, 2010. С.163-170.

А. А. Фалилеева, М. В. Веккесер *
(Россия, Красноярск, Лесосибирск)

СВОЕОБРАЗИЕ ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЙ В РОМАНЕ Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР»

Ключевые слова: художественный текст, пейзажные описания, стилистический приём.

В статье характеризуются особенности пейзажных описаний в романе Ш. Бронте «Джен Эйр». Пейзаж рассматривается как стилистически маркированный компонент художественного текста, участвующий в реализации различных функций в зависимости от идиостиля автора, идейного замысла произведения и литературного направления. Определённый стилистический эффект достигается посредством использования разнообразных стилистических приемов.

A. A. Falileeva, M. V. Vekkesser
(Russia, Krasnoyarsk, Lesosibirsk)

THE PECULIARITIES OF LANDSCAPE DESCRIPTION IN THE NOVEL *JANE EYRE* BY CHARLOTTE BRONTE

Key words: literary text, landscape description, stylistic device.

The article reveals the special features of landscape description in “Jane Eyre” by Charlotte Bronte. The landscape is considered in the function of marked stylistic element in a literary text, which takes part in realization of different functions depending on author’s individual style, ideologic conception of a novel and literary genre. The definite stylistic effect is accomplished by using various stylistic devices.

Пейзаж в художественном тексте является весьма неоднозначным понятием. На данный момент существует множество определений пейзажа.

О.А. Нечаева определяет пейзаж как структурно-смысловой описательный жанр, наряду с портретным описанием, описанием интерьера. При этом пейзаж может быть перечислением общего вида какой-либо местности в данный момент или названием признаков, свойственных для того или иного времени года [4: 32].

Большинство литературоведов сходятся в том, что пейзажем в литературе называется изображение живой и неживой природы, описание любого незамкнутого пространства. Однако пейзаж тяготеет не только к описанию внешнего мира – будь то картина природы или интерьер комнаты, но и иллюзорного. «Только благодаря воображению описание перестает быть

* © Фалилеева А.А., Веккесер М.В., 2016.

бессмысленной констатацией и работает в русле задуманного, будоражит читателя, оставляя систему открытой, не конечной и не самодостаточной» [2: 17].

Пейзаж может представлять собой единичное описание, сосредоточенное в одном месте или состоять из нескольких описаний с большей или меньшей дистантностью их расположения. Способность рассредоточенных в тексте образов, сцен, картин к самостоятельному функционированию способствует закреплению за ними роли пейзажных лейтмотивов, которые служат средством образно-символического акцентирования определенной художественной информации [5:78].

Несмотря на тематическую выделенность из повествования, некоторую отстраненность от человека и от быта, пейзаж занимает свое место среди таких «изобразительных систем текста», как интерьер, портрет. В идиостиле каждого писателя эти структуры характеризуются определенными семантико-стилистическими особенностями и обладают более или менее выраженным изоморфизмом. В качестве одного из аспектов образного взаимодействия пейзажа и портрета отмечается их тематическое взаимодействие в контексте [5: 78].

Тесная связь между семантикой пейзажа и содержанием всего произведения давно находится в поле зрения науки. По мнению Н.Д. Ивановой, специфика пейзажа заключается в том, что он существует в двух смысловых пространствах. С одной стороны, пейзаж представляет собой конкретную образно-стилистическую величину и находится в тесном взаимодействии с поэтикой всего текста, выступая в повествовании наряду с портретом, интерьером, диалогами действующих лиц. С другой стороны, пейзажное описание вмещает в себя сверхэмпирические, ассоциативно-символические смыслы, которые превращают его из обычного фона повествования в полноценное средство выражения содержания произведения, его основных идей и зачастую авторской концепции в целом [5: 78].

Также важную роль играет и стилевой аспект. Стилистические средства, которые маркируют пейзажные описания, осуществляют коннотационное представление содержания.

Таким образом, пейзажное описание – это стилистически маркированный компонент текста, который участвует в интеграции текста, осуществляет воздействие на читателя и выполняет в художественном произведении различные функции в зависимости от идиостиля автора, идейного замысла произведения и литературного направления.

Описание пейзажа передается посредством разнообразных стилистических приемов как лексических, так и синтаксических; преобладающими являются лексические средства изобразительности. Прежде всего, наиболее распространен эпитет. Эпитет всегда субъективен, он имеет эмоциональное значение или эмоциональную окраску. Широко используются художественное сравнение, метафора, которые являются процессом работы личности с внутренним текстом и языком, олицетворение и метонимия, в

основе которых лежит переименовывание по смежности понятий, в отличие от метафоры, в основе которой – переименовывание по сходству [1: 436]. Таким образом, стилистические средства находятся в теснейшей связи с особенностями содержания и идеей текста. Основная задача лингвостилистического анализа текста заключается в изучении языковых средств. Это касается и пейзажа.

В романе «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте пейзаж играет одну из ключевых ролей. Автор тщательно подходит к выбору слов и оборотов, которые используются для природоописаний.

В романе «Джейн Эйр» пейзажные описания подчинены действиям. Природа служит средством раскрытия характеров в романе, их переживаний и настроений.

Испытания и разочарования героини созвучны с природоописанием. Автор рисует тоскливую, дождливую, ветреную погоду. Небо покрыто тучами, стоит нестерпимый холод. События, которые автор повествует, происходят осенью и зимой. Героиня переживает тяжелое время у своей тетки, где дети беспощадно издеваются над Джейн, а миссис Рид постоянно наказывает бедную девочку. Тоску и мрачное настроение Джейн лучше всего передают осенние и зимние пейзажи. Эмоциональность описания достигается благодаря широкому использованию эпитетов в романе: «*It offered a pale blank of mist and cloud; near a scene of wet lawn and storm-beat shrub, with ceaseless rain sweeping away wildly before a long and lamentable blast*» [6: 3].

В данном примере природа является фоном мрачных мыслей Джейн, она полностью гармонирует с ее настроением. Переживания и нелегкие испытания жизни в приюте Локвуда также сопровождаются мрачным и суровым пейзажем. «*How different had this scene looked when I viewed it laid out beneath the iron sky of winter, stiffened in frost, shrouded with snow!—when mists as chill as death wandered to the impulse of east winds along those purple peaks... That beck itself was then a torrent, turbid and curdles it sent a raving sound through the air, often thickened with wild rain or whirling sleet*» [6: 54].

Эпитеты используются для создания волнующей эмоциональной атмосферы. В данном примере состояние природы соотносится с человеческими чувствами, изображение пейзажа вблизи приюта описывает невообразимые трудности: холодные комнаты, скудные завтраки, эпидемия тифа. Таким образом, данные примеры иллюстрируют пейзаж, который выступает «как форма косвенного психологического изображения, когда внутреннее, душевное состояние героев передается окружающей их природе» [3: 81].

Ш. Бронте в пейзажных описаниях использует такую лингвостилистическую фигуру как метафора: «*But what had befallen the night? The moon was not yet set, and we were all in shadow... and what ailed the chestnut tree? It writhed and groaned; while the wind roared in the laurel walk... a livid, vivid spark leapt out of a cloud at which*» [6: 192].

Когда Рочестер сделал предложение Джейн, их настигло ненастье. Внезапно разразившаяся гроза явилась символическим предостережением. Кроме того, каштан, расколотый молнией, символизирует невозможность их брака. В данном случае, пейзажное описание активно вмешивается в происходящее и предопределяет судьбу героини.

Переживания главной героини накануне свадьбы с Рочестером тесно связаны с описанием природы. Психологическая функция пейзажа находит свое выражение в использовании эпитетов и метафор: «...*the moon appeared momentarily ... her disk was blood-red and half overcast; she seemed to throw on me one bewildered, dreary glance and buried herself again instantly in the deep drift of cloud*» [6: 208].

Изменчивую погоду в Торнфильде автор описывает, прибегая к сравнению с Италией, находящейся на юге. Погода временами бывает такой теплой, что героям кажется, как они оказались в Италии: «*It was as if a band of Italian days had come from the South, like a flock of glorious passenger birds, and lighted to rest them on the cliffs of Albion*» [6: 185].

В романе Шарлотты Бронте прослеживается удивительная способность выражать эмоции, состояние души через пейзаж: «*I regained my couch, but never thought of sleep. Till morning dawned I was tossed on a buoyant but unquiet sea, where billows of trouble rolled under surges of joy. I thought sometimes I saw beyond its wild waters a shore, sweet as the hills of Beulah; and now and then a freshening gale wakened by hope, bore my spirit triumphantly towards the bourn: but I could not reach it, even in fancy, a counteracting breeze blew off land and continually drove me back*» [6: 223].

В данном примере, описываются переживания главной героини, ее смятение, которое испытывает Джейн, когда понимает, что полюбила Рочестера. Автор использует ряд лингвостилистических средств: метафоры, эпитеты, художественное сравнение. Описание ассоциируется с внутренним состоянием, эмоциями Джейн Эйр. Судьба героини бросает ее в бурные волны жизни, не дает возможности достичь счастливого берега. Бронте готовит читателя к трагической развязке. В данном примере пейзаж служит средством развития действий. Природописание предвещает события, которые произойдут позже. Бронте в своем романе «Джейн Эйр» постоянно обращается к природе, и главная героиня ее романа неразрывно связана с ней.

На основании теоретических положений исследования был проведен анализ пейзажных описаний, функционирующих в произведении Бронте, в результате которого были выявлены особенности языка пейзажных описаний. Пейзажные описания насыщены эмоциональностью, достигаемой за счет использования лингвостилистических средств. Природописание играет стилеобразующую роль в основном при помощи таких лингвостилистических фигур, как эпитет, метафора, сравнение, олицетворение.

Стоит отметить, что изобразительные средства являются основным стилистическим инструментом, с помощью которого создается образность, экспрессивность, оценочность в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр».

Пейзажные описания в романе принимают важное участие в формировании композиционно-художественного целого. Пейзаж выражает национальное своеобразие, становится национальным образом. Психологическая функция пейзажа в романе «Джейн Эйр» является главенствующей и находит свое выражение в изобилии эмотивной лексики. Пейзаж выступает как форма косвенного психологического изображения, когда внутреннее, душевное состояние героев передается окружающей их природе, а не через прямое описание. Природа для Ш. Бронте как для писателя-романтика – одно из ключевых понятий, и она внесла свой вклад в развитие национального словесно-художественного пейзажа.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 2007. 608 с.
2. Ветрогонская Т.О. Художественные функции пейзажа в литературе XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 18 с.
3. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта: Наука, 2000. 247 с.
4. Нечаева О.А. Типы речи и работа над ними в школе: учеб. пособие. Красноярск, 2001. 166 с.
5. Иванова Т.П. Стилистическая интерпретация текста. М.: Высшая школа, 2010. 114 с.
6. Charlotte Bronte / Jane Eyre. Penguin, 2003. 332 с.

А. А. Чуруксаева, М. Л. Ростова *
(Россия, Лесосибирск)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРОИЗВЕДЕНИЯ П. Г. ВУДХАУСА

Ключевые слова: фразеологические единицы, окказиональные модификации, деформация идиом.

В статье рассматриваются различные трансформации фразеологических единиц, используемых автором для создания комического эффекта.

A. A. Churuksaeva, M. L. Rostova
(Russia, Lesosibirsk)

FEATURES OF FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN P. G. WODEHOUSE'S WORKS

Key words: phraseological units, occasional modifications, the deformation of idioms.

The article discusses various transformations of phraseological units used by the author to create a comic effect.

Фразеологические обороты являются одними из наиболее используемых художественно-выразительных средств, имеющих определенный набор признаков и выразительных и стилистических особенностей. Именно поэтому писатели обращаются к данным единицам. При знакомстве с текстами произведений английской литературы невозможно не заострить свое внимание на том, насколько тонко и ярко авторами использованы стилистические возможности фразеологизмов: необработанная стихия народной речи под пером писателя преобразуется в литературный язык. Язык английских писателей вызывает восхищение именно благодаря умению употребить и обновить тот или иной фразеологизм, создать свежий образ, придать фразеологическому обороту нужный стилистический оттенок.

Фразеологические единицы в текстах произведений – предмет постоянного и пристального внимания в лингвистической науке. Подобный интерес связан с образностью и экспрессивностью, которыми выделяются фразеологизмы из ряда других единиц не только в системе языка, но и в процессе их функционирования в художественной речи.

Важнейшим свойством художественного текста является использование в нем языковых средств, которое подчинено задаче создания художественного

* © Чуруксаева А.А., Ростова М.Л., 2016.

образа. В связи с этим особенного внимания, насколько мы можем судить, заслуживает вопрос о роли фразеологизмов в художественном тексте.

Как известно, существует два типа функционирования фразеологизмов в речи: без изменения их семантики и структуры (узуальное употребление) и с изменением (окказиональное употребление). Первый тип функционирования фразеологических единиц реализует их абсолютные выразительные свойства, второй – их потенциальные возможности. Именно факты отклонения от нормы, индивидуальное, авторское употребление фразеологизмов, различные трансформации оборотов и их роль в создании художественных образов являются предметом данного исследования.

Цель настоящей работы – изучение особенностей функционирования фразеологических единиц в рассказах Пелама Гренвилла Вудхауса.

Узуальные фразеологизмы – общепринятые, воспроизводимые и употребляемые широко в речи комплексные знаки с нерегулярной формально-смысловой организацией, проистекающей из семантического сдвига состава компонентов; упорядочены в лексикографических источниках [3]; принадлежат языку. К примеру, языковая единица «*You have placed your finger on the real trouble, sir*» [4: 243] была зафиксирована в словаре и означает «to identify something exactly».

Окказиональные модификации – узуальные фразеологизмы, которые преобразованы в речи, однако сохраняют материальные и семантические связи с исходной фразеологической единицей [3]; они образуются на базе узуальных фразеологизмов, принадлежат языку и речи. Рассмотрим следующий пример: «*I shuddered from hair-dotoshoe-sole*» [4: 199] – модификации подвержен узуальный фразеологизм *from head to toe*. Другой пример: «*Cats will be cats*» [4: 227] – от узуального фразеологизма *Boys will be boys*.

Мы же в ходе нашего анализа текстов произведений П. Г. Вудхауса отмечаем именно окказиональное употребление фразеологических единиц. Для создания нужного эффекта, чаще всего комического, автор довольно умело преобразует фразеологические единицы, т. е. используется такой прием как деформация идиом.

Обратимся к понятию деформация. Деформация, или обыгрывание идиом, понимается «как фигура речи, состоящая в разрушении семантической монолитности фразеологического сращения, в оживлении составляющих идиому слов и использовании их как самостоятельных единиц» [1: 166].

Среди распространенных приемов деформации выделяются следующие:

«1. Замена компонентов в составе фразеологической единицы.

2. Вклинивание, при котором идиома преобразуется посредством внесения дополнительного элемента в ее состав.

3. Эллипсис, при котором опускается один или несколько компонентов идиомы.

4. Контаминация – слитное употребление двух различных фразеологических единиц с обязательным опущением одного или нескольких компонентов» [2: 144].

Рассмотрим данное языковое явление на примерах. Часто автор использует прием замены одного из компонентов идиомы другим словом: «*I found my old flesh-and-blood up to her Marcel-wave in proof sheets*» [6]. Выражение *up to his ears/eyes/neck* означает *very deeply*. В данном случае автор вместо одного из ожидаемых слов (*ears/eyes/neck*) использует название химической завивки. В другом примере: «*I was sorry to have to insert a spanner in her hopes and dreams. Spanner in the works – a cause of confusion or ruin to a plan or operation*» [Там же]. Вместо используемого *works*, которое означает в этом выражении *plans and hopes*, стоят именно те слова, которые только подразумеваются при обычном употреблении оборота. Прием замещения мы можем найти и в ряду других случаев. «*I don't think I have ever seen a dog who conveyed more vividly the impression of being rooted to the spot and prepared to stay there till the cows – or, in this case, his proprietress – come home*» [Там же]. Обыграно выражение *till the cows come home*, означающее *forever*.

В следующем отрывке «*This room of Stiffy's, I should have mentioned, in addition to being equipped with four-posted beds, richly upholstered chairs and all sorts of other things far too good for a young squirt who went about biting the hand that had fed her at luncheon*» [Там же] вместо абстрактного слова *food* в идиоме *to bite the hand that feeds one – to harm someone who has treated one well* дано конкретное *luncheon*. Употреблено оно в буквальном значении, поэтому метафоричность выражения исчезает. Герой действительно накормил эту «юную нахалку» обедом.

В выражении *to have one's hair stand on end* автор заменяет слово *hair* на *perm (permanent)* – стиль прически: «*I had expected to freeze her young – or, rather, middle-aged – blood and have her perm stand on end*» [5].

Иногда устойчивое выражение может получать дополнительное развитие. Так, выражение *cold feet – loss of courage or confidence*, употребляется таким образом: «*I don't mind telling you that the more I contemplated the coming chat, the colder the feet became*» [6].

Похожий прием используется П. Г. Вудхаусом в обыгрывании фразеологического оборота *to pull someone's leg – to make playful fun of someone by encouraging him to believe something untrue*: «*With a firm hand this girl had pulled my leg, but why – that was the point that baffled – why had she pulled my leg?*» [Там же]. Игра усиливается при помощи противопоставления *to pull someone's leg* со словосочетанием *with a firm hand*.

Случаи игрового использования устойчивых выражений у автора довольно многочисленны. Иногда он просто берет и меняет два компонента идиомы местами: «*This was not the first time she had displayed the velvet hand beneath the iron glove – or, rather, the other way about – in this manner*» [Там же]. Ср. *the iron hand in the velvet glove – a very firm intension hidden under a gentle appearance*.

Кроме того, иногда идиома может только подразумеваться. В этом случае автор намекает на какой-нибудь один из ее компонентов: «*...a cupboard or armoire in which you could have hidden a dozen corpses*» [5]. Это шутовское

описание шкафа отсылает читателя к известному выражению *a skeleton in the cupboard* (т.е. *a family secret*). Комический эффект достигнут и потому, что фигуральное выражение использовано для описания реального предмета мебели.

Еще один из любимых приемов Вудхауса—это буквальное понимание идиом: «*You'll be able now to give it as your considered opinion that the man is as loony as a coot, sir Roderick. A pause ensued during which Pop Glossop appeared to be weighing this, possibly thinking back to coots he had met in the course of his professional career and try to estimate their dopines as compared with that of W. Cream*» [6]. Выражение *as crazy as a coot* (сумасшедший как глупец) понятое буквально, помогает достичь комического эффекта.

Еще пример: «*The oil seems to have gone off the boil. Yes sir, if that was the language of love, I'll eat my hat', – said the blood relation, alluding, I took it, to the beastly straw contraption in which she does her gardening*»[5]. В данном случае компонент *hat* из идиомы *I'll eat my hat – I'll be very surprised*, понимается в отрыве от целого выражения. *Hat* понимается как вполне конкретная шляпка, а не как обобщенный образ.

Деформация словосочетания так же может рассматриваться как близкий к деформации идиом феномен. Прием в принципе используется один и тот же – пренебрежение нормами языка для достижения комического эффекта. Случаи употребления этого приема также весьма многочисленны у Вудхауса: «*I ground a tooth or two and waved the arms in a passionate gesture*». Деформация выражения *grind one's teeth*, означающего *to rub teeth harshly together*.

Своеобразная речевая избыточность делает чрезвычайно забавными следующие примеры. «*...so I merely shrugged a couple of shoulders*» [6]. Слово *couple* обычно используется, когда говорящий не заинтересован в точном количестве объектов, о которых он говорит. Поскольку у людей всего два плеча, в данном контексте это слово совершенно излишне.

Другой пример: «*Can Mr. Herring swim? Like several fishes!*» [там же]. Чтобы выражение *to swim like a fish* звучало более убедительно, герой употребляет его не как устойчивое словосочетание, а как случайную комбинацию слов. И в итоге смысл фразеологического оборота доведен до абсурда.

Рассмотрев различные примеры, мы можем сделать вывод, что Вудхаус – настоящий великий писатель и мастер своего дела. В его комедиях и рассказах он играет словами, сочетаниями и предложениями. Не исключением явились и устойчивые выражения. Комедиограф умело преобразует идиомы и выражения, давно устоявшиеся в речи, вдыхая в них новую искру жизни, заменяя один или несколько элементов, что позволяет более точно и ярко описать ситуацию, прочувствовать ее и заставить чувствовать других. Вудхаусу, как никому другому, это удалось. Такими приемами, как буквальное понимание идиом, пренебрежение языковыми нормами, замена компонентов идиомы местами, доведение понимания идиомы до абсурда автор создает выражение насмешки,

обыгрывает персонажей, их речь, смешные ситуации жизни, в которые они попадают в его рассказах.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. МГУ, 1999.
2. Изотова А. А. Идиоматическая фразеология в произведениях английской художественной литературы (программа спецкурса) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 12. С.143–146.
3. Киселева Р. А. Стилистические функции авторских неологизмов в современной английской комической и сатирической прозе// Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та иностр. яз.: Вопросы теории англ. и рус. языков. Вологда, 1970. Т. 471. С. 43–53.
4. Wodehouse P. G. Aunts Aren't Gentlemen // The Jeeves Omnibus 5. London: Hutchinson, 2005.
5. Wodehouse P. G. Jeeves in the Offing. // Электронная б-ка Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/INPROZ/WUDHAUS/jeeves_off_engl.txt.
6. The Russian Wodehouse society / Mikhail Kuzmenko. [Электронный ресурс]. URL: <http://wodehouse.ru>

Б. Я. Шарифуллин *
(Лесосибирск, Россия)

РУССКАЯ СКАЗКА В КОГНИТИВНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ. ЭТЮД 1. ТЕРЕМОК

Ключевые слова: русская народная сказка, мифологический архетип, образ Мирового Древа, когнитивный анализ.

В статье анализируется известная русская народная сказка «Теремок», рассматриваемая как трансформированное отражение мифологического архетипа Мирового Древа.

B. Ya. Sharifullin
(Lesosibirsk, Russia)

THE RUSSIAN FOLKTALE IN COGNITIVE AND TYPOLOGICAL ASPECT. STUDY 1. TEREMOK

Key-words: Russian folktale, mythological archetype, the World Tree image, cognitive analysis.

The well-known Russian folktale “Teremok”, considered as a transformed reflection of the mythological archetype of the World Tree is analyzing in this paper/

*«Сказка – ложь, да в ней намёк,
Кто познает – тому урок»*

То, что глубинный фольклор любого народа отражает его представления о мире, то, что называют языковой картиной мира, известно уже с давних времён, когда ещё и терминов таких не знали.

Сказки – наверно, самый древний вид народного переосмысления мира в наивных, но часто и довольно глубинных формах. О русской волшебной сказке, восходящей первично к более простым формам, написал в своё время прекрасное исследование В.Я. Пропп, чьи работы до сих пор востребованы [4-5].

Мифологическую основу народных сказок в контексте отображения в них первичной картины мира составляют несколько основных мифов, универсальных в том смысле, что они представлены в фольклоре самых разных народов, в своём преломлении, конечно. Это, прежде всего, мифы о зарождении мира (и человека в нём) и об устройении мира, его структуре и иерархии. Мифы первого цикла связаны с мифом о Мировом Яйце, как начале всех начал (ab ovo, как говорили древние римляне), или его аналоге. Второй цикл обращает

* © Шарифуллин Б.Я., 2016.

нас к образу Мирового Древа, как модели Мира и всех его основных обитателей.

Я рассмотрю здесь только одну древнюю русскую сказку – «Теремок», отражающую в целом миф о Мировом Древе, хотя некоторые сопоставительные параллели буду сделаны с другими сказками.

Русская сказка «Теремок» о том, как вместе жили-поживали разные зверюшки, а потом медведь разрушил их обиталище, известна нам с самого раннего детства.

Существуют и другие названия этой сказки, отмеченные в разных сборниках: «Терем мухи», «Терем мышки», «Домок», «Череп-терем», «Звери в решете», «Решето», «Вошиная хата» [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Теремок_\(сказка\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Теремок_(сказка))]. Этот факт может оказаться важным для анализа самого сюжета и мифопоэтического контекста сказки.

В частности, вариации «теремка» «череп» (т.е. «горшок») и «решето» могут указывать на хтоническую сущность земного жилища (*череп* в его общепринятом значении; см. также ниже о «грибке-теремке») и на «дырявость», т.е. неустойчивость, хаотичность земной жизни.

Бытуют также и различные версии самой сказки: от собственно народной устной, записанной разными собирателями, до литературно обработанных. Неполный список вариантов и версий см. [http://www.razumniiki.ru/teremok_skazka.html]. Приведу их в сжатом виде по данным Википедии (полный вариант одной из версии, опубликованной в сборнике А.Н. Афанасьева [1] см. в приложении):

Русский народный «классический» сюжет (СН):

Построила муха терем и стала там жить. Далее к ней подселяются блоха-попрыгуха, комар-пискун, мышка-норушка, лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчище-серый хвостиче. Но тут приходит медведь косолапый, который не помещается в теремке и поэтому решает жить на крыше, вследствие чего домик рушится. Остальные звери еле спасаются.

Сюжет А.Н. Толстого (СТ):

Ехал мужик с горшками и потерял один. Прилетела муха-горюха и стала там жить. К ней присоединяются комар-пискун, мышка-погрызуха, лягушка-квакушка, зайченок-кривоног, по горке скок, лиса – при беседе краса, волк-волчище – из-за куста хватыш. Однако вскоре приходит медведь и давит горшок, тем самым распугивая зверей.

Сюжет М. Булатова (СБу):

В поле стоит теремок. Мимо пробегает мышка-норушка и решает, что теперь это её домик. Вскоре с ней вместе начинают жить лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчок-серый бочок. Однако мимо проходит медведь косолапый и разрушает теремок. Звери остаются целы и невредимы, начинают строить новый теремок. И выстраивают лучше прежнего!

Сюжет А. Усачёва (СУ):

В лесу стоял грибок-теремок. Начался дождь. Муравей промок и решил спрятаться под грибом. К нему присоединяются мотылек, мышка, воробей, заяц. Лисица же отказывается укрыться под грибом-теремком. Звери думают, что их дом волшебный от того, что он быстро растет, но «мышка» говорит, что это из-за дождя. Звери радуются, какой у них замечательный дом, который растет под дождем.

Сюжет В. Сутеева (СС):

Летала Муха по лесу, устала, присела на веточку отдохнуть и вдруг увидела: среди леса в густой траве стоит... терем-теремок!» И решила Муха жить в этом теремке. Вскоре к ней приходят Мышка-Норушка, Лягушка-Квакушка, Петушок-Золотой Гребешок и Зайчик-Побегайчик. Медведь тоже хочет жить в теремке. Он лезет на крышу и ломает домик. Однако «косопалый» извиняется за свое деяние и звери его прощают. Затем они все вместе строят новый теремок, в котором остаётся место ещё и для гостей!

Сюжет В. Бианки (СБи):

Стоял в лесу толстый-претолстый, старый-престарый дуб. Прилетел дятел и выдолбил в дубе дупло. И поселился в нем. Дуб крошится и крошится, дупло становится шире и шире. На третий год дятла прогоняет из дупла скворец. На третий год после того скворца из дупла прогоняет сыч. Далее жителями неуклонно расширяющегося дупла становятся последовательно белка, куница, пчелиный рой - и наконец, вконец прогнивший дуб намеренно разламывает пополам медведь.

Приведу также список персонажей сказок «Череп-терем» (ЧТ) и «Звери в решете» (Р): (ЧТ) муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун, таракан-шеркун, ящерка-ширикаленка, мышь-толста колоколенка, горносталюшко-чирикалюшко, заюшко-попытаюшко, лисица-подхла гузница, волчище-большой ротище, медведище-толсты пятища («теремок» – «череп», т.е. горшок, выброшенный старухой); (Р) муха-полетуха, комар-пищеляга, мышь-торочайка, заяц-полевая прикраса, волк из-за куста хам, медведь-нагнет («теремок»-решето, которое уронил мужик с телеги).

Т.С. Троицкая в статье «Сказка “Теремок”: логика инварианта и пределы варьирования» [10] рассматривает 18 вариантов только народных сказок, записанных в разных местах и под разными названиями, литературные версии ею не учитываются, хотя и анализируются отдельно.

Вот обобщающая иллюстрация, хотя и не передающая всех ситуационных и смысловых нюансов сказки:

Теремок, как «общежитие» зверей, – это, как уже было сказано в начале, трансформированный образ Мирового Древа (Arbor Mundi) (см. об этом [5], а также, более подробно [6]).

Это особенно очевидно, когда в ряде вариантов сказки теремок – это гриб («грибок-теремок», СУ), поскольку сам образ гриба представляет собой одну из ипостасей Мирового Древа, но уже «сниженную», «хтоническую» (мицелий гриба уходит глубоко в землю, а корни Мирового Древа связаны с подземным миром, где обитают хтонические существа, например, ящерицы, ср. «ящерка-шерошерочка» в списке А. Н. Афанасьева, и пр.: ср. также «мышка-норушка»). О семантике и символике гриба будет подробнее ниже.

С другой стороны, теремок-муравейник и теремок-гриб выступают и как символы Мировой горы, мифологемы, тесно связанной с Мировым Древом. В фольклоре восточных славян дуб как образ Мирового Древа растёт на холме (или кургане), аналоге Мировой Горы или Алатырь-камне: этот образ прекрасно передан А.С. Пушкиным в «Сказке о Царе Салтане». А в «Руслане и Людмиле» на Лукоморье рядом с дубом стоит избушка на курьих ножках.

В этой избушке мы видим и прообраз «теремка» как жилища для разных зверей: в русских сказках о Бабе-Яге («мать-демиург?») у неё живёт не только кот, но и мухи, пауки, ящерицы и т.п. А вокруг растут мухоморы (о последних

см. далее). Типологически это связано вообще с образом избы / дома в русском (славянском), балтийском и балканском фольклоре (см., например, [3]).

Кто же живёт в теремке? По их функции можно выделить три группы (но не во всех версиях): «строители» (своеобразные «демиурги»), «жильцы» и «разрушители». «Строителями» являются: муха (СН, список Афанасьева, ЧТ, Р), дятел (СБи). «Жильцы» представлены во всех версиях, различие только в «первопоселенцах» (если нет «строителя»). «Разрушитель» («анти-демиург», устроитель хаоса в обитаемом мире – единственно медведь (нет «разрушителя» вообще в СУ).

Кроме мухи почти во всех вариантах сказки фигурирует мышка-норушка (в СБу она является «первопоселенцем», заменяя собой муху). В «Сказке о репке» мышка выполняет функцию демиурга, т.е. ту функцию, которую в «Теремке» исполняет муха. Муха и мышь – существа хтонические, их названия связаны и этимологически: индоевроп. *mous- / mus-. Первоначальные значения корня не выяснено, имеются различные версии (например, по цвету), но связь с мухой предложена была ещё Х. Педерсоном [11. 21: 64-67]; ср. праслав. *gadъ «змея, слепни, оводы, мухи, комары, мышь» [11. 6: 82], т.е. все хтонические существа. Оригинальная идея о связи образов мышей и муз (как спутниц Аполлона, этимологически слово *муза* восходит к *mouσα) высказана В.Н. Топоровым [9].

Важен и количественный состав персонажей – их чаще всего или 9 (в «Сказке о репке, одной из древнейших в русском фольклоре, в первоначальном варианте, кстати, – тоже), причём 7 – христианское число, 9 – языческое.

Девять персонажей (включая медведя-разрушителя теремка) встречается как раз в народных сказках (СН и из списка А.Н. Афанасьева). Литературные версии сказки отражают, конечно, христианскую символику числа 7, хотя и не все. Это число персонажей представлено в версии СБи (вместе с медведем-разрушителем) и СТ (без него).

Немного о семантике и символике грибов. Этой темой обстоятельно занимался В.Н. Топоров (см., например, [8]). В мифологических представлениях многих народов грибы связаны со всеми основными царствами: минеральным, растительным, животным и человеческим, а также культурными и культовыми постройками (ср. пирамиды у древних майя и египтян, зиккураты у шумеров и вавилонян и т.п.) [8: 37-240], а значит, и жилищами.

Среди грибов особое место занимает мухомор. Это название, как видим, опять связано с мухами. В мифологии палеоазиатских народов, а также ряда других (например, мексиканских индейцев), он практически отождествляется с Мировым Древом: шляпка с точками – Верхний мир (небо со звёздами), кольцо – Средний мир, ножка – собственно Древо, уходящее корнями в Нижний мир [2: 43-44].

Интересен в этом контексте известный мем «Ленин – гриб», первоначально телевизионный сюжет-мистификация, подготовленный музыкантом Сергеем Курёхиным и журналистом Сергеем Шолоховым и впервые показанный в телевизионной передаче «Пятое колесо» 17 мая 1991

года по Ленинградскому телевидению. Как-то друг С. Курёхина, лидер рок-группы ДК С. Жариков заметил, что герои русского фольклора, народных песен, прежде всего, ассоциируют себя больше с растениями, в отличие от западноевропейского фольклора. Е. Летов, лидер группы «Гражданская оборона», ответил, что тогда Ленин должен быть представителем более высокого класса – грибов. С. Курёхин подхватил это и создал великолепный образ, не раз потом им обыгранный.

Мавзолей – своеобразный муравейник, пирамида или зиккурат, но и «грибок-теремок», в котором «обитает», правда только один «постоялец» – сам «Гриб-мухомор».

В связи с этим можно привести и стихотворение Д. Хармса «Как Володя быстро под гору летел», в котором, как замечает Т.С. Троицкая (в сноске и вскользь), «очень своеобразно обыграна кумуляция “Теремка”» [10]:

*На салазочках Володя
Быстро под гору летел.
На охотника Володя
Полным ходом налетел.
Вот охотник
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели –
На собачку налетели.
Вот собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели –
На лисичку налетели.
Вот лисичка,*

*И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели –
И на зайца налетели.
Вот и заяц,
И лисичка, и собачка, и охотник, и Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели –
На медведя налетели!
И Володя с той поры
Не катается с горы.*

«Салазочки» – своего рода «теремок», к которому последовательно присоединяются, не считая Володи (как бы «создателя», «строителя»), охотник, собачка, лисичка, заяц – и, наконец, медведь, который и опрокинул этот «теремок» со всеми его обитателями. А «горка» – это опять же своеобразный аналог гриба как вырожденного Мирового Древа.

Мне неизвестно точно, имел ли в виду Д. Хармс Володю Ульянова (сам он пометил это стихотворение так: «вольный перевод с нем., В. Буш», но это могло быть вызвано цензурными мотивами), однако некоторые соображения позволяют это допустить. Во-первых, вспоминается всем пионерам и октябрятам известное в советское время стихотворение, обычно приписываемое А. Барто (есть и иное мнение):

*Когда был Ленин маленький,
С кудрявой головой,
Он тоже бегал в валенках
По горке ледяной.*

Во-вторых, известна и любовь В. Ульянова к охоте в зимнее время (особенно в Шушенском) и, соответственно к охотникам-профессионалам.

Резюме: сказка «Теремок» – это образец абсурда, парадоксального творчества и притом это древнейшая русская народная сказка, отражающая трансформированный мифологический архетип Мирового Древа. Она связана некоторыми сюжетными линиями с другими мифологическими представлениями.

Приложение

Терем мухи

Построила муха терем; пришла вошь-поползуха: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?» – «Муха-горюха; а ты кто?» – «Я вошь-поползуха». Пришла блоха-попрыдуха [От слова «прядать» – прыгать, скакать.]: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?» – «Я, муха-

горюха, да вошь-поползуха». Пришел комар долгоногий: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?» – «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха». Пришла мышечка-тютюрюшечка: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?» – «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я комар долгоногий».

Пришла ящерка-шерошерочка: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?» – «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрюшечка». Пришла лиса Патрикеевна: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?» – «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрюшечка, я, ящерка-шерошерочка». Пришел зайушко из-под кустышка: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?» – «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрюшечка, я, ящерка-шерошерочка, я, лиса Патрикеевна».

Пришел волчище серое хвостище: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?» – «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрюшечка, я, ящерка-шерошерочка, я, лиса Патрикеевна, я, зайушко из-под кустышка». Пришел медведь толстоногий: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?» – «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрюшечка, я, ящерка-шерошерочка, я, лиса Патрикеевна, я, зайушка из-под кустышка, я, волчище серое хвостище». Все из терема: «А ты кто?» — «Я тяпыш-ляпыш, всем подгнётыш!» – сказал медведь, спустил лапой по терему и разбил его (сборник Афанасьева, № 82. Записано в Арханг. губ. А. Харитоновым).

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература / сост., подготовка текста, вступ. ст. и прим. А.Л. Налепина. М.: Сов. Россия, 1986. 368 с.
2. Диксон Олард. Мистерии мухомора. М.: Велигор, 2005. 234 с.
3. Невская Л.Г. Дом в литовской загадке: параллели к балканским текстам // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С.222-228.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М. 2005.
5. Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2. М.: Наука, 1969. 168 с.
6. Топоров В.Н. Древо Мировое // Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. / гл.ред. С.А. Токарев. Изд. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Т.1. С.398-406.
7. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.
8. Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С.234-298.

9. Топоров В.Н. Μουσαl «музы»: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада) // Славянское и балканское языкознание. Вып.3. М.: Наука, 1977. С.28-86.

10. Троицкая Т.С. Сказка «Теремок»: логика инварианта и пределы варьирования // <http://setilab.ru/troi/wp-content/uploads/2008/06/terem.pdf>

11. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. акад. О.Н. Трубачёва. М.: Наука. Вып. 6, 1980; вып. 21, 1994.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

УДК 82

И. А. Голованов *
(Россия, Челябинск)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ В НАРОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ УРАЛА

Ключевые слова: народная историческая проза, мифологический мотив, образ, сюжет.

В статье рассматриваются особенности мифологического моделирования исторических образов-персонажей в уральских текстах преданий и легенд. В качестве объекта исследования избран фольклорный образ «народного заступника»/царя.

I. A. Golovanov
(Russia, Chelyabinsk)

MYTHOLOGICAL MODELING OF IMAGES IN FOLK HISTORICAL PROSE OF THE URALS

Key words: folk historical prose, mythological motive, image, subject.

The article is devoted to the special features of the mythological modeling of historical images-characters in the Ural legends texts. The folklore image of “people’s defender” / tsar is chosen as an object of the research.

Фольклор – специфическая художественно-образная сфера человеческой деятельности. Образы составляют основное содержание фольклора, вокруг них группируются мотивы, в них кристаллизуются ментальные стереотипы носителей фольклорного сознания [3]. Художественный образ не просто отражает, но и обобщает действительность, раскрывая в единичном, случайном сущностное, неизменное, общее.

Анализ функционирования образов показывает, что в фольклорном сознании напряженно взаимодействуют два уровня – мифологический и исторический. Первый из них является генетически более ранним, поскольку мифологический тип мышления предшествует формированию собственно фольклорного сознания. Второй уровень фольклорного сознания – исторический – соответствует иному (по сравнению с мифологическим) пониманию действительности и ее интерпретации. Статичному мифологическому членению мира на бинарные оппозиции исторический

* © Голованов И.А., 2016.

уровень противопоставляет представление о текучести, изменемости мира, его необратимости. Историческое сознание организует события в причинно-следственный ряд: события прошлого последовательно предстают как результат каких-то других, относительно более ранних событий. Иными словами, историческое сознание предполагает отсылку к некоторому предыдущему состоянию, которое, в свою очередь, связано такими же причинно-следственными отношениями с предшествующим, еще более ранним состоянием. Если в мифологическом сознании события соотносятся с неким исходным состоянием, которое «никогда не исчезает», в соответствии с чем неизменно воспроизводится один и тот же онтологически заданный текст, то историческое сознание предполагает линейное и необратимое время, идея эволюции является системообразующей для этого типа сознания. Синтез в фольклорном сознании двух типов – исторического и мифологического – создает стереоскопичность эстетической интерпретации действительности [2].

Предметом настоящей статьи являются зафиксированные в преданиях и легендах Урала (по записям XX века) мифологические мотивы, группирующиеся вокруг исторических образов. Тексты, в которых в качестве действующих персонажей выступают исторические деятели, являются поздними по своему происхождению и представляют собой своеобразный итог развития народной исторической прозы. Художественные задачи в них традиционно решаются при помощи использования мифологических мотивов и схем [5].

В несказочной прозе Урала интерес к исторической личности связан прежде всего с образами «народных заступников» – Ермака, Емельяна Пугачева, Салавата Юлаева [6]. Функциональная близость этих персонажей рождает сходство мотивов, которые «разворачиваются» в сюжеты преданий. Генетически близок к ним и образ Петра I, функции которого реализуются при помощи тех же традиционных приемов и средств, восходящих к мифу.

Образ Ермака в приведенном ряду является самым «древним». В преданиях говорится о том, что Ермак – атаман, разбойник, казак; пришел на Урал с Волги или Камы [8: 40-41], но в некоторых текстах рассказчики стремятся доказать, что «Ермак Тимофеевич родом из чувовских казаков» [8: 40], что делает его образ более близким, «своим» для уральцев.

Функциональная значимость образа Ермака подчеркивается в текстах наделением героя магическими способностями и свойствами, например, через использование мотива неуязвимости героя: «на нем кольчуга была – пуля не брала его» [8: 40]. Рассказывается, что его кольчуга «весила 12 пудов», что с Ермаком было не так много соратников: «команда-то всего человек 40», «дружина всего 12 человек», «с Ермаком 100 человек было» [8: 42-43]. В позднейших произведениях рудименты мифологического по своей природе мотива неуязвимости героя получают реалистическое осмысление. Так, невозможность поразить Ермака объясняется наличием на нем «чугунной рубашки» [8: 43]. Выйти победителем в сложных ситуациях, по народным представлениям, Ермаку помогала находчивость и хитрость. Особенно часто в

преданиях повторяется эпизод обмана татар: «Хитрый был. Чучело поставит, татары и базлают в его, а люди-то спокойно стояли. На кол одел его, чучело, оно и повертывается, а не падает» [8: 40]; «Татары стрел настроили, а стрелы они оковывали железом. Когда он пошел по Туре на барках, взял ржаные снопы, на барки наставил, одел их в солдатскую одежду и стал пускать по реке. <...> Когда снопы-то поплыли, татары и давай стрелять по ним. Когда все лука-то выстрелили, им и стрелять нечем было» [8: 44].

Как и в песенном фольклоре, главной функцией образа Ермака в преданиях становится заступничество: «бедного человека он не трогал, богатых грабил» [8: 40]. В некоторых текстах Ермак наделен функциями культурного героя, выступает в роли просветителя, выводящего народы из «мрака» язычества: «Ермак-то зачем здесь шел? Здесь тоже была неверщина. Ермак-то ее выгнал, просвещал реку, а в Сибири-то ее больше было. Вогул-то Ермак выжил, они поднялись, ушли за Урал к Тоболу, к Иртышу» [8: 41].

Особое место в народной исторической прозе занимает мотив гибели героя. Естественная смерть не является объектом изображения, внимание акцентируется лишь на трагической гибели героя. Это обусловлено тем, что с позиций мифологического мышления именно в трагической гибели персонажа, в самой случайности этой гибели обнаруживается вмешательство высших сил в судьбу «народного заступника». Во многих преданиях говорится о том, что причиной гибели Ермака была кольчуга. И хоть Ермак был богатырем, «ходил в ней легко, а вот плавать устал» [8: 47], «кольчуга его и утопила» [8: 48]. Эту кольчугу подарил ему Иван Грозный, после того как Ермак попросил у него милости: «На диком бреге Иртыша [Ермак] писал письма Ивану Грозному: если простишь все мои поступки, то я тебе много земли дам. Иван Грозный простил» [8: 44]. Через мотив рокового подарка раскрывается сложность взаимоотношений Ермака и Ивана Грозного: «Ермак сперва был разбойник <...> На Волге он богатых грабил, бедных людей... он не шевелил. Дружина у него была из рабочих собрана. Помещики-то да заводчики жали, вот и бежали к Ермаку. Они с богатыми мужиками и расправлялись» [8: 41].

В уральских преданиях о Ермаке широко используется мотив укрытия в пещере: «Камней тут много по Чусовой... там была у него пещера. Он сверху спускался туда» [8: 42]; «...Ермак тут был, зимовал со своим войском. Пещера у него тут была» [8: 44]; «Ермак жил в пещере и стрелял из пушки по баркам, чтоб добыть добро» [8: 46-46]; «Дыра тут у камня-то Ермака есть, так, сказывают, тут он и был, у дыры-то веревочка висела, по ней он и лазил» [8: 50]; «Там внизу есть камень на Чусовой, Ермак... Говорили, что там конец каната болтался, со скалы вход был в эту пещеру...» [8: 52].

В мифопоэтической традиции пещера – сакральное убежище [11: 311-312], она включается в мифологический комплекс «жизнь-смерть». Слиянием в образе пещеры идей жизни, смерти и воскресения, вероятно, и обусловлена популярность мотива укрытия в пещере в народной исторической прозе. Использование данного мотива свидетельствует о существовании социально-утопических представлений о возможном воскресении народного заступника.

Это подтверждается наличием в некоторых преданиях «открытого финала»: «Как погиб [Ермак], я не слышал от стариков: разговору об этом не было. Про него песню поют» [8: 51]; «Куда Ермак потом делся, не скажу...» [8: 40].

К числу наиболее востребованных в народной исторической прозе Урала образов относится Емельян Пугачев. Как и Ермак, он наделен в повествованиях магической силой, которая служит проявлением его мифологической сущности. Подобно тому как былинный Вольх Всеславич ведет свое происхождение от змея-тотема (чем объясняются его чудесные превращения) и как в волшебной сказке социально обездоленный становится царем, так и в преданиях царскую власть и магические способности обретает Пугачев – бывший казак, бедняк: «Пугачев шайки собирал, чудеса творил. За бедных, за низкий класс был. Старики говорили, что он вообразил себя за царя. Я, говорит, Петр Федорович, царь» [14: 55].

С образом Пугачева в уральских преданиях часто связано использование мотива мудрого суда. В этом мотиве получили отражение представления о том, что божественные силы оказывают покровительство невинному [16: 324]. Однако к моменту, когда предания стали историческими в собственном смысле этого слова, мифологические элементы, изначально определявшие структуру рассматриваемого мотива, приобретают реалистический характер: «он [Пугачев] вышел на площадь, где народ собрался, и стал судить схваченного казаками приказчика: «Обижал народ?» – «Обижал, измывался над нами». Постановил тут же повесить приказчика» [10: 133-134].

С мотивом мудрого суда в преданиях часто связывается мотив пожалования, одаривания. В русской исторической прозе одаривание царем своих подданных – частный случай награды за заслуги. Реалистические, жизненные элементы закономерно вписываются в традиционную канву мотива. Так, например, в одном из преданий рассказывается о «царском» дознании, проводимом Пугачевым с целью выяснить, где запрятаны клады заводчика Лугинина. Илларион Лугинин – реальное историческое лицо, владелец Саткинского железоделательного завода.

Мотив пожалования, одаривания контрастен мотиву наказания, который нередко входит в структуру сюжета в сочетании с мотивом мудрого суда. В уральских преданиях наказывается не только социальное зло, но и нравственные пороки: лень, воровство, самодурство. Важно, что мотив наказания реализуется в преданиях о предводителе крестьянских масс, «народном заступнике»: «...сгорела и наша старая церковь: мужики, что с Пугачевым пришли, самогонки лишку хватили и спалили. А сам он тогда в Касеве находился, в избе Данилки Шитова. <...> Утром вышел он к народу в императорской форме и велел тут же выпороть перед всеми озорников, которые зря пожар затеяли» [13: 131].

Повествования о гибели Пугачева строятся по традиционной схеме. Реалистическое объяснение смерти героя – пленение и казнь – не принимается народным сознанием в качестве убедительного, несмотря на бытование рассказов типа: «Когда Пугачева казнили, народу много пришлось смотреть. Со

всех концов были мужики, и из Уфы были старики. Пешком пришли смотреть. Они были за него, считали, что он царь» [14: 56]. Народное художественное сознание обращается к использованию традиционного мотива предательства. Согласно одним текстам, Пугачева предали соратники: «Раз подъехал к крепости, а там облава. Он в реку бросился, выплыл. Его своя артель предала, его выдали» [14: 55]. По другой версии, предала женщина: «Его какая-то женщина подвела, уследила его, увела ночевать, а его и пленили» [8: 49].

Обращает на себя внимание довольно устойчивая стыковка мотива гибели героя-избавителя с мотивом его возвращения: «Про смерть Пугачева не говорили, про живого только» [12: 233]. Такое отношение к Пугачеву во многом предопределено сведением в его образе семантики царя и «народного заступника». Судя по преданиям, Пугачеву приписывалось обладание некой «программой» действий, что придавало его «самозванству» осознанный и даже целенаправленный характер: «Ермак в Иртыше утонул <...> Пугнули его на Иртыш, он тоже хотел что-то завоевывать. Тут просто никакой программы у Ермака не было. А у Пугачева была – вот завоюю все, будете у меня свободны» [8: 49].

В предания о Пугачеве вошел и такой универсальный мотив, как оставление следов своего пребывания в той или иной местности. С образом Пугачева, в частности, связано предание об оставленном им пороховом складе на обрывистом берегу в устье речки Карсакаловки. «Кто ни пытался найти этот склад – все тщетно» [9: 142]. Здесь зафиксирован поздний вариант мифологического мотива, реалистически переосмысливающий возможность «оставления» следов культурным героем.

По своим функциям близок к Пугачеву и Ермаку другой персонаж исторической народной прозы – Салават Юлаев. Этот образ воспроизводится народным сознанием в тех случаях, когда отсутствует и реальная, и фольклорная мотивация пребывания Пугачева в данной местности: «Пугачева здесь не было. А был Салават Юлаев – его «генерал», с башкирами» (фольклорный архив ЧелГУ). Функциональная близость героев рождает сходство мотивов, которые «разворачиваются» в сюжеты преданий о народном заступнике. В текстах подчеркивается общее для башкир и русских стремление к справедливому мироустройству: «Сам-то Салават был таким же, как все, крестьянином. Из бедноты происходил. Пахал, сеял, вот и вся биография его. Жил в местечке Малояз. <...> Напротив, через Юрюзань, – гора, в ней пещера, где жил Салават, как без войска остался. А войско-то когда было, так он за освобождение земли шел, чтобы у богачей отнять землю и передать ее крестьянам» [12: 234].

В преданиях о Салавате Юлаеве также востребован мотив неуязвимости героя: «Сильный был человек: никто его убить не мог. Он носил специальную кольчугу под рубахой – ее никакая стрела, ни пуля не брала» (фольклорный архив ЧелГУ). В этом тексте использован и другой древний мотив, организующий сюжетную коллизию – мотив предательства: «А у него жена была и он к ней приезжал. И вот богатые башкиры договорились с ней – чтобы

она помогла им убить Салавата Юлаева. Он пришел, снял кольчугу-то, когда спать-то лег с женой. Потом уснул крепко. А она тех и назвала. Он выскочил в окно, а его там караулили. Он вырвался, побежал, ну ему в спину-то стрелой и попали – без кольчуги же был» (фольклорный архив ЧелГУ).

Аналогичный мотив в другом предании осложнен традиционным для эпического фольклора указанием на нерусское происхождение «злодейки» (ср., например, образ Апраксии в былине «Алеша Попович и Тугарин Змеевич»): «Было у Салавата две жены. Одна – русская, другая – татарка. Так вот эта татарка подвела его. Когда он к ней из пещеры заявился, тут-то она его и выдала. Взяли его царские войска, а куда дели, и не знает никто. И башкиры сами не знают. Был только слух как-то, что его в Эстонии казнили» [12: 234]. Таким образом, финал жизни народного заступника вновь остается открытым для возможного впоследствии воскресения героя в соответствии с социально-утопическими представлениями русского народа. Продуктивность названного мотива подтверждается и таким записанным на Южном Урале фольклорным текстом: «Богачи говорили, что Салават сослан на каторгу и больше не вернется. А старики-аксакалы видели и рассказывали, как лунными вечерами ходил по тропе человек в лисьей шапке. Говорили, что это бродит тень Салавата» [1: 137].

Близок к анализируемым героям народной прозы образ Петра I, который устойчиво сохраняется в памяти уральского населения. Петр Великий пользовался особым уважением за то, что «все ремесла сам прошел»: кузнечное, сапожное, «плотнишное», «пробовал он и лапти плести <...> он все пробовал» [10, 20]. В уральских преданиях царь выступает в роли активного носителя традиций, связанных с тем или иным ремеслом. Фольклорный образ царя, проявляющего интерес ко всем сторонам общественной жизни, в значительной мере вырастает из соответствующего архетипа вождя/царя, и его функции генетически связаны с эталоном поведения, некогда приписываемого божеству, первым людям, культурному герою (см., напр.: [2: 193-208]).

В одном из местных преданий царь Петр выступает в роли строителя кораблей-пароходов: «Вот сделали первый пароход. Надо ему имя давать, на воду спускать. А какое имя дать, никто не знает. Тогда Петр-от говорит: «А вот что: давайте, кто глубже воткнет топор поперек дерева, тому и имя назначать пароходу». Ну, значит, давай втыкать... Он тоже воткнул. Как рубанет, рубанет поперек-то, так сразу до обуха! Ну, ему и пришлось имя назначать: «Петр Великий» имя будет!» Тут все поняли, что это он сам находился» [15: 20]. В этом предании отразились мифологические представления, связанные с имянаречением: назвать вещь – значит сотворить ее и одновременно получить право владения ею.

Важным для народного сознания выступает мотив возможного пребывания героя всюду, поэтому в местных преданиях и легендах настойчиво используется мотив пребывания Петра I на Урале: «Петр I был на Урале. Был он и на золотых приисках недалеко от Челябинска, где теперь Миасс находится» (архив кафедры древнерусской литературы и фольклора УрФУ);

«Слышал я от стариков, что будто бы царь Петр приезжал на Урал железную руду искать» [12: 150]. В последнем из текстов через использование традиционного мотива «герой мог быть всюду» подчеркивается особая роль Урала в государственных делах Петра I: «А в ту пору шведский царь Карла своим войском с войной на нас шел. Вот царь Петр собрал войско, и к этому времени пушки и сабли с Урала подоспели» [12: 151]. Судя по фольклорным материалам, старые рабочие Урала верили, что Петр I жил на Урале тайно и работал здесь кузнецом или плотником. Таинственность пребывания царя на Урале вызывала к жизни уходящий корнями в мифологию мотив узнавания, который был порожден верой в особую природу, избранность людей, предназначенных для царской власти. Как утверждает К.В. Чистов, эта вера, несмотря на всю архаичность, существовала и в 60-70-е гг. XVIII века [17: 151]. В приведенных ученым легендах царя узнают по неким «царским знакам»; это или «царский венец, двояглавый орел, месяц с звездой», или «гербы и орлы российские», или «половина месяца и звезда» [17: 66-67, 71, 148-149]. Отмеченные знаки по своему функциональному назначению аналогичны различного рода талисманам, которые встречаются и в античной мифологии, и в русском героическом эпосе. Отражение данного воззрения находим в одном из уральских преданий, записанных в селе под Шадринском. Узнавание царя строится здесь в соответствии с вышеназванной мифологической схемой: Петра I узнают по «царским знакам», которые тот предьявляет плотнику, похваставшемуся своим мастерством: «Петр-от как повернулся к мастеру и откинул назад жилетку, а под ней и обозначились царские знаки» [15: 19].

Как показал проведенный анализ, различие между реальными историческими прототипами оказывается гораздо более значительным, чем между фольклорными персонажами. В большинстве уральских текстов образы народного вождя, заступника или царя моделируются с помощью одних и тех же мифологических мотивов, восходящих к древним патриархально-родовым представлениям. В дальнейшем почвой для типологических схождений в художественной интерпретации «народного заступника» и царя – персонажей, противоположных по своей социальной сущности, послужило сложное, неоднозначное фольклорное сознание народа и прежде всего его социально-утопические представления.

Список литературы

1. Ахметшин Б.Г. Несказочная проза горнозаводского Башкортостана и Южного Урала. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1996.
2. Голованов И.А. Категории пространства и времени в современной несказочной прозе Урала // Традиционная культура. 2010. № 4. С. 55-64
3. Голованов И.А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2014.
4. Голованов И.А. Мифологические мотивы и образы в фольклорной прозе Урала (XX век): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1998.

5. Голованов И.А. Мифологическое моделирование образов «народного заступника» и царя в сказочной прозе Урала // Русское литературоведение в новом тысячелетии. М. : Альфа, 2002. С. 39-48.
6. Голованов И.А. Народные заступники и цари-избавители в фольклоре Урала и Башкирии // Русская речь. 2011. № 5. С. 96–99.
7. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1988.
8. Кругляшова В.П. Предания реки Чусовой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1961.
9. Легенды и были / собр. В.П. Чернецов // Горное сердце края. Челябинск: Рифей, 1994.
10. Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1974.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1991.
12. Народная проза. М.: Русская книга, 1992.
13. Народные сказки, легенды, предания и были Башкирии. Уфа: Башкнигоиздат, 1969.
14. Фольклор на родине Мамина-Сибиряка. Свердловск: ОГИЗ, 1967.
15. Фольклор Урала. Вып. 1. Исторические сказы и песни. Челябинск, 1949.
16. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат, 1989.
17. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М.: Наука, 1967.

А. Н. Смолина *
(Россия, Красноярск)

**БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ В ДУХОВНЫХ ПИСЬМАХ РУССКИХ
ЦЕРКОВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ В РОССИЮ
АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА))**

Ключевые слова: благопожелание, архимандрит Софроний (Сахаров), этикетная речевая формула, этикетный речевой жанр, нормативно-ценностная составляющая, элокутивная организация, теоцентризм, духовное письмо.

Статья посвящена одному из древних жанров русской словесности – благопожеланию. Автором рассматриваются нормативно-ценностная составляющая, элокутивная организация благопожеланий. На материале духовного наследия архимандрита Софрония (Сахарова) показывается, что содержание благопожеланий, их структура и словесное оформление обусловлены православным мировоззрением писателя. Автор останавливает внимание на функциях благопожеланий. Подробно рассматривается стилистическая роль православной лексики.

A. N. Smolina
(Russia, Krasnoyarsk)

**GOOD WISHES IN THE SPIRITUAL LETTERS OF THE RUSSIAN
CHURCH WRITERS (ON THE MATERIAL
OF ARCHIMANDRITE SOPHRONIY (SAKHAROV)'S LETTERS
TO RUSSIA)**

Key words: good wishes, Archimandrite Sophroniy (Sakharov), etiquette speech formula, etiquette speech genre, normative-value component, elocutive organization, theocentrism, spiritual letter.

The article is devoted to one of the oldest genres of Russian literature - good wishes. The author considers the normative-value component, elocutive organization of good wishes. Basing on the material of the spiritual heritage of Archimandrite Sophroniy (Sakharov), the author shows that the content of good wishes, their structure and verbal form are determined by the Orthodox worldview of the writer. The author pays attention to the function of the good wishes. The stylistic role of the Orthodox vocabulary is considered in detail.

В словаре современного русского литературного языка под редакцией К. С. Горбачевича благопожелание определяется как «пожелание счастья, благополучия» [14: 608]. Однако в большинстве словарей русского языка слово

* © Смолина А.Н., 2016.

«благопожелание» отсутствует. Мы не находим его в словарях Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, Малом академическом словаре. Это может говорить о том, что такое явление, как благопожелание обнаруживает себя в современном русском языке не столь активно (особенно в сравнении с предыдущими веками). Например, малоупотребительны трудовые благопожелания. Так, речевая формула «Бог в (на) помощь» («Бог в (на) помочь»), которая активно функционировала ранее со значением пожелания успеха в какой-либо работе, деятельности, сейчас в основном употребляется в церковно-религиозной сфере. В словарях это выражение дается с пометой «устаревшее» [14: 657]. На снижение активности употребления благопожеланий указывает и то, что значительная часть научных исследований, посвященных этому явлению, проведена на материале не русского языка, а других языков России. Назовем лишь некоторые из этих многочисленных исследований: С. Д. Бабуев «Языковое своеобразие бурятских благопожеланий» [3], М. Ч. Кремшокалова «Благопожелание (хох) как жанр речи в кабардино-черкесском языке» [9], Н. Д. Михайлова «Калмыцкие народные благопожелания» [11]. Поскольку пожелания счастья и благополучия играют важную роль в общении, хотелось бы привлечь внимание, с одной стороны, к необходимости сохранять многообразие реализаций жанра благопожелания и его этикетных речевых формул, с другой стороны, – к их лингвистическому изучению. Несомненно, что благопожелания включены в русское коммуникативное пространство, они могут звучать в таких ситуациях, как встреча, приветствие, прощание, поздравление, свадьба, рождение ребенка и других. Однако для того, чтобы сохранять и развивать древние русские традиции благопожелания, необходимо это явление изучать, фиксировать различные формы его реализации, обучать их использованию в практике преподавания русского языка и культуры речи.

Обращение к исследованиям, посвященным русскому благопожеланию, показывает, что, несмотря на определенную степень изученности вопроса, существует необходимость более глубокого и детального рассмотрения функционирования благопожеланий в современном русском литературном языке. Как одну из самых значимых в теоретическом отношении следует отметить диссертационную работу В. В. Плешаковой «Русские благопожелания: Опыт типологии и истории» [13]. Важно отметить и монографию Л. Ю. Зориной «Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры» [6]. В течение последних двадцати лет лингвистами велась работа, результаты которой отражены в статьях. В основном авторами затрагиваются вопросы, связанные со структурой, семантикой и функциями благопожеланий. Это, например, статьи Т. А. Агапкиной «Благопожелание: ритуал и текст» [1], Л. Ю. Зориной «О степени сохранности традиционных народных формул благопожеланий» [7], О. В. Мешковой «Благопожелания и частушечные куплеты: особенности взаимодействия» [10], Н. И. Формановской «Благопожелание как концепт в основе речевого этикета» [16], А. Н. Смолиной «Благопожелание в современном российском православном телевизионном дискурсе» [15].

Объединяет исследования, посвященные русскому благопожеланию, то, что данное явление в них определяется как пожелание блага другому: добра, счастья, радости и т. п. Отличия наблюдаются в том, КАК рассматриваются благопожелания с точки зрения формы. Встречаются такие варианты квалификации благопожелания: высказывания, тексты, словесные формулы, этикетные формулы, пожелания, действия-пожелания. Т. А. Агапкина благопожелание называет текстом, содержащим пожелание добра, и ритуал его произнесения [1]. О. В. Мешкова пишет о том, что благопожелания могут выступать «либо как самостоятельные тексты, либо как часть определенного обряда, либо как словесная формула, входящая в состав другого жанра или вида фольклора» [10: 100]. М. Ч. Кремшокалова рассматривает благопожелание как жанр, основываясь на том, что можно проследить его соответствие требованиям жанра. Об одной из особенностей этого жанра М. Ч. Кремшокалова пишет: «В основе любого благопожелания лежит позитивная иллокутивная модальность, которая способствует эффективному коммуникативному акту» [9: 226]. Л. Ю. Зорина дает такое определение: «традиционно сложившееся устойчивое выражение, заключающее в себе пожелание одним лицом другому лицу (лицам) успеха в деле, добра, блага» [7: 59]. Б. Х. Бгажноков благопожелание определяет как «небольшие по объему речевые формулы, используемые в повседневном общении по тому или иному поводу: рождение ребенка, оказание услуг, покупка, постройка дома и т. п. [4: 102–103]. Н. И. Формановская о благопожелании пишет: «Благопожелание – это действие-пожелание, направленное другому, следовательно, кроме нарративных контекстов <...>, употребляется в коммуникативном режиме, как речевой акт при исполнении народных обрядов, а также в религиозных текстах» [16: 73]. Н. И. Формановская предлагает считать благопожелание концептом в основе речевого этикета. В. В. Плешакова рассматривает благопожелания как «высказывания с коммуникативным заданием пожелания какого-либо блага в чей-либо адрес» [12: 51]. Н. С. Гребенщикова под благопожеланием понимает «пожелание собеседнику физического, духовного и социального благополучия: здоровья, спасения души, мира, радости и под.» [5: 26]. Анализ изученного нами материала показывает, что благопожелание может выступать как самостоятельный этикетный речевой жанр, часто включенный в более крупный жанр, например, жанр благопожелания может быть частью проповеди, духовной беседы, духовного письма. Также благопожелание может быть речевой этикетной формулой, например, таковыми являются трудовые благопожелания («Бог в помощь», «Труд на пользу!», «Успехов в труде», «Дай Бог спорину»). Согласимся и с Н. И. Формановской, отмечавшей, что благопожелание представляет собой действие-пожелание, поскольку предполагает осуществление каких-либо действий, долженствование изменений в жизни того, кому адресовано.

В настоящее время менее всего изучены вопросы, связанные с функционированием благопожеланий в церковно-религиозном стиле. Здесь следует сказать, что в духовных устных и письменных текстах (в частности, в

духовных письмах), а также в общении верующих и священников благопожелание остается весьма востребованной формой. Актуальность настоящего исследования видится в обращении к значимому, но недостаточно исследованному материалу – духовным письмам русских церковных писателей, научный интерес к которым наблюдается в связи с активным изучением и описанием церковно-религиозного стиля. Также актуальность работы связана с изучением благопожелания – активно функционирующего в церковно-религиозной сфере жанра. Наблюдения за благопожеланиями в церковно-религиозном стиле показывают, что они могут использоваться как законченные и самостоятельные тексты, например, при пожелании успеха в трудовой деятельности и как относительно самостоятельные тексты в более крупном тексте. В духовных письмах, как показывают наблюдения, благопожелания чаще всего присутствуют в начале текста, несколько реже – в конце. На наш взгляд, это объясняется необходимостью создать определенный эмоциональный настрой для прочтения письма. Для начала духовных писем характерны миропожелания. Важно сказать, что пожелания мира в целом являются частотными для таких жанров, как проповедь, духовная беседа и духовное письмо.

В письмах архимандрита Софрония, традиционные для русской духовной словесности и для русской культуры в целом, миропожелания встречаются в начале писем и обычно следуют после обращения: *«Мария, мир тебе»*; *«Дорогие Шура и Мария! Мир вам, и всем вам»*; *«Мария, дорогая, чудная (выбери любое ударение), мир тебе и всем-всем вам!»*. В некоторых случаях первым идет миропожелание, а далее следует обращение: *«Мир вам, мои дорогие»*. Традиционные формулы миропожелания «Мир тебе», «Мир вам» иногда распространяются автором, что способствует усилению экспрессии текста: *«О Мария, чудная, милая, дорогая! Мир тебе и всем, кто вокруг тебя. Мир во всем мире да будет возможно скорее реальностью!»*. Особенности миропожеланий в текстах духовных писем связаны, прежде всего, с тем, что в них находит отражение вера в Бога: *«Дорогая Мария! Мир тебе и всем вам от Господа»*; *«Мария, чудная, незабвенная, драгоценная! Мир тебе и всем, кто с тобою, от воскресшего Бога нашего Иисуса Христа»*; *«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Дорогая моя Мария! Мир тебе. Тысячу раз – мир тебе»*.

Взаимосвязь языка и религии обнаруживается в текстах различных жанров церковно-религиозного стиля. В благопожеланиях такая взаимосвязь прослеживается, прежде всего, в том, ЧТО автор желает адресату. Как показывает изучение духовных писем, это пожелания помощи Божией, веры, дарования высших (духовных) благ, стяжания добродетелей, удаления от греха, благословения и милости Божиих. Пожелание мира и благословения – самые частотные: *«Дорогая Мария! Мир тебе и благословение»*; *«Дорогая Мария! Мир и благословение всем вам от Господа»*; *«Дорогая Мария! Благословение и мир вам от Господа да умножатся»*; *«Дорогая Мария! Мир тебе и всем вам. Мир и благословение»*. Частотны пожелания благодати Божией и радости: *«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Благодать, мир и радость да будет тебе и всем,*

кто нам дорог, от Воскресшего Господа Иисуса Христа». Важно сказать, что самым значимым в духовных благопожеланиях становится пожелание присутствия Бога в жизни человека, помощи, защиты, милости, исходящих от Бога: *«Дорогая моя Мария! Снова и снова молюсь, да будет с тобой неотступно мир Христа, Бога нашего, и Свет Духа Святого да просвещает тебя на всякий день обильно»; «...Да снидет на тебя Сила свыше и да пребывает она с тобой неотступно во все дни сей жизни и тем более за пределами ее».* Во многих письмах звучит устойчивое выражение *«Да хранит вас Господь»:* *«Да хранит вас Господь, всех вас... Радость о Воскресении да не оставляет вас никогда!».*

Отличительной особенностью духовных благопожеланий становится пожелание духовного совершенствования: *«Дорогая милая Мария! Мир тебе и благословение свыше да умножатся; да будет весь твой жизненный путь пред Лицем Всевышнего, как непрерывное восхождение все к большему познанию о Том, Кто превосходит всякую нашу идею о познании; да будет всякое новое твое приближение к Нему в духе Божественной Любви, неотъемлемой во веки веков».* Главная особенность благопожеланий, функционирующих в церковно-религиозной сфере и, в частности, в духовных письмах, заключается в том, что большая часть пожеланий связана с Богом. Это обусловлено христианским мировоззрением авторов, основание которого – теоцентризм. В текстах писем архимандрита Софрония звучат пожелания высших благ, познания Божия и христианской любви: *«Приближаются дни Рождества и Нового года. Шлю всем вам наилучшие пожелания и благословение. На всякий день умоляю Бога хранить вас и умножать всем вам дарования высшего блага, познания Божия и любви Христовой».* Как глубоко верующий человек архимандрит Софроний обращается к своей сестре с пожеланием веры в Бога: *«Итак, вера человека является великой созидательной силой самого человека, и от веры его в действительную возможность осуществления в нашем бытии благовестия Христа о нашем богосыновстве зависит вечная судьба человека. Да даст тебе и всем-всем Господь сию веру. Воистину воскрес Христос!».* Звучит в письмах и христианское пожелание надежды: *«Благословение Божие да будет со всеми вами и да готовятся ваши души к славному переходу в иной мир с полной надеждой, с несомненной верой в ВОСКРЕСЕНИЕ наше».* В Первом послании Святого Апостола Иоанна говорится: *«Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы»* (1Ин.1:5). Обычно это связывается с совершенством Бога. Иеромонах Иов (Гумеров) дает такую трактовку: *«Св. Апостол Иоанн Богослов кратко выразил сущность благовестия, принесенного на землю Воплотившимся Словом Божиим. Словами и нет в Нем никакой тьмы св. Иоанн Богослов передает мысль об абсолютном нравственном совершенстве Господа нашего Иисуса Христа»* [8]. Такого Света и удаления от тьмы часто желают верующие. Архимандрит Софроний пишет сестре Марии: *«Мир тебе от Господа. Ко дню твоего ангела прими от меня и от всех, кто здесь, самые лучшие пожелания. Да будет с тобою Свет нетленный Бога вечного неотступно;*

*да радуется дух твой о величии призвания нашего во Христе; да просвещается ум твой познанием любви Отца нашего, Иже еси на небесех; да бежит от тебя всякий мрак неведения, или сомнения, или малодушия, или страха; и ничем неомраченное веселие да будет спутником твоим, подобным неотрывающейся тени». Звучат в церковно-религиозных благопожеланиях и обычные пожелания здоровья, силы духа, всего наилучшего, однако обычно авторы этим не ограничиваются и далее следует распространение, связанное с Божественным началом: **«Итак, желаю тебе всего самого лучшего, среди сего и здоровья. Однако больше всего и прежде всего вдохновения свыше на достойное прохождение наступающего старческого возраста, который есть самое блаженное время наше на земле».***

Теоцентризм, как показывает анализ функционирования благопожеланий в текстах духовных писем, проявляется, прежде всего, в нормативно-ценностной составляющей. Главные ценности, к которым обращает архимандрит Софроний – это любовь к Богу, познание Бога, Заповеди Божьи, мир и согласие, вера, надежда, христианская любовь. Также проявление теоцентризма мы видим в элокутивной организации благопожеланий. Более всего это прослеживается на уровне лексики. Православная лексика становится средством выражения нравственного, духовного и анагогического (возвышающего) смыслов, а также средством создания орнаментальности. Основную смысловую нагрузку несут такие слова православной сферы, как *Господь, Дух святой, Иисус Христос, Божий, благодать, благословение, вера, Воскресение, воскресший, блаженный, Божественная Любовь*. Из тропеических средств отметим эпитеты, передающие благоговейное отношение к Богу и трепетное, нежное отношение к адресату: *«Итак, милая, дорогая, чудная Мария, да хранит тебя Господь всегда и везде до конца дней твоих, до бесконечности во Свете незаходимом...»*. Встречаются в орнаментальной и смыслообразующей функции и метафоры: *«Дорогая Мария! Да умножается непрестанно на тебе благословение свыше и мир Христов да царствует в душе твоей»*. Из фигуративных средств отметим перечисление. Элементы перечислительного ряда обычно создают образность, приносят поучительность и обращают адресата к духовному, нравственному и анагогическому смыслам: *«Да открывает Господь твоему глубокому сердцу Свои Тайны, Свою сокровенную от века Премудрость»*. Одна из основных целей большей части жанров церковно-религиозного стиля – это воспитание, поэтому повтор как стилистическая фигура, обладающая высоким дидактическим потенциалом, используется в благопожеланиях достаточно часто. Повторяются обычно слова, связанные с анагогическим смыслом текста: *«Да даст тебе Господь силы духа, духа премудрости встретить сие новое событие, с подлинным расположением проникнуть духом в грядущую жизнь и молиться у гроба или могилы Кати с новым настроением и углубленной надеждой...»*. Специфично и функционирование такой стилистической фигуры, как полисиндетон. Особенность заключается в том,

что обычно в качестве повторяющегося союза мы наблюдаем союз «да», либо сочетание союзов «и», «да». **«Да будет с тобою милость Бога Любви всегда сопричастующею. И да делишься ты тем, что тебе посылает Бог, с другими, готовыми и даже жаждущими принять спасение. Я уверен, что ты так и поступаешь».** Частотность использования именно союзов «да», «и» связана с особенностями церковно-религиозного стиля. Эти союзы характерны для многих жанров духовной словесности: молитвы, проповеди, псалма, канона, и, конечно же, для центрального жанра церковно-религиозного стиля – Евангелия. С одной стороны, их использование в текстах благопожеланий – это следование традиции, с другой стороны – такое использование обусловлено погруженностью авторов в тексты духовной словесности, что влияет на индивидуальный авторский стиль. Еще одна стилистическая фигура – инверсия – характерная для церковно-религиозного стиля в целом, свойственна и благопожеланию. Ее использование способствует выдвиганию значимого с точки зрения нравственного и духовного смыслов отрезка текста: **«Да будет с тобою эта радость неотступною во все дни до конца жизни твоей; ожидание неложное Незаходимого дня да вдохнет в тебя новое вдохновение и да наполнится каждый день твой глубоким смыслом совершающегося великим актом творения богов Единым Богом нашим и Отцом».**

Говоря о функциях благопожелания в духовном письме, отметим, что эмотивная, дидактическая, интегрирующая, контактоустанавливающая, смыслообразующая, аксиологическая функции являются основными. Реализация эмотивной функции (создание благоприятного эмоционального настроения) обеспечивается в основном лексическими средствами (эмоционально-экспрессивно окрашенной лексикой), инверсией, повтором, полисиндетоном.

Выполнение дидактической функции (функции поучения, наставления, назидания) достигается с помощью повторов, использования православной лексики, перечисления, эпитетов. Интегрирующая функция (функция объединения, сближения, поддержания добрых отношений) выполняется посредством лексики (эмоционально-экспрессивно окрашенной, православной) и обращений. Контактостанавливающая функция реализуется через использование обращений, эмоционально-экспрессивно окрашенной лексики, православной лексики, эпитетов, личных местоимений. Также с помощью обращений и повтора. Реализация смыслообразующей функции (порождение и формирование смыслов) обеспечивается, прежде всего, использованием лексических средств. Это слова, именующие Бога (*Бог, Господь, Иисус Христос*), слова, обозначающие религиозные начала (*дух, душа, вера, любовь*), слова с корнем «благо». Также для образования смыслов большое значение имеют эпитеты, инверсия, повтор, полисиндетон. Аксиологическая функция, заключающаяся в репрезентации христианских ценностей, формировании ценностных ориентиров выполняется с помощью слов, обозначающих христианские ценности, инверсии, повтора, эпитетов, эмоционально-экспрессивно окрашенной лексики.

Подводя итоги, подчеркнем, что основной особенностью функционирования благопожеланий в духовных письмах является то, что в них отражается вера их автора в Бога и принцип теоцентризма. Также специфичность видится в языковом воплощении жанра благопожелания: более всего в активном использовании православной лексики, в особенности именовании Бога, а также в смысловом наполнении тропов и фигур, которое отражает христианское мировоззрение автора, таком расположении элементов синтаксической конструкции, которое способствует выдвиганию важных с точки зрения нравственного и духовного смыслов отрезков текста.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Благопожелание: ритуал и текст / Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С.168–208.
2. Агапкина Т. А. Благопожелание // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/SMES>.
3. Бабуев С. Д. Языковое своеобразие бурятских благопожеланий: дис. ...канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1994.
4. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978.
5. Гребенщикова Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне): Монография. Гродно: ГрГУ, 2004.
6. Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры: монография. Вологда : ВГПУ, 2012.
7. Зорина Л. Ю. О степени сохранности традиционных народных формул благопожеланий // Севернорусские говоры, 2014. № 13. С. 58–70.
8. Иеромонах Иов (Гумеров) Что означают слова «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы»? URL: <http://www.pravoslavie.ru/6954.html>.
9. Кремшокалова М. Ч. Благопожелание (хох) как жанр речи в кабардино-черкесском языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2012. № 2. С. 223–232.
10. Мешкова О. В. Благопожелания и частушечные куплеты: особенности взаимодействия // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. № 25 (240). С. 100–103.
11. Михайлова Н. Д. Калмыцкие народные благопожелания: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Элиста. 2013.
12. Плешакова В. В. Русские традиционные благопожелания (К вопросу о традиционных высказываниях) // Филологические науки, 2006. № 4. С. 50–60.
13. Плешакова В. В. Русские благопожелания: Опыт типологии и истории: дис. ...канд. филол. наук. М., 1997. 145 с.
14. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. И-т рус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп., М.: Рус. яз., 1991. Т. 1: А – Б. 1991.

15. Смолина А. Н. Благопожелание в современном российском православном телевизионном дискурсе (на материале передачи «Церковный календарь» с о. Евгением Попиченко) // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. Красноярск, 2014. С 161–173.

16. Формановская Н. И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сквородникова. Вып. 12(20). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. С. 69–76.

В. В. Шаповал *
(Россия, Балабаново)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ФАНТОМ ИЛИ ВСЁ-ТАКИ ЛЕКСИЧЕСКИЙ РАРИТЕТ?

Ключевые слова: критика словарей, русские народные говоры, верификация описания слова, призрачное слово, редкое слово, интерпретация источника.

Процесс верификации сомнительного лексического материала обязательно включает его оценку как редкого слова или как призрачного слова. Последнее возникает в результате смешения букв и др. ошибок копирования и интерпретации. Различение этих двух феноменов существенно затруднено недостатком эксплицитных правил проверки источника. Причиной ошибки в словаре может быть цитирование случайного источника (*клеву* – не казанское слово). Имя собственное трактуется как нарицательное (*Колпаница*). Вставка запятой меняет границы номинативной единицы (*лозбянии плятури*). Новые деривативные связи, устанавливаемые по народной этимологии, и другие ошибки приводят к фиксации призрачных слов (*потелятилось, пониматка*).

V. V. Shapoval
(Russia, Balabanovo)

A GHOST-WORD OR NEVERTHELESS THE RARE WORD?

Key words: dictionaries' criticism, Russian dialects, verification of a word description, ghost-word, rare word, source interpretation.

The verification process of a dubious word description includes as a necessary step its assessment either a rare word, or a ghost-word. The late is usually a result of letters confusing and other errors in copying and interpretation. The distinction between these two phenomena is significantly hampered by the lack of explicit rules how to verify the source. The error in a dictionary may be caused by quotation of a wrong source (*klevu*). A personal name could be wrongly treated as a common noun (*Kolpanica*). An additional comma can change the boundaries of a nominative unit. New derivative link established due to popular etymology and other errors also create ghost-words.

В отечественной исторической и диалектной лексикологии в последние годы вырос интерес к проблеме достоверности словарных материалов (см., например, работы следующих авторов: А.Е. Аникин, А.Ф. Журавлев, А.Б.

* © Шаповал В.В., 2016.

Страхов, И.Г. Добродомов и др.). Многие ученые обращаются к нестандартным словарным фиксациям редких диалектных и жаргонных слов, что нередко приводит и к разоблачению лексикографических фантомов, возникших по причине смешения букв в рабочей записи или разного рода интерпретационных неточностей. Порой проверка такого рода сомнительного и уникального материала длится годы и требует значительных усилий. По этой причине вопросы как рационализации верификационных процедур в лексикографии, так и их рентабельности снова и снова становятся актуальными. Источниковедческая критика словаря предполагает алгоритмизацию проверки данных, что делает ее более прозрачной для контроля. Кроме того, исправление описания слова не всегда возможно в разумные сроки и в результате приложения «нормативных» усилий.

В рамках процедуры верификации лексического материала приходится решать целый ряд вопросов, но выбор между признанием слова лексическим раритетом или лексикографическим фантомом – это ключевой выбор, который нельзя обойти при оценке описания слабо документированного и практически не известного лексикографу слова.

Обратимся к материалу, этимологический комментарий к которому уточнялся в несколько приемов. В описании орловской свадьбы Н.П. Иваненко [5] встречается богатая россыпь уникальных лексических фиксаций. Одна из них – это слово *верботы*, об этимологии которого А.Е. Аникин пишет: « ‘оборки на рукавах’ орл. (СРНГ 4: 123) // Заимств., источник не установлен» [1-6: 266]. Сомнительно ударение на окончании, которое в источнике есть только на рифмующемся с *верботами* слове и, видимо, использовано было публикатором как знак вокального удлинения: «Она вышла, выходила рано За , Обронила, потеряла кружевные Верботы¹⁾» – «¹⁾Верботы – оборки на рукавах» [5: 128]. Мной было высказано ранее ошибочное предположение: «Нем. *Verband* ‘повязка’. Вероятное уподобление слову *форботы* = ‘ботфорты’ в целях рифмовки» [14: 677]. Однако оно представляется ложным: фонетические допущения громоздки, объяснение механизма трансформации ради рифмовки – искусственное. Поиск более точной параллели опирался на прежнее предположение, что начальному [в]- могло соответствовать [ф]- в языке-источнике. Целому ряду необходимых условий в качестве источника орловского *верботы* удовлетворяет польское устарелое наименование кружевных оборок на манжетах, отмеченное в словаре Линде: «**FORBOT**, u, m., **FORBOTEK**, -tka, m., *zdrbn.* Koronki, *Spitzen* (*Kanten*)» <кружева, кружевная кайма> [16-1: 650], А. Брюкнер указывал на испанское происхождение: «**forbot**, ‘frędzla’, dawniej *farbot* ... z hiszp. *farpado* ‘z frędzlami’; wyraz, u nas zapomniany, żyje do dziś na Rusi i Litwie...» <кружева, от исп. *farpado* ‘заканчивающийся остриями/ зубчиками’> [17: 125]. Ср. также украинское малоупотребительное: «**форботы** – мереживо, пацьорки» [4]. Наше прежнее неверное предположение не подтвердилось, но оно помогло продолжить поиски в верном направлении. Решающим фактором оказалось предпринятое для других целей сплошное чтение польского словаря С.Б. Линде.

Хотя интерес к фантомам явно вырос в последние десятилетия, надо подчеркнуть, что без них не обходились и словари более отдаленного прошлого. Обратимся к примеру из 13-го выпуска СРНГ. Здесь имело место ошибочное включение пушкинского слова в состав казанских диалектизмов. Неверное понимание функции искаженного элемента словарной статьи в следующем случае привело к неправильному прочтению и появлению некорректной (фантомной, но правдоподобной) географической пометы, возникшей по оплошности из названия цитируемого произведения: «**Клеву** [удар.?). [Знач.?). *Конь тихонько клеву, клеву – Вот уж под окном. Казан.*, 1815» [10-13: 272]. Вообще 1815 год не встречается в списках источников. Если принять, что это не казанская, а казачья песня, то приходит на ум стихотворение А.С. Пушкина «Казак» 1814 г.: «Храбрый видит красну деву; Сердце бьется в нем, Конь тихонько к леву, к леву – Вот уж под окном» [9-1: 48]. Следовательно, это цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Казак» 1814 г. Необходимо исправить географическую помету **Казан.** на название стихотворного произведения «Казак», усмотрев в первом смешение *к – н*. Возможно, карточка с раритетным наречием *ву* «левее» была выписана из стихотворения для дальнейшего уточнения территориальной привязки. Это обоснованное решение. Однако одна незамеченная неточность в описании слова на карточке превратила раритет в словарный фантом.

Информанты тоже не всегда совершенно владеют материалом, да нередко и не могут дать квалифицированное объяснение. Слово *колпаница* в СРНГ описано так: «**ница**, *ы, ж.* Женщина, которая всем кружит головы. *колпаница идет, Под полою разну музыку несет. Орл.*, 1905» [10-14: 193]. Оно привлекло внимание А.Б. Страхова, который предлагает такое уточнение: «Никакой “женщины” в тексте песни нет, есть *ница* или *нница*, превратившееся в *ницу* то ли по диалектной диссимиляции губных, то ли по небрежности записавшего песню фольклориста, то ли по произволу авторов СРНГ» [11: 283]. Вопрос не так прост. Авторы СРНГ здесь точны и «непроизвольны»: «Вдоль по улиц мятелица мятеть, За мятелицей Колпаница* идет, Подъ полою разну музыку несеть. Я заставлю разну музыку играть, Сама пойду безотвѣтно танцовать» – «¹Колпаница – которая всѣмъ кружить головы» [5: 131]. Фольклорист обратил внимание на это слово и, похоже, дал в примечании пояснение информанта. Единственно следует уточнить, что *Колпаница* оформлено как имя собственное уже в публикации. Так же и в карточке 1962 г., подписанной «Сорокол(?)». Может ли быть подтверждена диссимиляция губных в *Ко[л]паница* < *Компаница* типа *бо[н]ба* < *бомба*? Это вопрос этимологический, вряд ли разрешимый на основе имеющихся скудных данных. Однако надо отметить, что в этом месте текста часто идет не только «мой миленький» и «сударушка», но и имя собственное, как в варианте песни, опубликованной П.В. Киреевским: «Как на улице метелица метѣт, За метелицей Курганиха идѣт; За Курганихой да две дочери идут» [6: 243, № 2588]. Последнее не снимает вопросы, поскольку имя собственное на месте

непонятного слова частенько появляется в процессе трансформации песенных текстов. *Компаница* в основе текста весьма вероятна, но исполнитель был искренне уверен, что *Колпаница* – это женское прозвание, а не имя нарицательное. Остается без ответа и вопрос, мог ли исполнитель пояснить со всей своей метаязыковой неискушенностью, что это *компания* кружит всем головы, а фольклорист домыслил про имя собственное женщины. На определенном уровне недоверия источник рассыпается, а верификация останавливается перед выбором между несколькими альтернативными решениями, каждое из которых имеет недостаток аргументации.

Нельзя отрицать естественного стремления информанта и диалектолога к прояснению словообразовательных связей слова. Симбирское существительное в этом отношении очень показательно: «*Мотуха*-лихорадка. Может быть отъ глагола *мотать*, мотаться» [8: 26]. Это слово отражено и в СРНГ как *мотуха* в значении 4 □ **лихорадка** □ [10-18: 306]. Анонимный автор газетной публикации выразил наивное убеждение в том, что озноб как одно из последствий лихорадки связан с дрожью как внешним проявлением. Однако среди эвфемизмов, маскирующих название этой болезни, есть производные от терминов родства *тетка* и *мать*: *матуха*, в значении 14 – □ **лихорадка** □ [10-18: 39], 2. *матка*, в значении 29 – □ **лихорадка** □ [10-18: 32]. Этот пример **показывает, что для восстановления** словообразовательных связей диалектного слова, актуальных для прошлого состояния, у нас может и не быть достаточных данных. В этом случае имеется явное указание на новую связь с глаголом *мотать*, но и старую производность от существительного *мать* нельзя не принимать во внимание.

Упомянутая выше орловская коллекция свадебных песен содержит еще немало загадок. Редкое слово далеко не всегда удаётся понять на основе единичного контекста: «Отец и мать жениха выносят из хаты лозбяни¹⁾, плятури, боченки...¹⁾ Кадушки съ крышками, а иногда и с замками, въ которыя кладуть харчъ» [5: 109]. *Лозбяни* оформлено как прилагательное, но оно сомнительно. *Лозбяний* отсутствует в СРНГ, но имеется смоленское и курское *нь* в переносных значениях □ лоб, голова с большим лбом, лысая голова, толстяк, глупый и ленивый человек □ [10-17: 111]. Разброс переносных значений характерен для названий вместилищ (голова – *котелок*, *чугунок*, *чан*, *жбан*, *горшок*, *самовар*, *тыква*, *дыня*, *будка*). Существительное *плятури* получило следующее описание: «... , мн. Плетеные изделия. Отец и мать жениха выносят из хаты лозбянии (кадушки с крышками, а иногда и замками, куда кладут харч), плетури, боченки, все кладут на повозки, . . прощаются. Орл., 1905» [10-27: 129]. Возможно, в записи имеется лишняя запятая и потерян пробел, что мешает увидеть *лозбя... , с учетом фонетической записи, ед. ч. – ... нь и ... турь – два названия □ плетёнок из лозы □. Примечание «кадушки с крышками, а иногда и замками, куда кладут харч» сбивает с толку и относится скорее к *боченки*, в которых разумнее, нежели в плетенках, перевозить и хранить солонину (*харч* в данных говорах – это мясо, часто говядина, в свежем или соленом виде).

Обратимся к слову, не отмеченному в СРНГ между *потеля* и *потем* [10-30: 272]. Это безличный глагол *потелялилось*, отмеченный в песне, опубликованной П.В. Киреевским: «Дружку это словичко Дружно это не побытчилося, Ему потелятилося: Что зашел милой Сы правой сторонушки, Он занес свою руку правую На девушку бравую» [6: 40, № 1722]. В «Указателе местных и малопонятных слов» к изданию из этого отрывка включены *дружно* – □очень?□ и *потелятилося* – □?□ [6: 378, 385]. Первое слово *дружно* можно отдаленно соотнести с «*тесно*, нареч. сравн. степ. Ближе друг к другу, теснее. «Дружные сядьте, – просит женщина-кондуктор в трамвае». Урал., Миртов, 1930» [10-8: 218], т. е. *дружно* могло значить □тесно□, но это значение трудно соотнести с □не понравилось□. Однако в той же позиции правдоподобнее ожидать повтор слова *дружку*: *дружку* «это не побытчилося», т. е. □не понравилось□, ср.: «*тчиться*, сов. Понравиться. Жиздр. Калуж., 1903» и «*тчиться*, сов.

ск. Ворон.,... Сталингр., Волгогр., Ряз. Невеста жениху по-бычилась. Тамб... Калуж., Дон.» [10-27: 212, 213]. Разумеется, не от *быка*, а от *обычая*. Ср. орловское: «Пообычилося – понравилось» [5: 124]. Однако в народной этимологии созвучие с *быком*, как и противопоставление его *теляти*, учтено в окказиональном антониме к *побычилося* □понавралось, соответствуя привычке□, – *потелялилося*, имеющем значение □не понравилось, вызвало отвращение□, если судить по единственному контексту.

Реконструируемая выше игра слов *поБЫЧилось* – *поТЕЛЯТилось* могла и привидеться собирателю или публикатору при позднейшей обработке записей. При обсуждении этой статьи в форме доклада на «XLIV Международной филологической научной конференции» в СПбГУ 14.03.2015 г. Е.В. Колосько (которой мы выражаем признательность за подсказку) высказала справедливое предположение, что за *потелятилося* в тексте песни стоит первичное *потемяшилося*. Такая трансформация менее вероятна в устном бытовании песни, скорее это результат позднейшего осмысления записи собирателем. Смещение *м* – *ш* в рукописных фиксациях входит в число наиболее распространенных, а более редкое смещение *л* – *м* могло быть поддержано гипотезой о наличии основы *-телят-* в необычном глаголе. Таким образом контекст после всех конъектур имеет следующий вид: Дружку это словичко Дружку это не побытчилося, Ему потемяшилося...

В том же томе собрания Киреевского без толкования осталось слово «Понимавка 1757 Кал. – ?» [6: 385]. В тексте песни обращает на себя внимание смысловое сближение номинаций *понимавка* и *матушка*: «Жаль сударушки своей; Жаль сударки понимавки, – Отделилась, прочь пошла <...> Ты товарищ, братец мой, Сядь, подумай-ка со мной, Сядь, подумай, погадай: Кого к матушке послать?» [6: 36, № 1757]. В СРНГ находим: «*ттка*, ж. Любовница. Елатом. Тамб., 1911» [10-29: 261]. Не так важно, о ком именно идет речь в калужской песне. Это могла быть и мать, и другая близкая особа, почтительно именуемая *матушкой* и (изначально) *пани-маткой*. Например, герой сказки так вежливо обращается к змее (*паніматко*) [13: 206]. Этот

полонизм или украинизм как наименование матери или как почтительное обращение к чужой женщине, судя по южнорусским записям *понимавка* и *пониматка*, с большой долей вероятности воспринимался записавшими солидарно как производный от глагола *понимать*. Насколько это мнение разделялось информантами, судить трудно. Если пелось *понимавкой*, а *паниматка* как основа было забыто, то калужское слово *п[а]нимавка* надо фиксировать. Если *понимавка* возникло на месте *пониматки* только в записи, то это фантом, а не калужское диалектное слово. Но сегодня разделить эти версии невозможно, если счастливый случай не принесет нового источника.

При обсуждении этого случая коллеги указали на древнее значение глагола *по(н)имать* «брать в жены и т. п.», что, на наш взгляд, хорошо объясняет саму возможность установления вторичной объяснительной связи с *понять*, но оставляет без ответа вопрос о том, кто эту связь усмотрел: информант или изучавший древний материал диалектолог. Все-таки глагол *понимать* в этом и подобных значениях представлен в северных и восточных говорах [10-29: 261-262], а рассматриваемые однократные фиксации *понимавка* и *пониматка* относятся к южным регионам.

Еще одно неполное описание редкого слова возникает на основе текста песни: «**к, м.** [Знач.?]. *Черны брови, як шнурок, Глазки кари, як тярок.* **Ворон.**, Зайцева, 1964 [10-46: 103]. Учитывая смысл сравнения, предположительно – ‘тёрн’, **к, ср.:** *тер н* [10-44: 72] и др. Фонетическая запись **к** не была преобразована в фонемную, поскольку словообразовательная связь с *тёрном* не усматривалась.

Подобные причины вызывают затемнение словообразовательных связей слова *учажник*, отмеченного у Киреевского без толкования: «Учажник 2707 —?» [6: 388], из песни следует вероятное прочтение *учаишник* ‘тот, кто сидит у чаши?’: «Выбирали строителя-разорителя, Учажника-бражника, Хлебодара скупова, Не от того ли у нас, братцы, На обед хлеба не стаёт?» [6: 388], – то есть тот, кто находится у чаши. Озвончение [ш] перед сонорным вызвано уподоблением приложению *бражник*.

Еще два сюжета посвящены словарным ошибкам. Их текстологическая уникальность в том, что идентичные и весьма нетривиальные ошибки возникают в двух разных словарях. При таком совпадении возникают сомнения в его случайном характере.

Все в том же томе Киреевского описано с колебаниями слово: «Г у р т а в и т ь 1872 Ряз. – раззадоривать?» [6: 378]. В тексте песни, думается, имеется ряд показателей в пользу толкования «ворковать»: «На дубчику два галупчика вились, Вились да врозь полетели, Полетели они в чистая поля, Садилась они во чистом поли, Клевали они ярову пшеницу, Пили они ключеву водицу; Они гуртавали два молатца, Сашлись они, речи гаварили: “Тошна, тошна таму, Да хто каво любить; Вот ищо таво ташней, Да хто с кем растаетца!”» [6: 65, № 1872]. Они расстались, ворковали, подзывая друг друга, сошлись для разговора. Здесь примечательно морфологическое несоответствие словарной формы *гуртавить* и реальной формы в контексте *гуртавали*.

Поразительно, что описание донского глагола у Миртова имеет то же самое несоответствие: «Гуртавиться – толпиться с шумом. *В церковной ограде гуртавились парни*. ШД, 223.» [7: 71]. Ш.Д. = Шолохов, Тихий Дон. Предполагаем чтение *гурт[а]вались: «В церковной ограде, испещренной блестками талых лужиц, гуртовались парни» [15: 223]. Мнимое слово у Миртова возникло по причине неправильного чтения выписка как *гуртавились*, а затем с переносом ударения *вились*. Однако в том же году вышел и цитируемый том Киреевского. Не имел ли Миртов отношения к составлению «Указателя местных и малопонятных слов» к этому тому?

Любопытно, что Даль в толковании к слову *бакшиши* допустил в первом издании крайне редкую ошибку: в слове *гостинец* = *гостинце* (тогда это написание не совпадало с предложным падежом и смотрелось кричаще неправильно): «**БАКШИШЬ** м татр. гостинце <sic!>, пишкешъ, начай, наводку, могоарычи, принось, срывъ, взятка» [2-I: 36], но затем исправил опечатку в *гостинце* и убрал слово *пишкеш* во втором издании [3-I: 41]. Стоит обратить внимание на то, что точно такая же ошибка в написании также стоящего первым в толковании слова *гостинец* наблюдается у Ф.-Э. Г. Толля: «**Бакшишь** (тат.), гостинце, наводку, взятка» [12: 201]. У Толля, опускавшего конечные еры в своем словаре, *гостинце* вместо необычного для наборщика того времени написания *гостинец* могло появиться как перестановка, вызванная (неосознанным) стремлением прикрыть «консонантную» финаль. У Даля это написание могло появиться в результате более сложной серии ошибок (утраты ера и перестановки пары конечных букв). Думается, *гостинце* в первом издании Даля может указывать на то, что Даль частично «расстриг», как он сам выражался, начало словаря Толля на полоски и клеивал их (не переписывая) в черновик рукописи первого тома по алфавиту.

Никто не выдавал за русское слово среднего рода вскоре исправленное *гостинце*, но *гуртавить* и *гуртавиться* – это фантомные инфинитивы, созданные зеркально подобно на основе *гуртавали* и *гуртовались*. И их еще надо исправить.

Таким образом, при всем желании отличить раритет от словарного фантома без обращения к литературе и источникам только на основе собственной интуиции часто трудно, а нередко и невозможно. Наша собственная начитанность и память, как и опыт предшественников, закрепленный в авторитетных словарных описаниях, может сослужить плохую службу и подтвердить ложные ожидания.

Список литературы

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1-3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007-2009; Вып. 4-6. М.: Знак, 2012; Вып. 7. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2013; Вып. 8-9. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014-2015.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1-4. М., 1863-1866.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. СПб.; М., 1880-1882.
4. Зведений словник застарілих та маловживаних слів. – Режим доступа: litopys.org.ua/rizne/zvslovnyk.htm, дата обращения: 20.01.2016.
5. Иваненко Н.П. Сватанье. Деревья Веретьякина Орловской губернии // Живая старина. 1905. Вып.1-2. С.107-140
6. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. II, ч. 2. (Песни необрядовые). М.: Типография Кооператива «Наука и Просвещение», 1929.
7. Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. 415 с. (Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 58. Н.-и. институт изучения местной экономики и культуры при Северокавказском государственном университете. Вып. 6.).
8. Простонародные слова, употребляемые в Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. 1858. No 9. Ч. неофиц. С. 25-27.
9. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-24. / гл. ред. Ф.П. Филин / ред. Ф.П. Сорокалетов. М.; Л.: Наука, 1965-1989. Вып. 25-41. / гл. ред. Ф.П. Сорокалетов. СПб. : Наука, 1990-2007. Вып. 42-46. / гл. ред. Ф.П. Сорокалетов / ред. С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2013.
11. Страхов, А.Б. По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения) // **Palaeoslavica**. Cambridge, 2004. Vol. XII. № 1. С. 254-324.
12. Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний <..> в III томах. Т. I (А – Дви). СПб., 1863.
13. . На уходах.
За сестрою: повісті. Київ: Школа, 2008. С. 185–242.
14. Шаповал, В.В. Addenda, corrigenda (СРНГ) [Текст] / В.В. Шаповал // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 664-687.
15. Шолохов М.А. Тихий Дон. Роман. 2-е изд. Книга первая. М.; Л.: Мос. рабочий, 1928. 464 с.
16. S.B. Słownik języka polskiego. T. 1, cz. 1: A-F; T. 1, cz. 2: G-L; T. 2, cz. 1: M-O; T. 2, cz. 2: P; T. 3 : R-T; [T. 4]: U-Z. Warszawa, 1807–1814.
17. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. XVIII, 812 s.

В. М. Шетэля *
(Польша, Россия, Москва)

О «ГОВОРЯЩИХ» НАЗВАНИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ КОРАБЛЕЙ В РУССКИХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО УШЕДШЕЙ ЭПОХИ

Ключевые слова: единица, заимствование, исконное название, контекст, словообразование, составное наименование, текст, этимология.

В статье рассматриваются названия различных типов кораблей, которые были в ходу в российской печати XIX века. Интерес вызывают те из названий, этимология которых говорит о качестве судна, о его надежности и быстроходности. Читающая публика была знакома с теми типами кораблей своего времени, о которых говорилось в повседневной прессе. Но этимология названий не всегда была ясна, хотя в сообщениях отдельных авторов раскрывалась иногда и эта тайна. Технический прогресс повлиял на развитие флотов, в которых происходил переход от парусных бригав до паровых броненосцев.

V. M. Szetela
(Russia, Moscow)

ON SELF-EXPLANATORY OF DIFFERENT TYPES OF SHIPS IN RUSSIAN TEXTS OF THE XIX-th CENTURY AS AN EVIDENCE OF PAST ERA

Key words: a unit, borrowings, an original name, a context, word formation, a compound name a text, etymology.

The names of the types of ships that were used in the Russian press of XIX-th century are under consideration in the article. Those of the names, the etymology of which suggests quality of the ship, its reliability and rapidity attract interest. The reading public was acquainted with those types of the ships of that time which were mentioned in the daily press. But the etymology of names was not always clear, although the reports of individual authors sometimes disclosed this secret. Technical progress had influenced the development of fleets where there happened a transition from sailing brigantines to steam battleships.

Перечитывая прессу позапрошлого столетия, убеждаемся в неоднозначной оценке данного времени с высоты XXI века. Это было, безусловно, бурное столетие, о чем свидетельствуют сообщения о событиях и

* © Шетэля В.М., 2016.

мирных, а чаще всего военных, начала, середины, второй половины и конца XIX столетия.

Отметим научно-технические сдвиги положительного порядка, происходящие в различных областях жизни общества в продолжение названного времени.

Этот прогресс виден в терминологии и в новых значениях зачастую старых единиц русского языка.

Прогресс в торговле в какое-то время обозначился в одном из типов парусников о названии **клиппер** или **клипер**. Быстроходные парусники данного типа доставляли в Европу из экзотических стран чай, и от быстроты этой доставки зависела цена чая и высота прибыли фирм.

О клипере, читающая публика узнавала из ряда газетных сообщений. К примеру, Санкт-Петербургская газета «Северная пчела» сообщала: ««Клипер бросил якорь на Спитгедском рейде» [3: 894].

Поначалу это были американские парусники, что неоднократно отмечалось авторами, напр.: «В иных местах стояли на якоре американские, так называемые „клиппера“, то есть большие трехмачтовые суда, с острым носом и кормой, отличающиеся красотой и быстрым ходом» [5: 362]; «В амбарах ящики эти [с чаем. – В.Ш.] упаковываются окончательно, герметически, и идут на американские клиппера или английские суда» [5: 367].

С течением времени, к концу XIX века, подобного типа судна плавали и под российским флагом, но их предназначение было уже другим. См.: «Направились в Порт-Саид наши военные суда: клипер „Забияка“, крейсер „Африка“ и доброволец „Россия“» [7: 53]. Клипер «Забияка» в конце столетия был военным кораблем. Корабль «Россия» был *добровольцем*, т.е. в прошлом «торговым судном, добровольно поступившим на военную морскую службу».

«Настольный словарь» Ф. Толля был первым лексикографическим справочником, который отметил это название: «*Клипер*, род купеческого парусного судна, впервые употребленного в Сев. Америке, весьма быстрого по ходу» [9: 484].

Н.М. Шанский, поясняя этимологию этого слова связывает это название с породой быстрых лошадей. **Клиппер**, **клипер** от англ. *clipper* – „быстрая лошадь; быстроходный парусник“ от *clip* „разрезать“, буквально *clipper* „разрезающий (воду и воздух)“ [16: 160].

Вероятней всего, название лошади **клеппер** появилось в языках раньше, а парусника лишь напоминал этого летящего вперед животного.

Вспомним, что персонажи русских романов любили кататься на **клепперах** от немецкого *Klepper* – «немецкая порода верховых лошадей» [11: 258].

Итак: «по дороге за флигелем на своем темном клепере промчался Николинька Борисов» [14: 75]; «в окно я мог видеть, как ее муж проваживал по двору моего клеппера» [13: 299]; «На конюшне двадцать лошадей: ...верховые для старшего сына, клеппер для младших» [4: 98].

Отметим разные источники для названия породы лошади и парусника. Во всяком случае, одно и другое название в русском языке происходит из романо-германской среды.

Название **бриг** было уже устоявшимся названием в русском языке.

Интерес к слову **бриг**, как классу военных парусников, обусловлен прежде всего неодинаковостью употребления этого слова в русских текстах, см.: **бригг**, **бриг**, **брик**, **брикк** (от англ. brig) – «класс парусных боевых двухмачтовых кораблей XVIII–XIX вв., используемых для крейсерской, дозорной и посыльной службы» [1: 57]; в том же значении слово отмечено и в словаре Даля [6: 128].

Эволюция формы слова наблюдается в следующих текстах: «Взят Агл. фрегатом *Грейгунд* и бригом Гаррие Голландской фрегат *Паллас*» [2: 1807, 43, 534]; «Флот вице-адмирала Лорда Коллингвида состоял из 11 лин. кораблей, 3 фрегатов и 3 бригг» [2: 1807, 23, 280], «Голландский брикк, затопленный 19 го Февраля в Амбоинском порте» [2: 1810, 87, 1219], «Два Аглинских *бригга* и одна *корветта* со многими *скорридорсами* вышли немедленно из Мессинской гавани» [2: 1810, 88, 1234]; «Аглинский военный бригг *Розано*» [2: 1814, 77, 788]; «Наполеон сел на брик *Инкостант* и четыре фелюки» [2: 1815, 24, 226]; «Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига» [8: 328].

М.Ю.Лермонтов употребляет, как видим, уже современную нам форму этого слова.

Технический прогресс повлиял на развитие флотов, в которых происходил переход от парусных бригов до паровых броненосцев.

Броненосец – очередное «животное» в морской военной номинации. И в названии экзотического животного и в названии броненосного корабля изначальным словом является слово **броня**.

Броненосец – «боевое морское судно, из кованного железа или обшитое медными или стальными плитами» [6: 130]. См. примеры употребления этого слова российскими авторами: «Ведь броненосцев пробивает – а мы... что такое мы?!» [15: 62]; «Прежде чем приступить к созданию какого-нибудь броненосца или крейсера, о нем предварительно несколько лет толковали, спорили...» [10: 81]; «Но еще долгое время машина играла роль вспомогательного двигателя, а полное парусное вооружение сохранилось даже на броненосных судах» [10: 84]. См.: БАС [12: 30].

Можно предположить, что слово **броненосец** для названия корабля было образовано в результате сжатия в одно слово словосочетания **броненосный корабль, судно; броненосный флот**, подобно тому, как было образовано, по утверждению Н.М.Шанского, слово **канонерка** от наименования **канонерская лодка** [16: 47].

Показанные здесь примеры на создание новых терминов в морской сфере имеют отношение и к процессу заимствования из романо-германских языков. В терминологии европейских стран такие единицы появились раньше. Образцы таких наименований были заимствованы из терминологии морских держав того

времени. Подобные заимствования происходили и в других славянских языках, ср.: **клипер**, **бриг**, **броненосец** и в польском языке – *kliper*, *brug*, *pancernik* (животное или корабль, «одетые» в панцирь).

Список литературы

1. Военно-морской словарь для юношества: около 10 000 слов / под общ. ред. П.А. Грищука. 2-е изд. М.: ДОСААФ, 1988.
2. Газета «Санкт-Петербургские ведомости», СПб., 1807–1815 гг.
3. Газета «Северная пчела», СПб., 1859, № 223, с.894.
4. Гончаров И.А. Обрыв: Роман / вступ. статья П. Николаева; прим. Л. Гейро. М.: Худ. лит., 1980.
5. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в 2 т. / комм. К.И. Тюнькина. М.: Правда, 1985.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб., М., 1880.
7. Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002.
8. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1986. С. 197-337.
9. Настольный словарь по всем отраслям знания / под ред. Ф. Толля и В.Р.Зотова. Т. 2. СПб., 1863.
10. Новиков-Прибой А.С. Цусима: Роман-эпопея / худож. А.Никулин. М.: Современник, 1986.
11. Словарь к художественным произведениям И.С.Тургенева // Афанасьев В., Боголепов П. Тропа к Тургеневу: Документально-художественная книга о жизни и творчестве И.С.Тургенева / науч. ред. П.Г. Пустовойт. М.: Дет. лит., 1983. С. 225-309.
12. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М., Л., 1948.
13. Тургенев И.С. Степной король Лир // Тургенев И.С. Повести. – М.: Худ. лит., 1976. С.289-360.
14. Фет А.А. Воспоминания. М.: Правда, 1983.
15. Щедрин Н. (М.Е.Салтыков), Современная идиллия // Щедрин Н. (М.Е.Салтыков), Собрание сочинений. Т. 10. М.: Правда, 1951. С. 5-274.
16. Этимологический словарь русского языка / под руководством и ред. Н.М. Шанского. Вып. 8. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Е. А. Яковлева, Э. Н. Ирнараров *
(Россия, Уфа)

НАИМЕНОВАНИЯ СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОЛОГИИ

Ключевые слова: военная лексика, стрелковое оружие, аббревиация, термин, терминология.

В настоящей статье исследуется вопрос принадлежности наименований стрелкового оружия к военной терминологии и специфика функционирования данных языковых единиц в системе языка. На основе отобранных примеров произведен анализ и разбор некоторых закономерностей и тенденций развития военной лексики. Для большинства приведенных лексем дано примерное толкование их значения.

E. A. Yakovleva, E. N. Irnazarov
(Russia, Ufa)

MILITARY TERMINOLOGY IN RUSSIA LANGUAGE: THE EXAMPLE OF THE NAMES OF SMALL ARMS

Key words: terminology, small arms, military vocabulary, abbreviations, the military term.

This article considers names of small arms and problems of military terminology, as well as the functioning of these linguistic units in the language system. On the basis of selected examples we analyzed some of the trends of development of military vocabulary. For most of the examples we give the interpretation of their significance.

Темп современной жизни чрезвычайно ускорился, влияние на нее технической революции стало весьма значимым, существенно увеличился и приток новых терминов, которые необходимо систематизировать и описать в лексикографическом плане. Вследствие этого среди лингвистов всё заметнее стал проявляться интерес к языку профессиональной коммуникации (языку для специальных целей - LSP). Одним из наиболее востребованных направлений теории и практики лексикографии на современном этапе является терминологическая лексикография (специализированная (LSP) лексикография - терминография).

Весьма актуальной и, на наш взгляд, недостаточно разработанной темой в сфере изучения лексической системы языка является военная терминология, в целом и военно-технические наименования, в частности. Сама по себе данная

* © Яковлева Е.А., Ирнараров Э.Н., 2016.

номинативная область является достаточно замкнутой и не всегда полностью доступной для осмысления как в культурном, так и в лингвистическом плане. В аспекте нашего исследования особо важным представляется выявление основных закономерностей функционирования терминов и определение потенциальных векторов их развития. Как сопутствующая может рассматриваться задача лексикографического плана: толкование и этимологизация наиболее типичных языковых единиц.

Обращаясь к проблеме, прежде всего, необходимо установить основополагающие аспекты данной разработки. Представляется, что определенное отношение терминология имеет к языковой номинации. В более конкретном плане мы имеем дело с так называемой *вторичной номинацией*, представляющей собой достаточно важное в рамках избранной темы явление. Как утверждается, вторичная лексическая номинация — это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения [7: 129]. Действительно, рассматриваемые ниже примеры показывают оправданность такой формулировки.

Необходимо также учитывать возрастающий интерес к терминологии как таковой среди ученых, что уже само по себе говорит о месте этой области языка в современной науке и культуре. Указание на образование многих новых терминологических подсистем как на следствие возникновения отдельных отраслей знания встречается в большинстве современных исследований по терминологии [6: 5].

В ходе работы над массивом военных и оружейных наименований возникает потребность не только в их толковании, интерпретации с целью расшифровки того или иного понятия, чтобы оно стало осмысленным для рядового носителя языка, но и в специальной классификации. И, собственно, уже на данном этапе проявляется связь терминов как языковых единиц с лингвистической семантикой. Общеизвестно, что существуют, по меньшей мере, три типа языкового знания: знание значений, знание значимостей и знание функций единиц языка. Важнейшим из них для речемыслительной деятельности и речевого общения является, безусловно, понимание языковых значений [2: 73]. Отсюда следует приоритет некоторой этимологизации и дешифровки приводимых терминов, а также иллюстрация с их помощью отдельных положений, касающихся не только оружейной и военной терминосистемы, но и терминологии вообще.

В качестве частного замечания можно привести обстоятельство, господствующее в системе в целом. Как верно замечено, системы терминов в различных областях знаний, технических дисциплинах и отраслях техники имеют весьма существенные недостатки, которые присутствуют у определенной их части. Сюда можно отнести отсутствие многозначности, громоздкость формулировки, синонимичность терминов, недостаточная точность и отсутствие в некоторых случаях строго зафиксированных и укрепившихся значений [4: 7-8]. Из этого следует, что при построении таких систем наблюдаются определенные трудности. Но если говорить о военной

сфере, то здесь терминология обнаруживает меньшую подверженность перечисленным недостаткам. Одной из причин этого считаем то, что номинации индивидуального стрелкового оружия по своей сути и являются военными терминами, так как соответствуют необходимым требованиям однозначности, четкости формулировки и соотнесенностью с конкретным именуемым объектом.

Проанализируем некоторые наглядные примеры из сферы наименований стрелкового оружия. В этой группе присутствуют названия образцов, состоявших в разное время на вооружении как СССР / РФ, так и зарубежных стран.

Прежде всего, большой массив наименований имеет вид аббревиатур или словосокращений: *АК-74 (автомат Калашникова)*, *РПК (ручной пулемет Калашникова)*, *ПКМ (пулемет Калашникова модернизированный)*, *ПКТ (пулемет Калашникова танковый)*, *ПМ (пистолет Макарова)*, *СВД (снайперская винтовка Драгунова)* [5: 15], *АКС-74У (Автомат Калашникова со складным прикладом укороченный)* [8: 337], *АВС-36 (автоматическая винтовка Симонова)*, *СВТ-40 (самозарядная винтовка Токарева)*, *СКС-45 (самозарядный карабин Симонова)* [1: 64], *ППШ-41 (пистолет-пулемет Шпагина)*, *ППД (пистолет-пулемет Дегтярева)*, *ППС-43 (пистолет-пулемет Судаева)* [1: 198]. Данные единицы весьма показательны в плане демонстрации и иллюстрации некоторых основополагающих свойств военно-технической терминосистемы. Прежде всего, можно отметить их краткость, семантическую емкость и вербальную выразительность, поскольку в термине содержится специфическая информация о каждом конкретном образце и его функциональной направленности. Например, присутствующие у некоторых названий цифровые индексы обозначают год принятия боевой единицы на вооружение. Последнее свойство подобных лексических единиц, то есть наличие буквенно-цифрового набора символов, достаточно широко представлено и в прочих наименованиях. В особую группу стоит выделить термины, служащие названием для конкретных образцов оружия и сочетающие в себе как вышеуказанный индекс, так и обозначение явлений из различных сфер природы и животного мира. Например, пистолеты-пулеметы «Бизон», «Гепард», «Кедр», «Кипарис»; автоматы «ОЦ-14 Гроза», «АС Вал» и пр. [1: 388]. Такая довольно специфичная деталь является характерной для названий оружия вообще, а не только его данной разновидности. Помимо смысловой нагрузки милитаристского типа, присутствует определенная коннотация, связанная с соотнесением первичного значения используемых имен.

Весьма красноречиво в таком ключе выглядит существующая форма обозначения образцов пистолетов и револьверов. Как утверждается, подобный термин содержит индивидуальное название оружия и определенную характеристику, окончательно конкретизирующую данную модель [3: 6]. Индивидуальность же той или иной системы оружия проявляется в том, что в наименовании указывается либо непосредственно конструктор, либо фирма-производитель, при этом вышеуказанная черта – наличие определенного

условного цифрового и буквенного индекса – сохраняется. Например, иллюстративны следующие наименования: *револьвер Гассер М1870, пистолет Браунинг М1922, Маузер К-96, Бергман 1897, Бергман «Зимплекс», «Гекадо» модель 11, Зауэр 1930, Беретта М-949 «Кугуар», Беретта М-92, Бернаделли модель 60, Кольт М1911, Смит-Вессон М61 «Эскорт», «Стерлинг» модель 300, Прага-1921, Фокс-1919, Штейер-Солотурн [3: 265].*

Перечисленные выше названия конкретных образцов стрелкового оружия нуждаются в некотором пояснении. Как можно заметить, приведенный в качестве примера материал является перечнем обозначений зарубежных пистолетов, а следовательно, в русском языке имеет место адаптация иностранной лексики. Это особенно важно, поскольку при такой постановке вопроса речь может вестись о заимствовании терминов и их существовании уже в новой системе. Подобное явление объясняется спецификой литературы, посвященной оружейному делу. Ряд изданий передает именованные зарубежные образцы в оригинале, например, *FAMAS, LR-300, G-3, G-11, M-16A1, FN FAL [1: 360]*, в то время как другие авторы прибегают к транслитерации иноязычных терминов в системе русского алфавита: *Литгоу, Норинко, Галил, УЗИ, Диемако, Вектор, Дзу, Хова [8: 324-344]*. Кроме того, довольно широко распространены и смешанные варианты следующего типа: *СТЭН Mk. II, Браунинг 1918 A2 BAR, Энфилд L39A1, Экьюраси интернэшнл L96A1 [8: 264]*. Как следствие подобного дуализма можно выделить существование фактически двух вариантов одного и того же наименования образца – *STEYR AUG-77 [1: 383]* и *Штейер AUG [8: 324]*. Собственно говоря, данное явление становится весьма наглядной демонстрацией лексического заимствования как одного из плодотворных способов пополнения военной терминосистемы.

В целом, сам массив военно-технической терминологии и ее раздел по стрелковому оружию содержат достаточное количество данных, позволяющих определить наиболее важные, на наш взгляд, свойства языковых единиц этой области. Как уже отмечалось, военный термин, как правило, до предела точен, унифицирован и обладает наиболее емкой формулировкой по сравнению с представителями прочих терминологических систем. Это своего рода «слово в мундире». Кроме того, важной чертой здесь является внешне сформулированная кодированность военного термина, четкая словоформа, ярко выраженная системность и специфическая «зашифрованность», что позволяет ему функционировать и в иноязычных военных терминосистемах.

Еще одной отличительной чертой этого достаточно замкнутого поля наименований является глубинная связь интра- и экстралингвистических процессов, происходящих внутри него. Иначе говоря, явления, определяющие тенденции развития и даже форму самих терминологических единиц, обусловлены внеязыковыми факторами, больше связанными с историко-политическими обстоятельствами. Последнее, однако, ни в коем случае не отменяет всеобщее главенство принципов военной терминологии вне зависимости от локализации ее функционирования тем или иным национальным языком. Наверное, нигде, как именно в сфере военной

терминологии, проявляется также особого рода «интернационализм», выявляются принятые в речевом обиходе даже конфликтующих сторон «общие», прошедшие негласный «кастинг», наиболее одобренные самими военными названия оружия (как это произошло со всемирно известным именем *Автомат Калашникова – автомат, калаш, АКМ*). Именно в этой сфере отмечены также разговорные формы наименований, которые придумывают военные и в которых как нельзя лучше отмечается коннотационный смысл, вкладываемый в номинацию оружия потенциального противника. Данное условие, разумеется, актуально и для терминологии вообще как сферы лингвистики.

Несмотря на все еще сильную изолированность, военный подъязык в определенном виде все больше проникает в речь рядовых носителей благодаря гиперинформационной насыщенности и относительной доступности в современную эпоху средств массовой информации и сети Интернет. В качестве забавной иллюстрации приведем переделанный текст известной песни, в которой употреблены специфические названия русского оружия: «Хотят ли русские войны, /Спросите вы у "*Тишины*", /Над ширью пашен и "*Полей*", /И у "*Берёз*" и "*Тополей*" <...> Чем связан с "*Буратино*" "*Шмель*", /И от чего спасёт "*Свирель*", /Как от "*Пионов*" и "*Гвоздик*" /Благоухает наш цветник. /Какие "*Кактусы*" растут, / Какие "*Васильки*" цветут. /Что за "*Акации*" в лесу, /И что вам "*Дятлы*" принесут. < > Хотят ли русские проблем, /Спросите вы у "*Хризантем*" /У "*Незабудок*" и "*Витрин*" /Спросите, нужен русским мир?» и т.д.

Таким образом, изучение военной терминологии как части языка, используемого для специальных целей (LSP), позволит в соответствии с нуждами коммуникантов создать современные лексикографические справочники, включающие словарные статьи со следующим информационным категориальным аппаратом: описательной и синонимической дефинициями, грамматической и орфоэпической пометами, переводным эквивалентом русского наименования и его разговорной формой, а также контекстом с указанием источника.

Список литературы

1. Бабак Ф. К. Индивидуальное стрелковое оружие. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2004. 415 с.
2. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
3. Жук А. Б. Стрелковое оружие. Револьверы. Пистолеты. Винтовки. Пистолеты-пулеметы. Автоматы. М.: Военное изд-во, 1992. 735 с.
4. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 154 с.
5. Новиковский Е. А. Отечественное стрелковое оружие, гранатометы, ручные осколочные гранаты и боеприпасы. Барнаул, 2009. 250 с.

6. Прохорова В. Н. Русская терминология. М.: Филологический факультет, 1996. 125 с.

7. Языковая номинация: Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С.3-5, 129-133.

8. 1000 образцов стрелкового оружия / под общ. ред. Д. Миллера. Смоленск: Русич, 2004. 408 с.

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 372.881.161.1

Л. И. Автушко, М. В. Веккесер, А. А. Фалилеева *
(Россия, Красноярск, Лесосибирск)

ПРИЁМЫ РАБОТЫ НАД СОЧНЕНИЕМ СКАЗОК В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Ключевые слова: литературный жанр, сказка как эпический жанр, воображение, творческие способности, развитие речи младших школьников.

В статье рассматриваются методы работы над сочинением сказок, которые позволяют развивать воображение и творческие способности младших школьников, поскольку сказки предоставляют богатый материал для данной работы, а также влияют на формирование нравственных чувств и оценок, норм поведения, на воспитание эстетического восприятия и эстетических чувств. В конечном итоге у ребёнка эффективно происходит целенаправленное развитие речи.

L. I. Avtushko, M. V. Vekkesser, A. A. Falileeva
(Russia, Krasnoyarsk, Lesosibirsk)

METHODS OF WORK ON WRITING FAIRY TALES IN PRIMARY SCHOOL

Keywords: literary genre, the fairy tale as the epic genre, imagination, creativity, development of speech of younger school students.

The article deals with the methods of work on writing stories that allow to develop imagination and creative abilities of younger school students as tales provide rich material for this work, as well as the influence on the formation of moral feelings and evaluations, norms of behavior, the education of aesthetic perception and aesthetic senses. Finally the child effectively has a purposeful development of the speech.

Согласно ФГОС НОО, «...владение основами умения учиться, способность к организации собственной деятельности, умение высказывать собственное мнение...» наиболее эффективно формируется через процесс творчества. Чем раньше учащийся будет включен в процесс творчества, тем легче в процессе обучения возможно развить в нем умение мыслить нестандартно [7]. Сочинение сказок на уроках русского языка способствует

* © Автушко Л.И., Веккесер М.В., Фалилеева А.А., 2016.

развитию диалогической и монологической устной и письменной речи, коммуникативных умений, нравственных и эстетических чувств, способностей к творческой деятельности, что также отвечает требованиям новых стандартов образования [7]. Известно, что воображение – необходимое условие различной умственной деятельности человека, которое выполняет главную функцию в поведении и развитии человека, становится средством расширения опыта человека. Методика обучения детей сочинению сказок использует сказочную форму для интегрирования личности, развития воображения, его творческих способностей и развития речи, расширения сознания, совершенствования взаимодействий с окружающим миром.

Ознакомление ребенка со сказкой осуществляется с выразительного чтения или рассказа ее взрослым, т.е. учителем. Обучая детей сочинению сказки, немаловажно научить их видеть и понимать другого человека, и совместно переживать его чувства, а также научить ребенка контролю своих эмоций и чувств [1].

Характер и содержание последующей работы реализуются самой сказкой или литературным произведением, уровнем развития детей и их возрастом. Педагог выбирает какой-то один из определенных методов или использует к сочетанию разных методов в зависимости от задач, которые он перед собой ставит [1, с. 72].

Согласно анализу программы образовательной системы УМК «Начальная школа XXI века» по литературному чтению в первом классе младшие школьники учатся «узнаванию» жанра сказка, умению его определять. Во втором классе творческая деятельность рассматривается как проявление интереса к словесному творчеству, участие в сочинительстве небольших сказок и историй; придумывание продолжения произведения (сказки, рассказа), изменение начала и продолжения произведения, фольклора; создание работ «Мир сказок», «Сказочные герои», «Герои народных сказок», «Теремок для любимых героев» и т.д. В третьем классе обучающиеся знакомятся с жанровым разнообразием сказок (более сложной по структуре); народная сказкой: с идеей победы добра над злом, правды над кривдой, реальностью и нереальностью событий, героями положительные и отрицательные; изучают особенности народной сказки: замедленность действия за счёт повторов, включение побасенок и прибауток, наличие волшебных превращений, присказки, зачины и их варианты, особые концовки; знакомятся с литературной (авторской) сказкой, сходством с народной сказкой; героями сказки и т.д. В четвертом классе круг чтения расширяется, младшие школьники изучают произведения устного народного творчества русского народа и народов мира, в число которых входят сказки; «расширяют» знания и умения в области жанровых особенностей сказки (народной и литературной); изучают особенности народной сказки: плавный ритм чтения, фантастические превращения, волшебные предметы, повторы слов («жили-были», «день деньской»), постоянные эпитеты («добрый молодец», «красна девица»), устойчивые выражения («день и ночь – сутки прочь»), зачины и их варианты, присказки, особые концовки и т.д. [6].

Согласно программам и методическому аппарату учебников «Русский язык» в первом классе в разделе «Связная речь» предполагается работа с детьми по сочинению небольших рассказов повествовательного характера (по материалам собственных игр, занятий, наблюдений), восстановление деформированного текста повествовательного характера. В учебнике встречается множество заданий на восстановление деформированного текста, много описаний, упражнений на обучение написанию писем. Во втором классе учащиеся знакомятся с понятием текст, рассматривают признаки текста, смысловое единство предложений в тексте, заглавие текста, подбирают заголовки к текстам, определяют по заголовку содержание текста. Также учащимся дают представление о таком понятии, как абзац, изучают его последовательность в тексте. В третьем классе продолжается осуществления работы над структурой текста, начатой во втором классе, а именно: озаглавливание текстов, написание собственных текстов по заданным заглавиям; редактирование текстов с нарушенным порядком предложений и абзацев; составление плана текста, написание текста по заданному плану. В четвертом классе проводится работа по совершенствованию речевых умений; знакомство с основными видами сочинений и изложений (без заучивания учащимися определений): изложения подробные и сжатые, полные, выборочные и изложения с элементами сочинения; сочинения-повествования, сочинения-рассуждения, сочинения-описания. В учебнике четвертого класса встречается большое разнообразие упражнений, направленных на озаглавливание текстов, определение типа текста, восстановление порядка абзацев в тексте, изменение начала и конца текста и другое [6].

Таким образом, в программах образовательной системы УМК «Начальная школа XXI века» по русскому языку и литературному чтению предусмотрена серьезная работа по знакомству детей с типами текста, определению типов текстов, озаглавливанию, написанию собственных текстов разных типов, «сочинительству» небольших сказок.

Существует множество приёмов работы со сказкой. Рассмотрим основные приёмы работы со сказкой, разработанные В.А. Запорожцем, Л.Е. Журовой, Н.С. Карпинской, В.И. Лейбсоном, Ф.А. Сохиным [2; 3; 5].

I. Целенаправленное наблюдение. Взрослые, т.е. учитель или родители вместе с детьми рассматривают средства, с помощью которых сказочник добивается соответствующего впечатления, а именно с помощью картин природы, описаний героев и их поступков, юмористических пассажей, драматических поворотов сюжета и т.д. Пересказ детьми прочитанного произведения, отдельных эпизодов внесет необходимые акценты в суть переживаемого и т. д.

II. Сравнение. Игра в сравнения: «Что на что похоже?»; «Кто на кого похож?»; «У кого сравнение точнее, у кого – самое неожиданное и в то же время точное?»; сравнение иллюстраций разных художников к одному и тому же тексту и нек. др.

III. Узнавание и воспроизведение стилистических особенностей.

Узнавание автора по стилю написания произведения; драматизация, а именно: разыгрывание сценок из сказки или проведение викторины. Зрители такого представления могут отгадывать, какой это персонаж и героем какой сказки он является и т.п.

IV. Эксперимент с художественным образом. Здесь можно использовать повествование или изложение от имени одного из персонажей произведения. Возможность «проигрывания» разных ролей осуществляется благодаря модификации прочитанного традиционного пересказа. В пересказе ребенком учитываются речевые особенности героя, его характер, отношения с другими персонажами произведения; домысливание судьбы героя. Домысливание дальнейшего хода действия героя в определенных обстоятельствах является развитием идеи автора, которые описаны в книге. Если задание «герои среди нас» имеет юмористический, а иногда и пародийный характер, то в этом задании все рассчитано на детскую фантазию и «вхождения» в образ [4].

V. Оценка и суждение. Задания: моя любимая сказка, любимый герой, любимый автор. Принципиально важным шагом в развитии читательской культуры является умение выделить любимую сказку из массы прочитанных или прослушанных, а также способность выделить автора; самая смешная сказка или смешной эпизод. Методисты рекомендуют также проводить беседы на такие темы, как о самой страшной или самой печальной книжке. Такой вид работы развивает у ребенка литературно-ассоциативное мышление, а также определяет систематику прочитанного, а именно по сходству и различию героев, авторов, по сходству полученных от книг впечатлений. Кроме этого вырабатывается умение выделять в книге конкретный эпизод [4].

Педагог Л.Б. Фесюкова в книге «Воспитание сказкой» разработала свой метод работы над сказкой. Так как, по мнению автора, «сказки не в полной мере используются в семье и в системе общественного дошкольного воспитания для развития детей», ею была разработана специальная универсальная схема, которая сможет помочь «...ликвидировать этот пробел» [8].

Рассмотрим некоторые, интересные, на наш взгляд, методы, предложенные Ларисой Борисовной:

1. Знакомые герои в новых обстоятельствах. Такой метод способствует развитию фантазии, разрушает стереотипы у ребят, осуществляет условия, благодаря которым главные герои остаются неизменными, но попадают в совершенно иные обстоятельства, ситуации. Возможны невероятные и фантастические обстоятельства, например, лиса и заяц вместо своих ледяных и лубяных избушек живут на летающих тарелках, также могут быть близкими к реальной жизни школьников, например, лиса, заяц и петух с помощью волшебной палочки оказались в одной клетке городского зоопарка или они застряли в лифте многоэтажного дома [8].

2. Сказка от смешного стишка. По мнению автора, смешные стишки дают возможность детям сочинять невероятные, необычные сказки, так как они способствуют развитию детского чувства юмора, а также, текст стишка служит для ребенка отправной точкой для сочинительства. В качестве примера Лариса Борисовна рассматривает смешной короткий стишок Э. Стефановича: «Зачем шнурки Ботинку? Если напрямик, Чтоб он не очень Распускал язык» и предлагает следующий переход: «Однажды ночью, когда шнурки отдыхали, язык пропутешествовал...» [8].

3. Сказка от грамматической арифметики. Лариса Борисовна поясняет, что «грамматическая арифметика» является загадкой, которая представлена в виде двух слагаемых. Первое слагаемое – это часть слова, а второе слагаемое – зашифрованное объяснение второй части этого слова. В результате определяется распространенное пояснение целого слова.

Например, нужно его отгадать: Ба + пресноводное животное с клешнями = временное жилище (Барак). Но ведь «барак» – слово не совсем интересное для начала сказки. Следовательно, нужно придумать иное слово. Так, например, от слова «Лариса» отнимем часть слова «иса» и к оставшейся части добавим часть слова «пальчик» - «чик» = «ларчик». В результате получаем следующее начало сказки: «Одной девочке на день рождения подарили ларчик. Долго она не решалась его открывать» [8].

4. Сказки от МФА (метод морфологического анализа). Для того, чтобы осмыслить этот метод, автор методики предлагает пользоваться табличкой, в которую заносятся некоторые особенности тех новых предметов, образов (живых и неживых, реальных и фантастических), которые хотели бы придумать путем соединения различных параметров.

Например, нам нужно изобрести новый карандаш. Для реализации необходимо составить табличку, в которой по вертикали нами будут указаны материалы, а по горизонтали – варианты его возможной формы, например, круглый, ребристый и т.д.. На пересечении придуманных параметров и будет найден вариант нового, изобретенного нами карандаша. Таким образом, мы получаем примерное начало сказки о волшебном пластилиновом карандаше в виде указки [8].

5. Случайные сказки. Как отмечает Л.Б. Фесюкова, «...следует лишь умело подбирать их с учетом возраста детей, их настроения и ряда других факторов. Когда дети научатся продолжать сказочное развитие предложенных взрослыми случаев, крайне важно направлять внимание ребят на использование случаев из их реальной или воображаемой детской жизни».

Автор предлагает такой случай: «Однажды девочка упала с дерева и дала папе слово никогда больше не лазить на деревья. Как-то раз девочка увидела маленького котенка, который никак не мог слезть с дерева и жалобно пищал. Как он там оказался? Очень хотелось помочь котенку и в то же время сдержать слово, данное папе...» [8].

6. Изменение ситуации в знакомых сказках. Совместно с учителем учащиеся договариваются что-то изменить в знакомой сказке. Вначале в ней меняется совсем немного, и этим побуждаем ребенка придумывать.

Например, «Золушка, убегая от принца, потеряла не туфельку, а что-то другое. И по этому, чему-то другому, принц также нашел ее». Что же потеряла Золушка, и как ее нашел принц? Путем рассуждений, путем проб и ошибок мы вместе двигаемся к возможным ответам: это может быть кольцо, брошка, поясок от платья или какая-нибудь деталь от наряда Золушки (бант). Постепенно дети учатся сами менять ситуации в сказках [8].

7. Сказки по смешанным образам. Под смешанным образом понимается «...один предмет, образ, который объединяется с другим, и в результате получается несуразица, парадокс». Автор советует представлять детям такие явления в виде игровой ситуации.

Например: «Однажды Бабе-Яге надоел порядок на море, и на земле, и в лесу, и высоко в небе. Решила она перепутать всех зверей, рыб, птиц. Когда все спали, она с помощью своего злого волшебства выполнила задуманное: соединила рыбу с черепахой, медведя с зайцем, оленя с быком и т. д.» В этом случае где будут жить новые животные, как мы их будем называть, что может случиться с ними в новых обстоятельствах? По рекомендации Ларисы Борисовны «...еще важнее давать смешанные образы другого, более целесообразного плана и тоже в игровой ситуации» [8].

8. Сказка, но по-новому. По мнению Л.Б. Фесюковой, такой метод позволяет иначе, по-новому, посмотреть на уже знакомые сюжеты. Как отмечает автор, «...вроде бы сказка берется за основу старая, но малышам предлагается наделить главных героев противоположными качествами». Например, семеро козлят становятся злыми и капризными, убегают в лес, а добрый волк помогает козе их найти [8].

9. Сказки от одного слова. Л.Б. Фесюкова рекомендует составлять сказочные истории, «...отталкиваясь от одного слова». Рассказчик самостоятельно придумывает первое слово и начинает сочинять сюжет. Таким словом может быть совершенно любое слово, например, «привет» (сказала лиса зайцу...), или популярные слова «жили-были» (на свете старик...), или простое слово: «мальчик» (жил-был на свете мальчик, который...) [8].

10. Краткие сказки. Придумывание сказки способствует умению оригинально мыслить и кратко говорить. Суть таких сказок состоит в «короткости» и «сказочности». Так, например, осенью учитель или учащийся приносит красивый листочек, в результате чего происходит коллективное сочинение сказки: «Наступила осень. Зеленый кленовый листочек затосковал. Не хотел он желтеть. Но начал. Ведь меньше светило солнышко, прохладнее стали дни. И решил он улететь...» [8].

11. Сказки с новым концом. Автор уточняет, что имеет «в виду сказочные тексты, которые даются, возможно, без концовки», например, нужно дорассказать сказку: «Жил-был мальчик, и были у него мама с папой. Мальчик их очень любил, а они его не очень слушались. Мальчик их воспитывал,

воспитывал, а потом устал и говорит: «Вот что: поживите-ка вы тут без меня, а я пойду куда глаза глядят». И ушел. Шел-шел, и вдруг...» [8].

12. Сказка с середины. По мнению Л.Б. Фесюковой «...научить ребят додумывать середину сказки или рассказа (где, в основном, и развивается сюжет)» возможно благодаря развитию творческого воображения и логического мышления. Например, нужно придумать заголовок и среднюю часть рассказа: «Однажды мы с папой спешили из детского сада. Вдруг мы увидели... Теперь это мой самый лучший друг». А вот концовки нужно тщательно подбирать. Они должны быть интересные, образные, к примеру, такие: «И снова в дождик и в метель Со мной шагает мой портфель», «Чтоб сыта была коровушка моя, Чтобы сливочек Бурёнушка дала», «Может быть, именно эти несколько глотков молока спасли ей жизнь» [8].

13. Частица «не» и новая сказка. Согласно правилам данного метода частица «не» ставится (употребляется) перед существительными, глаголами, например, перед именами героев сказки: Испекла бы ты, бабка, не колобок... Катится, катится не колобок, а навстречу зайчик... и т.д.. В результате частого употребления этой частицы получаем сказку-задачку со всевозможными отгадками-вариациями [8].

Прежде чем переходить к сочинению сказок, следует ознакомиться с алгоритмом, структурой и содержанием сказки. Определиться с темой сказки (например, про любовь, про животных, боевик и др.). Провести анализ героев и образов. На этом этапе выделяются главные и вспомогательные. Герои классифицируются на добрых и злых, на тех, кто герою помогают и которые мешают, а также по выполняемым функциям.

Анализ затруднений, возникающих в ходе рассказа, в которые попадают главные герои. Их можно разделить на внешние и внутренние. Первые предполагают невозможность достичь цели, то есть различные преграды (огромные реки, дремучие леса, чудовища в пещерах и т.д.). Вторые представляют собой недостатки средств, то есть изъяны, и это чаще всего характеристики ресурсной базы человека (трусость, жадность, злость, физическая слабость героев и т.д.). В итоге необходимо продумать способы совладания с затруднениями [2].

Такая работа по обучению сочинению сказок младших школьников способствует развитию у них логического мышления, внимания, памяти, а также творческого воображения, расширению кругозора.

Список литературы

1. Бородич А.М. Методика развития речи детей. М.: Просвещение, 2011. 255 с.
2. Изучение сказок. [Электронный ресурс]. Rusprogram.ru. История Российской культуры – лекции, статьи, публикации, рефераты. Режим доступа: <http://rusprogram.ru/f21> (дата обращения 1.09.2015).

3. Карпинская Н.С. Художественное слово в воспитании. М.: Педагогика, 1972. 143 с.

4. Расскажи мне сказку...: Лит. сказки для детей: Кн. для воспитателей дет. сада, детей мл. шк. возраста, родителей / составитель Э. И. Иванова. М.: Просвещение, 1993. 464 с.

5. Саломатина Л.С. Теория и практика обучения младших школьников созданию письменных текстов различных типов. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2010. 123 с.

6. Сборник программ к комплекту учебников «Начальная школа XXI века». М.: Вентана-Граф, 2014. С. 29.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (1-4 кл.) // Минобрнауки России [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/documents/922>

8. Фесюкова Л.Б. Воспитание сказкой: для работы с детьми дошкольного возраста. Харьков: Фолио, 1997. 464 с.

С. С. Ахтамова *
(Россия, Лесосибирск)

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА НА ОСНОВЕ ЗАДАЧНОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: педагогическое образование, бакалавр, информация, информатизация, компетенция, информационная культура, задачный подход.

В данной статье делается попытка рассмотреть возможности применения заданного подхода при становлении информационной культуры будущего педагога. Актуальность формирования и дальнейшего исследования информационной культуры обусловлены ее значимостью в учебной и профессиональной деятельности будущих учителей.

S. S. Akhtamova
(Russia, Lesosibirsk)

FORMING OF BASICS INFORMATIONAL CULTURE OF THE FUTURE TEACHER BASED ON TASK APPROACH

Keywords: teacher education, bachelor, information, expertise, informational culture, task approach.

This article attempts to examine the possibility of applying this approach to the establishment of an information culture of the future teacher. The urgency of the formation and further study of information culture due to its importance in educational and professional activities of future teachers.

Обновление профессиональной подготовки студента-бакалавра необходимо осуществлять не только за счет уточнения, совершенствования содержания образования, но и за счет существенного обновления *способа освоения этого содержания* в образовательном процессе. Существующий традиционный способ передачи знаний хорош в условиях сформированных профессиональных и учебно-познавательных мотивов у студентов. Но, к сожалению, очень часто вчерашний школьник хорошо владеет только одним способом освоения знаний – произвольным запоминанием, без осмысления, понимания, а, следовательно, и без усвоения этих знаний. Именно поэтому он может знать учебный материал, но не быть компетентным в вопросах его применения. Возникла настоятельная потребность в предоставлении студенту средства усвоения этих знаний, позволяющего превратить знания в компетенцию. В качестве такого средства избрана задача. Возможно, современный уровень информационной образовательной среды и средства

* © Ахтамова С.С., 2016.

информационно-коммуникационных технологий позволят заданному подходу занять достойное место в профессиональной подготовке специалистов, выступая механизмом обновления образовательного процесса.

В философской литературе одни авторы включают в сферу культуры саму деятельность, а другие – ее технологическую основу, т.е. совокупность средств и механизмов, благодаря которым мотивируется человеческая деятельность. Несмотря на различие подходов в рассмотрении категории «культура», общим для них является понимание культуры как целостного явления, центральное звено которого – человек как субъект культурного развития. Не все созданное человеком представляет собой культуру. Понятие «культура» в самом широком смысле выражает качественную характеристику того, насколько конкретные люди сумели возвыситься над своей естественной биологической природой, развив свою вторую – социальную природу. Культурой является лишь то, что направлено на саморазвитие и самосовершенствование человека.

В настоящее время информационная культура признана частью общечеловеческой культуры. Становление информационной культуры педагога выступает важным направлением его профессионального становления. Она отражает его способность к развитию и совершенствованию своих творческих возможностей в решении нестандартных задач профессиональной деятельности.

Становление информационного общества, информатизация образования выдвигают новые требования к информационной культуре педагога. Потребности формирования картины мира учащихся с позиции информации и информационных процессов, использования новых источников информации и способов ее передачи, современных возможностей обеспечения коммуникационного взаимодействия предполагают существенное обновление содержания и способов получения образования будущих педагогов.

В настоящее время становление информационной культуры студентов-педагогов происходит в большинстве случаев индуктивным путем на основе освоения информационно-коммуникационных технологий и методики их использования в профессиональной деятельности. Не исключая значимости данного направления совершенствования профессионального образования, предполагается важность внедрения дедуктивного способа обучения. Данный способ направлен на формирование теоретической готовности будущего педагога работать в информационной сфере, предполагает теоретическое осмысление проблем *становления информационной культуры педагога на основе задачного подхода*. Для реализации данного подхода выделим три группы задач [1]:

Первая группа – *информационно-теоретические задачи*, направленные на формирование теоретического знания в сфере информационной культуры педагога. В содержании задачи этого типа отражаются ориентировочные направляющие ответа, ограничивающие свободу мыслительного поиска.

Вторая – *диагностико-исследовательские задачи*, отражающие исследовательскую, диагностическую деятельность студента по выявлению личной позиции осмысления проблем становления собственной информационной культуры, формирования информационной культуры учащихся.

Третья – *аналитические задачи*, связанные с реализацией системного принципа при анализе и проектировании педагогического процесса в условиях ИКТ-насыщенной информационной среды, с выявлением структурных единиц этого процесса и функциональным подходом к его анализу с целью повышения эффективности управления в соответствии с ценностными ориентациями педагога.

Решение описанных задач может, с одной стороны, выявлять актуальный уровень информационной культуры бакалавра, с другой стороны, создавать условия для формирования ее нового потенциального уровня. Таким образом, одни и те же задачи могут найти применение на различных этапах становления информационной культуры будущего педагога и позволяют:

задавать основу связей между понятиями, которые предстоит выявить в процессе освоения содержания обучения, при осмыслении теоретической информации;

наполнять содержание обучения личным смыслом в процессе сопоставления различных направлений информатизации образования и своей образовательной траектории в информационной сфере;

формировать аналитические, прогностические, профессиональные умения будущего педагога на основе сравнения идеальных и реальных условий протекания процесса информатизации образования;

обеспечить возможность формирования мотивов профессиональной деятельности, развитие педагогической рефлексии у студентов.

Анализ и оценку уровня решения каждой задачи важно осуществлять по следующим критериям:

степень соответствия предлагаемого решения поставленной проблеме;

уровень анализа всех компонентов условия задачи;

степень вариативности принятия решения;

степень доказательности решения.

Преимущества задачного подхода можно продемонстрировать на примере применения двух систем (вариантов) вопросов по изучаемой учебной дисциплине. Вопросы могут использоваться как при организации процесса освоения содержания учебной дисциплины, так и при организации оценивания уровня знаний студентов по дисциплине.

Первый вариант вопросов отражает линейную структуру содержания учебной дисциплины и предполагает реализацию традиционного подхода к обучению в вузе. Преподаватель читает лекции, последовательно излагая учебный материал, проводит лабораторные или практические работы. Студент обращается к этому материалу, как правило, только при подготовке к зачету. При ответе на любой из поставленных вопросов на зачете достаточно

воспроизвести материал лекции. Однако это ни в коей мере не позволяет выявить уровень понимания, осмысления, усвоения материала. Ответы на такие вопросы отражают уровень запоминания, а также прекрасно позволяют проверить память студента и его добросовестность в процессе обучения и подготовки к зачету.

Второй вариант вопросов отражает нелинейную структуру содержания обучения, предполагает выявление смысловых связей в структуре нового учебного материала, а также установление таких связей с ранее освоенным содержанием обучения. Обучение на основе второго варианта вопросов предполагает создание и использование информационной образовательной среды учебной дисциплины, а также организацию конструктивного диалога всех участников учебного процесса. Информационная образовательная среда учебной дисциплины предполагает наличие обязательных учебных материалов и средств обучения, дополнительных источников информации и условий доступа к ним. Предлагаемые вопросы в данном случае выступают основой для поиска содержательных смыслов в изучаемом материале как в процессе управляемого преподавателем обучения, так и в процессе самообразования, что позволяет каждому студенту выбирать собственные образовательные траектории. При оценивании уровня подготовки студентов по дисциплине данный вариант вопросов позволит выявить реальный уровень понимания, осмысления, усвоения содержания обучения, а также определить потенциальный уровень, намечая пути совершенствования в заданном дисциплиной направлении.

Новые поколения, развиваясь в качественно ином образовательном поле, более интенсивном, эмоционально насыщенном, динамичном, получая широкий доступ к различным информационным источникам, отличаются процессами восприятия и усвоения информации, представлениями о возможном ходе обучения. Новые технологические средства требуют кардинальных изменений в формах, приемах и методах обучения, коренной перестройки педагогического мышления, педагогических технологий. Это вызывает целый комплекс проблем, связанных с вопросами подготовки педагогических кадров, с обеспечением готовности будущих педагогов к профессиональной деятельности в условиях ИКТ насыщенной образовательной среды, с формированием информационной культуры будущего педагога.

Профессионально-педагогическая информационная образовательная среда позволяет превратить знания из целей в средство формирования личности будущего педагога. Использование разнообразных средств обучения, в том числе и информационно-коммуникационных технологий, позволяет сместить акцент со знаний как таковых, на процесс их приобретения, превращая процесс обучения в процесс учения. Важное значение в этом процессе придается способам передачи знаний, способам обучения.

Способ обучения для студентов выступает и как предмет усвоения, и как средство познания и преобразования сферы будущей профессиональной деятельности. С целью повышения эффективности процесса обучения важна

забота о создании атмосферы понимания содержания образования студентами. Для этого в образовательный контекст требуется включать личный опыт студентов, создавать содержательную основу для организации конструктивного диалога между преподавателем и студентом, между студентами, студентом и содержанием образования, развивая навыки самообразования. Одним из таких давно известных, но слабо разработанных способов профессиональной подготовки педагога выступает задачный способ обучения, задающий смысловую основу педагогического общения.

Задачный подход к профессиональной деятельности учителя предполагает формирование собственной системы профессиональных задач, решение и управление процессом. Постановка, решение, управление процессом решения профессиональных задач коренным образом изменяют способ мышления педагога, формируют новый стиль педагогического мышления, отражающий новый способ осмысления действительности, в том числе и педагогической, и закономерностей ее развития для выработки собственной линии поведения и практического действия, новый подход к самому процессу деятельности и ее результату. Компетентность в сфере решения собственных профессиональных задач предполагает умения ставить познавательные и учебные задачи перед учащимися, управлять процессом учения на основе познавательной активности, формируя готовность учащихся к самообразованию как необходимому ресурсу продолжения образования, обеспечивающего его качество.

Система задач, построенная на уровне ориентационной основы способа действий применительно к задачам профессионального содержания, является функциональной системой управления профессиональным становлением педагога, включающая задачи разного уровня трудности и обеспечивающая формирование профессиональной ориентации в выборе целей, определении типа обучения и, следовательно, типа учебной деятельности, использования средств обучения, моделирования поведения и развития профессионально значимых структур личности педагога.

Обучение профессиональной педагогической деятельности с помощью задач основано на интериоризации и экстериоризации функций педагогического управления. Осознанные действия подлежат воспроизведению в профессиональной деятельности. Понимание и знание состава действий переходит в активное поведение, реализацию исполнительских функций, которые являются внешним способом выражения внутренних процессов саморегуляции. Происходит циклический процесс взаимодействия внутренних и внешних действий, в результате которого будущие педагоги овладевают полноценными методами и средствами педагогического управления.

Задачная технология обучения позволяет обеспечивать и взаимосвязи предметной и операциональной сторон обучения, перевод знаний-описаний в знания-предписания, формируя умения будущего педагога перейти от ответов на вопрос «что» к ответам на вопрос «как» в вопросах преобразования объектов

из одно состояние в другое, сущего – в должное и желаемое и т.д., целостно реализуя триаду «осмысление – понимание – усвоение» [1].

Неоднозначность решения предлагаемых задач, многовариантность и многоуровневость возможных решений предлагает студентам и преподавателям основу для обращения друг к другу в поисках общих и различных смыслов, обеспечивая знаниям свойство открытости, определяя цели и содержание педагогического общения. В данном контексте происходит становление студента как субъекта учебной деятельности.

Список литературы

1. Степанова И.Ю. Становление информационной культуры будущего педагога в процессе профессиональной подготовки: учебно-метод. пособие. Красн. гос. пед. ун-т. Красноярск, 2005.

Н. В. Басалаева, Т. В. Захарова *
(Россия, Лесосибирск)

ПРОБЛЕМА СОПРОВОЖДЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: одаренность, интеллектуальная одаренность, одаренный ребенок, образование, сопровождение, психолого-педагогическое сопровождение

В статье рассматривается проблема психолого-педагогического сопровождения интеллектуально одаренных школьников в условиях общеобразовательной школы. Авторами описаны основные стратегии перестройки содержания образования для эффективного сопровождения интеллектуально одаренных школьников.

N. V. Basalaeva, T. V. Zakharova
(Russia, Lesosibirsk)

PROBLEM SUPPORT INTELLECTUALLY GIFTED SCHOOLCHILDREN IN MODERN EDUCATION

Key words: giftedness, intellectually gifted, gifted child, education support, psycho-pedagogical support

The problem of psychological and pedagogical support for intellectually gifted students in a secondary school. The authors describe the main strategies of restructuring the content of education to effectively support intellectually gifted students.

Современный этап развития образования ориентирует общество на создание условий для полноценного развития ребенка, основываясь на целостном подходе к формированию развивающей среды.

Одним из главных механизмов, обеспечивающих максимальный дифференцированный подход в обучении и воспитании детей, становится психолого-педагогическое сопровождение ребёнка. Основные приоритеты психолого-педагогического сопровождения определяют повышенное внимание к личностному развитию детей в учебно-воспитательном процессе и социально-психологической адаптации [3]. Психолого-педагогическое сопровождение – это целостная системно организованная деятельность, в процессе которой создаются социально-психологические и педагогические условия для успешного обучения и развития каждого ребенка в образовательной среде.

* © Басалаева Н.В., Захарова Т.В., 2016.

Теоретическая идея необходимости помощи в ситуации развития нашла свое практическое воплощение в работе психологической службы образовательного учреждения. Это особенно важно в работе с интеллектуально одарёнными детьми, так как деятельность ее направлена на обеспечение двух согласованных процессов: индивидуальное сопровождение детей; системное сопровождение, направленное на профилактику и коррекцию проблемы, характерной не для одного ребенка, а для интеллектуально одарённых подростков в целом [3].

Под сопровождением по мнению Л.М. Шипициной и Е.И. Казаковой понимается метод, обеспечивающий создание условий для принятия субъектом развития оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора. В основе сопровождения лежит единство четырёх функций: диагностики существа возникшей проблемы; информации о существе проблемы и путях её решения; консультации на этапе принятия решения и выработки плана решения проблемы; первичной помощи на этапе реализации плана решения.

Основными принципами сопровождения в условиях жизнедеятельности образовательного учреждения являются рекомендательный характер советов сопровождающего; приоритет интересов сопровождаемого; непрерывность сопровождения; комплексный подход сопровождения; развитие самостоятельности.

Процесс сопровождения можно описать через последовательную реализацию следующих шагов:

- 1) проведение квалифицированной диагностики по проблемам интеллектуальной одаренности;
- 2) информационный поиск форм и методов работы по оказанию помощи, а также специалистов, которые способны помочь в решении проблемы;
- 3) обсуждение возможных вариантов решения проблемы со всеми заинтересованными людьми и выбор наиболее целесообразного пути ее решения;
- 4) оказание сопровождаемому помощи на начальных этапах реализации плана.

Осуществляя психолого-педагогическое сопровождение деятельности педагога и интеллектуально одарённой личности, необходимо учитывать специфику выявления и развития интеллектуальной одаренности [2].

В самом общем виде система сопровождения включает в себя следующие основные направления работы школы: углубленная психолого-педагогическая диагностика степени одаренности ребенка; составление и ведение банка данных по одаренным детям; организация адекватного обучения; индивидуальное и групповое консультирование для педагогов, родителей и учащихся; менторство (наставничество) – индивидуальное систематическое руководство опытного специалиста развитием выдающегося ученика, установление тесной личной связи между ними; организация и проведение предметных декад, конкурсов, смотров и интеллектуальных марафонов для интеллектуально одаренных подростков; психолого-педагогическая подготовка учащихся к городским,

региональным и республиканским олимпиадам, конкурсам и смотрам; содействие в реализации школьниками своих потенциальных возможностей и специальных способностей через разнообразные формы внешкольной работы (кружки, секции, студии, Малая академия наук, пр.); привлечение детей к работе в органах школьного самоуправления, к участию в организации и оформлении школьных мероприятий; подготовка брошюр, книг, статей и других публикаций одаренных детей, а также публикаций о достижениях детей со специальной одаренностью; специальные психологические занятия, направленные на развитие мышления, креативности и социальных навыков (тренинги, мини-курсы и т.п.) [6].

Среди всех этих направлений самым важным, требующим решения, является адекватное обучение одаренных детей. При разработке для них содержания учебной деятельности сложилось несколько стратегических линий. Одни стратегии опираются на изменение количественных характеристик учебной деятельности (объем материала, темп обучения), другие основываются на изменении качественных характеристик образования (новые курсы, характер подачи материала). Количественных стратегий две: ускорение и интенсификация. Стратегия ускорения предполагает увеличение темпа (скорости) прохождения учебного материала. Исследования, проведенные многими специалистами, свидетельствуют о том, что ускорение позволяет одаренному ребенку оптимизировать темп собственного обучения, что благотворно сказывается на общем интеллектуальном и творческом развитии. Отрицательные последствия ускорения редки: бывают отдельные случаи, когда нагрузка не соответствует ни способностям, ни физическому состоянию ребенка. Ускорение осуществляется в таких организационных формах, как: раннее поступление в школу; более быстрый (по сравнению с традиционным) темп изучения учебного материала всем классом одновременно; «перескакивание» одаренного ребенка через класс; радикальное ускорение (возможность заниматься по университетской программе); раннее поступление в ВУЗ. Стратегия интенсификации предполагает не изменение скорости усвоения, а увеличение объема материала, повышение интенсивности обучения. Интенсификация активно используется в практике работы школ или классов с углубленным изучением отдельных предметов.

Качественные стратегии перестройки содержания образования связаны с внедрением в обучение новых развивающих программ и методик для одаренных детей, качественно отличающихся от стандартных. Весь этот спектр мер обычно именуют термином «обогащение». Под ним понимаются, в частности, следующие подходы: индивидуализация обучения, обучение мышлению, исследовательское обучение, проблематизация, разработка программ развития социальной компетенции. Раскроем каждую стратегию.

Индивидуализация обучения. Является одним из основных вариантов качественного изменения содержания образования одаренных. Главным в этой идее является не формирование личности с заранее заданными свойствами по

установленной модели, а создание условий для полноценного проявления и развития специфических личностных качеств одаренных детей.

Обучение мышлению. Это направление работы по целенаправленному развитию интеллектуальных способностей одаренных детей. Увидеть развитие мышления, как самостоятельный предмет учебных занятий, очень сложно. Интеллект – это не то, что может быть «выучено», это то, что служит фундаментом обучения и является закономерным результатом созревания организма. Однако многие педагоги-новаторы уделяют особое внимание специальному, целенаправленному развитию креативности, обучению детей технике и технологии мыслительных действий, процессам эффективного познавательного поиска.

Исследовательское обучение. Главная особенность этого подхода – активизировать обучение, придав ему исследовательский, творческий характер, и таким образом передать учащемуся инициативу в организации своей познавательной деятельности. Самостоятельная исследовательская практика детей рассматривается как важнейший фактор развития творческих способностей.

Проблематизация (проблемное обучение). Этот вид качественного изменения содержания образования предполагает ориентацию на постановку перед детьми учебных проблем. Освоение учебного материала строится таким образом, чтобы дети, во-первых, могли выявить проблемы, во-вторых, найти способы решения и, наконец, решить их. Для этого учащихся необходимо обучать умению видеть проблемы. Особые методические приемы проблемного обучения позволяют достичь того, что учащийся выделяет и ставит проблему, предлагает возможные решения, делает выводы в соответствии с результатами проверки, применяет выводы к новым данным, делает обобщения.

В рамках общеобразовательной школы реализацию данных стратегий должны осуществлять педагоги-психологи, учителя-предметники, оказывая одаренным учащимся содействие в развитии их способностей, но школа не всегда имеет возможности создать условия для дальнейшего развития таких детей.

Главная проблема состоит в том, что те трудности в обучении, с которыми сталкиваются интеллектуалы, не поддаются частной коррекции, а требуют пересмотра всей системы учебно-воспитательного процесса, начиная с подготовки учителя для работы с такими детьми, с составления новых, развивающих программ и, заканчивая, изменением режима дня. Изменения отдельных приемов, форм в обучении одаренных детей мало что дают, так как остается неизменной суть – внутренняя установка учителя, общий подход к одаренным детям. Однако некоторые возможности для развития интеллектуалов есть и у обычной школы. Рассмотрим некоторые из них.

1. «Перескакивание» через класс. Если дети с опережающим развитием остаются среди своих одноклассников, им нечего делать на уроках, поскольку им не хватает умственной нагрузки. Они не хотят решать стандартные учебные задачи, так как они им не интересны. Дети-интеллектуалы быстро теряют

мотивацию к учебной деятельности, вследствие чего снижаются их академические успехи и возникает школьная дезадаптация. Как вариант, можно допустить более гибкий переход из класса в класс. Здесь есть как положительные, так и отрицательные стороны. Плюсы заключаются в том, что если переводить ребенка в старшие классы, не соответствующие его возрасту, но адекватные его умственному уровню, его развитие не будет задержано. Стимулируемые новой информацией, не будут угасать его познавательные потребности. Отрицательными же факторами станут нарушения общения со сверстниками, трудности при вхождении в новый коллектив, состоящий из старших детей. Это может привести к деформации личности.

Однако в педагогике есть опыт перевода через класс не одного ученика, а целой группы детей данный метод предложила С.Н. Лысенкова [4]. В результате снимаются трудности, связанные с адаптацией в коллективе.

2. Ускорение и обогащение обучения в обычном классе. Возможно ускоренное прохождение стандартной учебной программы одним ребенком в рамках обычного класса. Это целесообразнее предпринимать в начальной школе [7]. Иногда бывает полезнее ситуация, когда одаренный ребенок не продвигается быстрее, а получает дополнительный материал к традиционным курсам. Это открывает большие возможности для развития умения работать самостоятельно. Для такой индивидуализации обучения необходимо желание и активность педагога.

3. Создание специальных факультативов для интеллектуально одаренных детей. На таких факультативах могут предлагаться разного рода творческие задачи высокой сложности, рассматриваться проблемы, требующие творческого подхода к их решению. Эти факультативы могут посещать и дети с потенциальной одаренностью.

4. Использование специальных приемов по развитию творческого мышления и воображения на уроках. Упражнения, простейшие изобретательские и формально-логические задачи, которые способны решать одаренные дети в начальной школе, органично «вплетаются» в уроки. Например, упражнение «Конструирование задач». Детям дается несколько математических величин и знаков. Нужно из этого набора сконструировать как можно больше вариантов математических задач. Еще один пример. Даже простая постановка вопроса на уроке – и то может быть разной. Узкие вопросы частного содержания типа «Что у нас сегодня на завтрак?», порождают ответы элементарного уровня. Если же учитель поставит вопрос иначе, например, «Перечислите все, чем мы могли бы перекусить», то это будет вопрос открытого типа, предполагающий перечисление целого ряда пищевых продуктов [5].

5. Использование проблемного обучения с применением таких техник, как мозговой штурм, синектика и др. Для раскрытия внутреннего потенциала креативных учеников необходимо привлекать к посещению факультативов для интеллектуалов и предметных факультативов, к участию в секциях Малой академии наук, студиях, кружках, к самостоятельному исследованию проблем;

использовать на уроках специальные приемы по развитию мышления и воображения, краткие поурочные тренинги; постоянно применять проблемное обучение.

Личность учителя является ведущим фактором любого обучения. Не является исключением и ситуация с учителем для одаренных детей. Исследования показывают, что методика преподавания у прошедших специальную подготовку учителей для одаренных и у обычных учителей примерно одинакова. Заметная разница заключается в распределении времени на виды активности. Учителя, работающие с одаренными, меньше говорят, меньше дают информацию, устраивают демонстраций и реже решают задачи за учащихся. Вместо того, чтобы самим отвечать на вопросы, они предоставляют это учащимся. Они больше спрашивают и меньше объясняют. Заметны различия в технике постановки вопросов. Учителя одаренных больше задают открытых вопросов, помогают обсуждениям, используя вопросы типа: "Что случилось, если бы..?" Они провоцируют учащихся выходить за пределы первоначальных ответов такими вопросами, как "Что ты имеешь в виду?"; "Если она права, то как это повлияет на..?" Они стремятся получить знания, которым хотят обучить, от самих учащихся. И они пытаются гораздо чаще понять, как учащиеся пришли к выводу, решению, оценке. Наибольшее различие состоит в том, как осуществляется обратная связь. Большинство учителей старается прореагировать в речевой или иной форме на каждый ответ в классе. Учителя одаренных ведут себя более как психотерапевты: они избегают реагировать на каждое высказывание. Они внимательно и с интересом выслушивают ответы. Но, не оценивают, находя способы показать, что они их принимают.

Таким образом, сопровождение интеллектуально одаренных детей подросткового возраста представляет собой сложную систему взаимодействия педагога-психолога, учителей-предметников и родителей.

Список литературы

1. Басалаева Н.В., Макарова О.С. Психолого-педагогическое сопровождение интеллектуально одаренных детей подросткового возраста // Человек в изменяющемся мире: сб. науч. статей. Красноярск: СФУ, 2014. С.105-114.
2. Грязева В.Г., Петровский В.А. Одаренные дети: экология творчества. Челябинск: ИПИ РАО, ЧГИИК, 1999.
3. Кривцова В.С. Подросток на перекрестке эпох. М.: Генезис, 1999.
4. Лысенкова С.Н. Когда легко учиться. М.: Педагогика, 1998.
5. Чудновский В.Э. Актуальные проблемы психологии способностей // Вопросы психологии. 1999. № 3.
6. Шадриков, В. Д. Способности человека. М., 1998.
7. Юркевич В.С. Одаренный ребенок: иллюзии и реальность. М.: Просвещение, 1999.

Т. Г. Демидова *
(Россия, Назарово)

ОБУЧЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ ЧЕРЕЗ АВТОРСКИЕ СКАЗКИ

Ключевые слова: обучение, воспитание, сказка, развитие речи.

В статье рассматривается применение сказки как основы формирования знаний детей об окружающем их мире. Они учатся замечать красоту окружающей природы, анализировать поступки героев, учатся добру и нравственности.

T. G. Demidova
(Russia, Nazarovo)

EDUCATION, UPBRINGING AND DEVELOPMENT OF CHILDREN THROUGH THE AUTHOR'S TALE

Keywords: training, tale, speech development/

The article discusses the use of fairy tales as a basis for the formation of children's knowledge about the world around them. They learn to notice the beauty of the natural environment, to analyze the actions of the characters, learning and good morals.

Первое с чем сталкивается ребенок в литературе – это сказки. Первые сказки он слышит из уст мамы, потом он знакомится с авторскими сказками в детском саду, школе. Авторские сказки помогают формировать у ребенка различные качества, умения и навыки, которые ему будут необходимы в его будущей жизни.

Современный мир требует от воспитателя формирования личности, которая должна быть всесторонне развитой, мобильной. Основная часть формирования личности происходит в школе. Однако первой ступенью развития личности является семья, позже ребенок поступает в детский сад, где он получает первые знания о «большом» мире. Инновационные подходы обеспечивают успешное развитие ребенка в детских учреждениях, поскольку инновация – комплексный процесс создания, распространения, внедрения и использования нового практического средства, метода, концепции и т.д. – новшества для удовлетворения человеческих потребностей [4].

Новое может выступать в разных формах и быть:

- принципиально неизвестным новшеством (абсолютная новизна);
- условной (относительной) новизной;

* © Демидова Т.Г., 2016.

- «оригинальничаньем» (не лучше, но по-другому; формальная смена названий, заигрывание с наукой);

- «изобретательскими мелочами» [1].

На основании изложенного выше к числу инноваций относится внедрение в работу сказкотерапии. Сказкотерапия – это процесс поиска смысла, расшифровки знаний о мире и системе взаимоотношений в нем [3]. К тому же сказка это то, что есть в каждом доме, в дошкольный период они читаются детям всех возрастов. Л.Б. Фесюкова основательно описывает работу со сказкой в дошкольном учреждении [5]. Знакомство с этой работой и прохождение курсов повышения квалификации позволили нам определить перспективу нашей работы по внедрению метода сказкотерапии в процесс воспитания, обучения и развития детей.

При разработке и внедрения данного направления в своей работе мы учитывали то, что сказка как основа формирования знаний о жизни известна с незапамятных времен. В ней отражена мудрость наших предков. Ведь не зря есть пословица *«Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок»*. Именно это позволяет в современном мире использовать сказку для формирования основных знаний умений навыков в дошкольном учреждении.

В современной литературе представлено различные способы использования сказки для обучения, воспитания и развития дошкольников. Так, в работе Л.Е. Белоусовой *«Там, на неведомых дорожках...»* представлен опыт внедрения сказок А.С. Пушкина как средства организации досуга [2]. В статье Т.Е. Харзиной изложена методика развития математических представлений по сюжету сказки С. Маршака *«Двенадцать месяцев»*[6].

Совместно с коллегами мы разработали интегрированный недельный цикл занятий по сказке И.В. Ганичева *«Одюдюка»*.

Приводим пример конспекта вводного первого занятия.

Интегрированное занятие по окружающему миру и развитию речи в средней группе.

Тема *«Путешествие в сказочный лес»*.

Задачи: 1) учить узнавать и называть не менее трех видов деревьев; 2) развивать умение вести диалог, работать в компании; 3) воспитывать бережное отношение к природе.

Оборудование: слайд-шоу *«Летний лес»*, слайд-шоу *«Правила поведения в лесу»*, аудиозапись *«Звуки леса»*, макеты деревьев (сосна, ель, береза), шапочка щенка, альбом, карандаши.

Ход занятия

Настрой на работу, приветствие в кругу:

«Собрались все дети в круг,

Я твой друг и ты мой друг.

Крепко за руки возьмёмся.

И друг другу улыбнёмся»

Сюрпризный момент *«Появление щенка Пифа»*.

Пиф: *Здравствуйте, ребята! Давайте познакомимся! Меня зовут Пиф. Как вас зовут? (знакомство в круге). Я принес вам рассказ о своей жизни в сказочном лесу. Слушайте внимательно!*

Чтение сказки: *Жил-был сказочный лес. В жаркую погоду он укрывал своих жителей и гостей от палящих лучей солнца. В дождь давал всем пристанище и защиту. Лес был заботливым и внимательным, и его жители платили ему тем же.*

Каждое утро щенок Пиф подметал лесные дорожки, убирал поломанные веточки и чистил пруд. У него был друг – медвежонок Тимка, который осматривал все деревья и отмечал, какое из них выросло, какое зацвело, а какое нужно полечить. А еще в лесу жил дядюшка – медведь – Михаил Иванович. И был он самым мудрым, добрым и внимательным зверем в лесу. Если у кого-нибудь случалась беда, он всегда приходил на помощь.

Пиф: *А сейчас мы прервемся. Хочу пригласить вас в сказочный лес, в котором я живу. Для этого закройте глаза и произнесите волшебные слова.*

Дети открывают глаза, звучит аудиозапись «Звуки леса», на экране слайд-шоу «Летний лес».

Пиф задает вопросы по слайд-шоу: 1) *Что вы видите на экране?* 2) *Какое время года вы видите?* 3) *А как вы догадались?* 4) *Какие деревья вы видите? (на экране березы, сосны, ели) А как вы догадались?*

Пиф предлагает поиграть в игру «С какого дерева веточка?»

Пиф: *Дети, я утром убирал лесные дорожки. Нашел поломанные веточки, давайте определим, с каких деревьев упали эти веточки?*

Содержание игры: дети берут веточки у Пифа, говорят с какого они дерева и прикрепляют к макету. (В результате игры дети поделились на компании).

Пиф: *Кто еще живет в лесу? (Дети отвечают)*

Пиф: *Молодцы, ребята вы вспомнили и про моих друзей. Медвежонок Тимку и дядюшку медведя – Михаила Ивановича.*

Физкультминутка: *Дети по лесу гуляли, / За природой наблюдали. / Вверх на солнце посмотрели / И их лучики согрели. / Бабочки летали, / Крыльями махали / Дружно хлопаем, / Ножками топаям! / Хорошо мы отдохнули.*

Пиф: *Почему людям нравится в лесу? (ответы детей) Посмотрите, пожалуйста, на экран (на экране лес с мусором). А почему лес стал таким? (ответы детей) Чем мы можем помочь лесу? Как его можно полечить? (Ответы детей).*

Пиф: *Мудрый Михаил Иванович постоянно предупреждает гостей леса о том, что лес нужно беречь. Но не со всеми гостями он может встретиться лично. Давайте поможем ему нарисовать знаки о правилах поведения в лесу, которые он может развешать по всему лесу. (Дети рисуют знаки).*

Примеры: Топор – не рубить живые деревья и кусты. Рогатка – не стрелять. Разбитая бутылка и консервная банка – не оставлять мусор. Сломанная ветка, нож – не ломать веток, не ранить ножом кору деревьев.

Магнитофон – не шуметь в лесу. Костер – не оставлять не затушенный костер. Сорванные цветы – не рвать растения без необходимости.

Презентация рисунков.

Пиф: *Ребята, мне пора! Меня ждут дела. А вам пора возвращаться в детский сад. Для этого вам надо закрыть глаза и сказать волшебные слова.*

Дети становятся в круг и рассказывают, что им понравилось и не понравилось на занятии.

Простая сказочная история, помогла нам в течение недели добиться многого в развитии наших детей. Переход от традиционных занятий к интегрированным занятиям позволяет на одном занятии формировать различные знания и умения. Кроме того если сказка включена в недельный цикл занятий, дети ждут следующего дня, чтобы не только узнать продолжение сказки, но и принять участие в различных играх и забавах, что показал опыт проведения данного цикла в нашем детском саду. В результате дети не только интересовались продолжением сказки, но и предполагали, что их может ожидать дальше, фантазируя. Это позволило разнообразить жизнь детей и вовлечь родителей в совместную деятельность по развитию детей. Для развития детей мы использовали не только уже существующие сказки, но и придумывали совместно с детьми и их родителями.

В любой сказке можно найти именно те элементы занятий, которые традиционно присутствуют в детском учреждении. Например, это может быть ФЭМП, когда ребенку нужно помочь герою сказки пересчитать предметы, разложить по цвету, найти путь домой по инструкции и т.д. Это может быть и развитие речи, когда ребенок помогает герою составить рассказ, описать предыдущего гостя из сказки, дать совет, и т.д. Это может быть и знакомство с окружающим миром, когда ребенок вместе с героем перемещается, то в лес, то на поляну, то к нему в дом, знакомится с его окружением. Это может быть изобразительная деятельность, когда ребенку нужно нарисовать, вылепить, изготовить аппликацию, что-то сконструировать для того чтобы помочь герою сказки преодолеть все трудности. Это и физкультурные занятия, когда ребенок должен принять участие в эстафете, подвижной игре и т.д. Это и музыкальное занятие, когда ребенок не только слушает музыку, поет и танцует.

Конечно, очень трудно объединять все занятия, через сюжет одной сказки, но вполне возможно использовать сказку для развития определенных знаний и умений дошкольника. Главное чтобы это было интересно, весело и интересовало детей. Кроме этого данный метод позволяет создать или подобрать именно тот материал, который будет полезен именно тем детям, с которыми ты работаешь в данное время.

Список литературы

1. Белая К.Ю. Инновации в ДОУ. Справочник старшего воспитателя дошкольного учреждения. № 2. 2009.

2. Белоусова Л.Е. «Там, на неведомых дорожках...» // Дошкольная педагогика. № 4. 2002.
3. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии. СПб., 2002.
4. Полонский В.М. Научно-педагогическая информация: Словарь-справочник. М. 1995.
5. Фесюкова Л.Б. Воспитание сказкой: Для работы с детьми дошкольного возраста. М., 2000.
6. Харзина Т.Е. Конспект занятия по сюжету сказки С. Маршака «Двенадцать месяцев» в подготовительной к школе группе // Дошкольное образование. №8. 2007.

О. А. Дидух, Б. Я. Шарифуллин *
(Россия, Лесосибирск)

**«AVE, MARIA»: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО
ЯЗЫКА В ПРАВОСЛАВНОЙ ГИМНАЗИИ**

Ключевые слова: православная гимназия, преподавание латинского языка, молитва, сравнительный анализ.

В статье представлен мастер-класс по латинскому языку для учащихся Православной гимназии. На занятии рассмотрен текст латинской молитвы «Ave, Maria!» и его перевод на русский и церковнославянский языки.

O. A. Didukh, B. Ya. Sharifullin
(Russia, Lesosibirsk)

**«AVE, MARIA»: THE LATIN LANGUAGE TEACHING
IN ORTHODOX GYMNASIUM EXPERIENCE**

Keywords: Orthodox gymnasium, the Latin language teaching, pray, comparative analysis.

The master-class on Latin for pupils of the Orthodox gymnasium is presented. At the lesson the text of Latin pray «Ave, Maria!» and its Russian and Church-Slavonic translation is discussed.

Латинский язык, а также греческий и, естественно, старославянский (церковнославянский), входят в учебную программу Православных гимназий в РФ как первоначальные языки церковного Богослужения.

В Лесосибирской Православной гимназии эти языки преподавались с момента её открытия в 1995 г., когда основателем и первым директором был настоятель Крестовоздвиженского Собора о. Андрей Юревич, пригласивший одного из авторов данной статьи вести эти предметы, поскольку он преподавал их на филологическом факультете Лесосибирского педагогического института – филиала СФУ. Впоследствии их стала преподавать О.А. Дидух, выпускница филфака, подготовленная специально на кафедре русского языка.

В данной статье представлен в конспективном виде один из мастер-классов по латинскому языку, проведённый О.А. Дидух в 11 классе Православной гимназии по теме «О, Матерь Божья, под твоим покровом имеем мы прибежище от бед». Материалом урока стала известная церковная молитва «Ave, Maria!» («Радуйся, Дево Мария!»).

* © Дидух О.А., Шарифуллин Б.Я., 2016.

«Ave, Maria» – католическая молитва к Деве Марии, названная по её начальным словам. Эту молитву называют также ангельским приветствием, или *angelico salutatio*, так как её первая фраза представляет собой приветствие архангела Гавриила, сказанное им св. Марии в момент Благовещения.

В византийском, т.е. православном обряде молитве «Ave, Maria» соответствует «Песнь Пресвятой Богородице» («Богородице, Дево, радуйся!»).

Дуччо ди Буонинсеня, «Благовещение».

Источником для молитвы послужили два стиха из евангелия от Луки:

Синодальный перевод	Вульгата	Новая Вульгата
Приветствие Ангела (Лк. 1:28)		
Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами.	Et ingressus angelus ad eam dixit: ave, gratia plena, Dominus tecum benedicta tu in mulieribus	Et ingressus ad eam dixit: “Ave, gratia plena, Dominus tecum”.
Приветствие Елизаветы (Лк. 1:42)		
И воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!	Et exclamavit voce magna et dixit benedicta tu inter mulieres et benedictus fructus ventris tui	et exclamavit voce magna et dixit: “Benedicta tu inter mulieres, et benedictus fructus ventris tui.

Молитва «Аве, Мария» вошла в частое употребление с XI века. Папа Урбан IV прибавил к ней заключительные слова: «Иисус. Аминь». С XVI века к ней стали прибавлять следующие заключительные слова, употребляемые и поныне: «Святая Мария, мать Божия, молись о нас грешных, ныне и в час смерти нашей. Аминь».

Приведём полный текст молитвы и её перевод на русский язык:

Текст на латыни
 Ave, María, grátia pléna;
 Dóminus técum: benedícta tu in
 muliéribus, et benedíctus frúctus
 véntris túi, Iésus.

Текст на русском
 Радуйся, Мария, благодати
 полная!
 Господь с Тобою; благословенна Ты
 между женами, и благословен плод

Sáncta María, Máter Déi, óra pro
nóbis peccatóribus, nunc et in hóra
mórtis nóstrae. Ámen.

чрева Твоего Иисус.
Святая Мария, Матерь Божия,
молись о нас, грешных, ныне и в час
смерти нашей. Аминь.

На текст молитвы «Ave, María» написано много музыкальных произведений. Среди авторов музыки – Палестрина, Гуно (на основе прелюдии Баха), Дворжак, Верди, Масканьи (приписываемая Каччини), Лист, Сен-Санс.

Эта информация в доступном и виде представлена на самом занятии.

Латинский язык, наряду с греческим, является мощным корнем мировой цивилизации, он питает все европейские языки. И, конечно, классический язык оставил след и в русском языке. Наша задача показать гимназистам единство языков европейской цивилизации, включая и церковнославянский, в их единстве и разнообразии.

Цель занятия: познакомить гимназистов с молитвенным шедевром, дать представление о значении молитвы в мировой художественной культуре, познакомить учащихся с текстом молитвы на латыни, произвести сопоставительный анализ молитвы на церковнославянском, греческом и латинском, выявить единство языков в их многообразии.

Техническое сопровождение: презентация, видеоролик с пением молитвы на латинском языке.

Оформление в тетрадах:

Lingua latina

XVII October

Dies Mercuri

PRACTICUM XXV

Эпиграф: Ars longa, vita brevis est (Жизнь коротка, искусство вечно), Гиппократ.

Gratias dona mea, Domini (Радости даруй нам, Господь). **Текст молитвы.**

Разминка:

1. Данные через запятую слова входят в известные вам сентенции, назовите их: Terra, Persona, calendae, littera, aspera, vitae, astra. Какие слова в русском языке пришли отсюда? (террариум, территория, персона, календарь, литература, литер, витамин, астра и т.п.).

Проверить на обратной стороне доски: Terra incognita («Неизвестная земля»), Persona non grata («нежелательная личность»), Ad Gratias calendae («до греческих календ», т.е. «никогда»), Per aspera ad astra («Через тернии к звездам»), Littera ministrae vitae est («Литература – учитель жизни»).

2. Вам даны фамилии известных личностей, что их объединяет? Расставьте эти имена в хронологическом порядке?

Ломоносов, Гораций, Державин, Пушкин.

Все эти поэты в разные времена писали стихотворения о «Памятнике», как о возможности оставить своё имя и творчество в веках.

Проверка знаний – чтение «Памятника» («Ad Melpomenae») на латинском языке.

Выход на эпитаф: слова эпитафа известны учащимся по сентенции и оде «Памятник» на латыни.

Ученики должны подобрать заимствованные слова с латинским корнем в русском и английском языках (*монумент* и т.п.).

Новая тема: «Ave, Maria», слово учителя.

Сегодня мы прикоснемся к мировому шедевр на латинском языке, я приглашаю вас окунуться в атмосферу молитвенного единения с Богом. Перед нами молитва, которая соответствует, безусловно, словам Гиппократ: «Жизнь коротка, искусство вечно». Эта молитва является наследием Христианского мира. Но предварить знакомство я хотела бы строками замечательного стихотворенья Николая Павловича Смирнова:

*«Голубою ризою одета, благостно-лучистая лицом,
Ты века сияешь, Матерь Света, над твоим торжественным венцом.
(На доске).*

*Сколько позабытых поколений или к тебе с любовью и тоской,
Сколько душ в жару своих молений обрели и радость, и покой.
Я касаюсь робкими устами тонкого иконного стекла –
И душа, пронзенная грехами, хоть на миг становится светла.
Эти слезы, сердцу дорогие, песнопения, слова, цветы,
Все тебе, Пречистая Мария, образ вековой красоты».*
(Читает учитель).

«Ave, Maria» – возможно, самая популярная из всех молитв св. Деве Марии, Матери Божией. Эта католическая молитва святой Деве, сформировалась она к началу XII века и с тех пор является источником вдохновения композиторов, поэтов и художников.

Чтение молитвы учителем наизусть.

Молитва состоит из двух частей. Первая часть – Библейская – взята из Евангелия от Луки. Она образована соединением текстов приветствия Архангела Гавриила в эпизоде Благовещения (от Луки, 1, 28) вместе с приветствием Елизаветы в эпизоде посещения Елизаветы Марией (от Луки, 1, 42).

Вторая часть – обращение к Пресвятой Деве с прошением «молитесь о нас».

Эту молитву называют также **ангельским приветствием, или angelico salutatio**, так как её первая фраза представляет собой приветствие архангела Гавриила, сказанное им Марии в момент Благовещения.

Просмотр видеоролика.

Чтение учениками

Ave Maria, gratia plena,
Dominus tecum,
benedicta tu in mulieribus,
et benedictus fructus ventris tui, Jesus.
Sancta Maria, Mater Dei,
ora pro nobis peccatoribus,

Дева Мария, радуйся,
Господь с тобою,
благословенна ты в женах
Благословен плод чрева твоего.
Святая Мария, мать Бога,
спасла наши души.

nunc et hora mortis nostrae.

Amen.

И ныне и до смертного часа нашего.

Аминь

Сопоставительный анализ латинского и русского текста:

Напомним алгоритм работы со словом, если мы говорим о единстве языков в их разнообразии: это могут быть заимствования из одного языка в другой, это могут быть родственные по общему корню слова.

gratia	Радуйся	грация
Dominus	Господь	доминанта
benedicta	Благословенна	Бенедикт
fructus	Плод	фрукт
ventris	Чрево	внутри
Mater	Мать	матриархат
mortis	Смерть	мертвый

Чтение стихов учениками:

БОГОМАТЕРЬ

Он не на троне – на Её руке.
Левой ручкой обнимая шею,
Взор во взор, щеку прижав
к щеке,
Неотступно требует... Немею.
Нет ни сил, ни слов на языке...
А Она в тревоге и печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что

лик

В пламени молитвы каждый
миг,
Как живой, меняет
выраженье...

ТЕБЕ

Тебе, Владычица, Мария
Приснодева,
Немолчная Заступница земли,
Мы, распростерты в мраке и
пыли,
Несем свои звенящие напевы.
Пречистая, рабом Твоим
внемли

И отврати от нас мольбою
чашу гнева,
Прими хвалений наших
чистые рубины,
Наш светлый гимн, наш голос
лебединый.

Так в литургийный час
нетленные

Дары Благоухают в блещущем
Потире

Так в плоти действенной, как в
царственной порфире,

Хранился Тот, Кем держатся
миры.

И как святители родной земли
собором

Творят свои мольбы у алтаря,
Так у Престола Вечного Царя
Ты осеняешь нас Пречистым
омофором.

Руно молитв Твоих – как
багряница,

Как радостно блистающий
покров.

Ты – ароматней всех земных
цветов,

Ты неба и земли нетленная
Царица

Чтение молитвы на греческом: читает ученик.

Сопоставительный анализ греческого и русского текстов, заполнение таблицы:

Феотокон – богородица: Феодор, теология, атеист

Парфенос – дева: Парфенон (храм в Афинах)

Евлогия – благо: евангелие, евхаристия, Евдокия, логика

Кириос – Господь: Кирилл, Кир, церковь

Карпос – плод: Карп, карпология

Вывод:

Слово – великое таинство, его жизнь бесконечна, как и жизнь человека – слово оставляет след. Слово, запечатленное в молитву, становится бессмертным.

А.С. Пушкин:

Отцы пустынники и жены непорочны,

Чтоб сердцем возлетать во области заочны,

Оберегать его от дольних бурь и битв

Сложили множество торжественных молитв.

Т. В. Захарова, Н. В. Басалаева *
(Россия, Лесосибирск)

ДИАЛОГ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Ключевые слова: диалог, технология обучения, уровни диалогического взаимодействия, диалогичность, диалог как образовательная технология.

В статье рассматривается сущность диалога как образовательной технологии в условиях общеобразовательной школы. Авторами описаны основные методы применения диалога как образовательной технологии в общеобразовательной школе.

T. V. Zakharova, N. V. Basalaeva
(Russia, Lesosibirsk)

DIALOGUE AS AN EDUCATIONAL TECHNOLOGY: A LOOK AT THE PROBLEM

Keywords: dialogue, education technology, levels of Dialogic interaction, dialogism, dialogue as an educational technology.

The article considers the essence of the dialogue as educational technology in secondary schools. The authors described the main methods of the use of dialogue as an educational technology in a secondary school.

Новый век в образовательной политике ознаменовался выдвижением идеи личностного роста как основного приоритета в обучении [3: 23].

Первыми интерес к проблеме диалогического взаимодействия в образовании проявили такие философы и педагоги, как Сократ, М. Бубер, Х. Гадамер, А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, Платон, Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци Ж.-Ж. Руссо, В.А. Дистервег, К.Д. Ушинский и др. [9:5].

В последнее время достаточно активно исследовались различные аспекты диалогового взаимодействия в образовательном процессе: педагогические приемы организации диалога на уроке, организация профессионального общения педагогов в процессе повышения их квалификации, организационно-педагогические основы развития образовательной активности педагога в процессе повышения квалификации, подготовка учителей к развивающему педагогическому диалоговому взаимодействию с учащимися, формирование культуры диалога специалиста социально-культурной сферы, педагогические возможности диалога в образовании и др. [5: 6].

* © Захарова Т.В., Басалаева Н.В., 2016.

Актуальность темы состоит в том, что общение и диалог между людьми имеет большую теоретическую и практическую значимость в становлении индивидуально-личностного развития ребенка. Тем более что в современной школе придается большое значение личностно-ориентированному взаимодействию учителя с учеником.

Для традиционного процесса обучения всегда существовала и существует своя традиционная технология обучения, характерная для тех методов и средств, которыми преподаватель пользуется при организации и проведении учебного процесса. Технология обучения, с одной стороны, воспринимается как совокупность методов и средств обработки, представления, измерения и предъявления учебной информации, а с другой стороны, технология обучения – это наука о способах воздействия преподавателя на ученика в процессе обучения с использованием необходимых технических или информационных средств [6: 34].

В структуру технологии обучения входят:

- концептуальная основа;
- содержательная часть (цели, содержание обучения);
- процессуальная часть (организация учебного процесса, методы и формы учебной деятельности учащихся; деятельность учителя – управление образовательным процессом, диагностика учебного процесса) [8].

Таким образом, в понятии «технология обучения» следует выделить два слоя: наука или совокупность сведений, необходимых преподавателю для реализации того или иного учебного процесса и сам учебный процесс, его организация, структура и обеспечение. Технология обучения является основой составляющей образовательной технологии [2: 8-9].

В новых образовательных стандартах диалогу отводится значительное место, так как в учебной деятельности диалог – не только форма общения людей, но и метод обучения.

В настоящее время в сфере образования происходит переориентация пространства обучения на личностную сферу учащихся. Диалог в данных условиях является неотъемлемым компонентом, внутренним содержанием обучения, основанным на возможности ученика осознать себя и разбудить собственную активность и внутренние силы, чтобы самому делать выбор, принимать решения и отвечать за них. Само обучение строится как поле диалогических взаимодействий на различных уровнях:

- на уровне формального диалога (диалог как форма общения участников учебного процесса);
- на уровне содержательного диалога (представление в диалогической форме изучаемого содержания);
- на уровне личностно-смыслового диалога (диалог как способ установления ценностно-ориентированного единства.) Это может быть и невербальное эмоционально-эстетическое переживание, и вхождение ученика в своеобразную ауру педагога-мастера, педагога поддерживающего [7].

Диалогичность является одной из сущностных характеристик педагогического процесса, которую он приобретает в новой социальной ситуации, т.к. взаимодействие становится, во-первых, ценностно-смысловым взаимодействием через взаимопроникновение, во-вторых, диалог – оформление, источник личностного опыта ребенка в педагогическом процессе.

Педагогический диалог или педагогическое общение может осуществляться лишь в системе межсубъектных отношений. Поэтому взаимодействие на уровне диалога предполагает наличие специфического межсубъектного пространства, в котором пересекаются индивидуальные смыслы и ценности. В педагогическом процессе такое пространство не возникает само по себе, оно формируется усилиями учителя и ученика. В данном случае педагогическое взаимодействие адекватно индивидуальным возможностям личности обучаемого, способствуя их максимальному проявлению. В ходе подлинного диалога возникают особые ценностно-смысловые отношения, основанные на интересе к его внутреннему миру, его потребностям и интересам [10: 24].

Продуктивно будет говорить о педагогическом процессе, как о диалоговом (или диалогическом) взаимодействии, которое, подразумевая равенство позиции в общении, способствует смысловому взаимопроникновению и ценностному обмену субъектов [1: 66-67].

Таким образом, под определением *диалога как образовательной технологии* мы понимаем форму обмена информацией, позволяющую реализовать одновременно несколько функций: побуждение к проблеме, получение новой информации, более глубокое понимание информации, поиск смыслов, определение системы индивидуальных ценностных ориентаций, утверждение личности, её самовыражение.

Рассмотрим основные методы применения диалога как образовательной технологии учителями общеобразовательной школы:

- проблемно-поисковый диалог;
- учебная дискуссия;
- эвристическая беседа;
- анализ конкретных ситуаций.

1) Проблемно-поисковый диалог – метод, основанный на постановке проблемы и поиска ее решения учениками в ходе специально выстроенного учителем диалога.

- Постановка проблемы – это этап формулирования темы урока или вопроса для исследования.

- Поиск решения – этап формулирования нового знания.

Различают два вида проблемно-поискового диалога:

- Побуждающий диалог состоит из отдельных стимулирующих реплик, которые помогают ученику работать по-настоящему творчески. На этапе постановки проблемы этот диалог применяется для того, чтобы ученики осознали противоречие, заложенное в проблемной ситуации, и сформулировали

проблему. На этапе поиска решения учитель побуждает учеников выдвинуть и проверить гипотезы, т.е. обеспечивает «открытие» знаний путем проб и ошибок.

- Подводящий диалог представляет собой систему вопросов и заданий, которая активизирует и, соответственно, развивает логическое мышление учеников. На этапе постановки проблемы учитель пошагово подводит учеников к формулированию темы. На этапе поиска решения он выстраивает логическую цепочку умозаключений, ведущих к новому знанию.

2) Учебная дискуссия представляет собой целенаправленный и упорядоченный обмен идеями, суждениями, мнениями в группе ради поиска истин, причем каждый из присутствующих по-своему участвует в организации этого обмена идеями. Важно, что организуется поиск нового знания-оценки, ориентира для последующей самостоятельной работы. Для проведения дискуссии класс может делиться на подгруппы от 5 до 10 человек. Чем больше учащихся приучаются мыслить, исходя из контрастных сопоставлений, тем значительнее становится творческий потенциал.

В педагогической практике получили распространение такие формы учебных дискуссий как:

- «Круглый стол» – беседа, в которой на равных участвуют все участники небольшой группы учащихся. Происходит обмен мнениями, как между ними, так и с остальной частью класса.

- «Заседание экспертной группы» – обычно группа учащихся с заранее назначенным председателем вначале обсуждает проблему в группе, а затем излагает свои позиции всему классу. При этом каждый участник выступает с кратким сообщением по проблеме обсуждения.

- «Форум» – обсуждение, похожее на «заседание экспертной группы», в ходе которой эта группа обменивается мнениями с классом.

- «Судебное заседание» – обсуждение, имитирующее судебное слушание дела.

- «Дебаты» – формализованное обсуждение, построенное на заранее фиксированных выступлениях участников двух соперничающих групп (команд). Обсуждение начинается с выступления представителей от каждой из сторон, после чего трибуна предоставляется участникам для вопросов и комментариев.

3) Эвристическая беседа – это вопросно-ответный метод обучения, когда учитель вместо сообщения ученикам готовых знаний заставляет их прийти к новым понятиям и выводам. Осуществляется это путем правильно поставленных вопросов со стороны учителя и задействования учениками своего опыта, имеющихся знаний и наблюдений. Характерной особенностью такой беседы является выдвижение проблемы, которая требует решения. Для этого учитель задает ученикам серию взаимосвязанных вопросов, которые вытекают один из другого. Каждый из подвопросов представляет собой небольшую проблему, но в совокупности они ведут к решению основной проблемы, поставленной учителем. Вопрос здесь играет очень важную продуктивно-познавательную функцию.

4) Анализ конкретной ситуации – метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач, ситуаций. Этот метод способствует развитию различных практических навыков. Они могут быть описаны одной фразой – творческое решение проблемы и формирование умения анализа ситуации и принятия решения. Отличительной особенностью этого метода является создание проблемной ситуации на основе фактов из реальной жизни.

Таким образом, организация диалога в учебном процессе является весьма актуальной задачей для современной школы, так как новые технологии и подходы ориентируют учителя и ученика на умение вести диалог, развивать речевую коммуникацию, общаться. Общение, в свою очередь, можно назвать двигателем человеческой жизни, без которого человек просто не может жить.

Список литературы

1. Архипова В.В. Коллективная организационная форма учебного процесса. СПб.: Интерс, 1995. 135 с.
2. Белова С.В. Диалог – основа профессии педагога: учебно-методич. пособие. М.: АПКИПРО, 2002. 148 с.
3. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
4. Захарова Т.В., Зайцева Т.В., Качурина Т.В. К вопросу о диалоге как об образовательной технологии при изучении математики в основной школе // Materiály X mezinárodní vědecko - praktická konference «Dny vědy – 2014». Díl 15. Pedagogika.: Praha. Publishing House «Education and Science». С.53-56.
5. Липина И.М. Развитие логического мышления на уроках математики / М. Липина, М.И. Моро, М.А. Бантова, Г.В. Бельтюкова и др. М.: Просвещение, 2004. 96 с.
6. Листратенко Н. Диалоговые технологии в воспитательном процессе / Н. Листратенко // Воспитание школьников. 2006. №7. С.5.
7. Машарова Т.В., Ходырева Е.А. Учебная деятельность. Среда. Развитие. Киров: ВГПУ, 1998.
8. Монахов В.М. Технологические основы проектирования и конструирования учебного процесса. Волгоград: Перемена, 1995. 152 с.
9. Панюкова С.В. Информационные и коммуникационные технологии в личностно ориентированном обучении. М.: ИОСО РАО, 1998. 225 с.
10. Цветков В.Я., Омельченко А.С. Инновация и инновационный процесс как сложная система// Качество. Инновации. Образование. 2006. №2. С.10.

Т. И. Киркинская *
(Россия, Барнаул)

МОДЕЛИРОВАНИЕ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ПРИРОДОСООБРАЗНОГО УЧЕБНОГО ДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: языковое развитие, холистический подход, вариантность форм обучения, стенограммы уроков, тренировочные упражнения с текстами.

В статье рассматриваются возможности реализации холистического подхода к языковому развитию человека в школе. Природосообразность исторически является дидактическим принципом обучения. Постоянное внимание в процессе обучения к разнообразным формам отношений между целым и частью помогает сохранить целостное восприятие языка. Стенограммы помогают увидеть слабые стороны урока как учебной модели. Главным признаком живого урока русского языка является наличие реплик, вопросов, языковых ассоциаций, аналогий, ситуаций непонимания, ситуаций обмена вариантами понимания. Приводятся примеры эффективных форм работы с текстами, проверенные на уроках русского языка в школе.

T. I. Kirkinskaya
(Russia, Barnaul)

MODELING LESSONS IN RUSSIAN LANGUAGE AS NATURE CORRESPONDING TRAINING ACTION

Keywords: language development, a holistic approach, variability of forms of education, transcript of lessons, exercises with texts.

The article outlined the possibilities of implementing a holistic approach to human language development in schools. Historically the nature correspondence is the didactic principle of learning. Permanent attention to during training to diverse forms of relationship between the whole and the part of helping to keep the holistic perception of language. Transcripts help see the weaknesses of the lesson as a training model. The main sign of a living lesson of the Russian language is the availability of replicas, issues, language associations, analogies, situations of misunderstanding, understanding options exchange situations. Examples of effective forms of working with texts, tested on the lessons of the Russian language in schools.

Мы рассматриваем в данной статье возможности реализации холистического подхода к языковому развитию человека в школе. Тезисно эта линия выглядит в нашем понимании так:

* © Киркинская Т.И., 2016.

1. Идея холистического подхода предполагает целостное восприятие человека и языка как формы существования человека. Не требует доказательства тезис о том, что «носитель языка усваивает родной язык не намеренно, а «естественно», не заучивает дискретно (ср. *выучить несколько слов по-французски*), а воспринимает целостно, «синтетически», и потому овладевает им автоматически, «автоматизированно», на уровне подсознания» [8: 502]. Заметим, что при школьном обучении языку этот языковой навык, наоборот, дезавтоматизируется; язык дробится на части (темы, правила). Овладение же целостной, внутренней красотой и разнообразием русского языка и речи происходит лишь у некоторых учеников и, фактически, вопреки сложившимся методическим канонам. Поэтому важно спроецировать эту идею в лингводидактическую и методическую плоскости. Разработчиками искусственного интеллекта предложено одно из наиболее перспективных направлений, в котором сочетаются проблемы представления и организации знаний, – процедурная семантика. Цель процедурной семантики состоит в реконструкции и моделировании динамических аспектов понимания, продуцирования языка и мышления. Полагаем, что именно эти процессы важно проектировать и включать в живую ткань урока.

Подчеркнём генеральную идею целеполагания при обучении родному языку, прекрасно сформулированную И.А. Мельчуком: «Когда человек обучается некоторому языку, в чём состоит его цель? Опять-таки в выражении своих мыслей на этом языке и понимании соответствующих текстов. А ведь это есть не что иное, как переход от смысла к тексту и обратно... Необходимым предварительным условием познания и моделирования мышления является познание и моделирование функционирования естественного языка» [6: 131-132].

2. Природосообразность является дидактическим принципом, согласно которому учитель на уроке учитывает природные факторы развития, интересы ребёнка, языковой опыт ученика, приобретённый им в естественной языковой среде. Идеи природосообразности, наглядности, последовательности, сознательности, посильности были провозглашены в деятельности Я.А. Коменского, И.Г. Песталоцци, А.В. Дистервега. Главным признаком живого урока русского языка сегодня является, на наш взгляд, наличие естественных реакций учеников, таких, как непонимание, вопрос, языковая ассоциация, аналогия, ситуация обмена вариантами понимания, реплика. Учителю следует понимать ценность таких моментов урока, уметь их предвидеть и даже «провоцировать».

При проведении педагогической практики в школе в нашем вузе студенты записывают некоторые уроки на диктофон, а затем переводят в бумажный вариант – создают стенограммы уроков. В стенограммах дословно записывается весь ход урока, поэтому легко можно восстановить основные дидактические линии, которыми руководствуется (порой бессознательно) учитель. Анализ этих стенограмм уроков в основном показывает статичное, запланированное «течение» урока. Выполняются стандартные учебные

действия. Языковой материал редко подобран в соответствии с интересом и жизненным опытом учеников. Всплески живого интереса, как правило, не формируют учебные ситуации, обсуждение выносится за пределы урока.

3. Постоянное внимание в процессе обучения к разнообразным формам отношений между целым и частью помогает сохранить целостное восприятие языка. Напомним в этой связи позицию Р. Якобсона о том, что «язык не может быть интерпретирован как изолированное и герметически закрытое целое, а должен рассматриваться одновременно и как целое, и как часть». И далее читаем важное для лингводидактики пояснение: «Структура вербального кода, возможно, представляет собой самый поразительный и сложный пример иерархии отношений между целым и частью. От модели предложения как целого мы переходим к различным синтаксическим образцам предложений, с одной стороны, и к грамматическим составляющим предложения – с другой. Когда мы достигаем уровня слова, то тогда либо само слово как представитель класса слов, либо опять-таки морфологические составляющие слова выступают как части... Важной структурной особенностью языка является то, что ни на одной из стадий расчленения высших единиц на составляющие их части невозможно встретить фрагменты, которые не несут никакой информации» [10: 301-306].

4. Обучение разным видам семантизации языковых единиц должно стать системной лингводидактической идеей, объединяющей целостную природосообразность языковой личности и самого устройства языка. Стоит учесть при моделировании уроков родного языка идею О. Розенштока-Хюсси о языке как надындивидуальной целостности типа "гештальта", как некоего "эфира", в который погружены люди. Язык считается «носителем всех впечатлений, когда-либо бывших в пространстве и времени и, тем самым, именно он обеспечивает непрерывность совокупного человеческого опыта» [7]. Виднейший представитель так называемого неогумбольдтианского направления Й.Л. Вайсгербер связывал особенности языкового развития человека не столько с природными задатками, сколько с его отношением, вниманием к родному языку, с развитостью метаязыкового сознания. На начальной ступени «язык не представляет для человека серьёзной жизненной ценности, служа внешним, «бездушным» орудием коммуникации». Подстраиваясь к родному языку через труд языковых предков, человек становится образованным в языковом отношении, «когда **чистота мышления запрещает ему довольствоваться полупонятным словесным материалом**».

5. Следует также подумать о вариантной основе форм обучения родному языку. Вариантность форм обучения связана, на наш взгляд, по крайней мере, с тремя сферами, задействованными в процессе языкового развития (обучения) ребёнка в школе. Первая обусловлена потенциальной вариативностью элементов языковой системы. Вторая отражает коммуникативный, языковой опыт ученика, который следует рассматривать как множественность вариантов речевого поведения окружающей языковой среды. И третья сфера связана с интерпретационной деятельностью учителя по отношению к учебным

материалам ученика. На пересечениях этих сфер происходит обучение школьников, поэтому важно знать (наблюдать) особенности проявления каждой сферы в каждой учебной ситуации [3; 5].

6. Понимание становится ключевой целью образования. Так, например, авторами образовательной модели «Школа понимания (коммуникативная дидактика)» вводится понятие «учебное понимание» и описываются «четыре уровня учебного понимания: доконтекстный, моноконтекстный, поликонтекстный и перспективный. Предполагается, что специальная организация учебного диалога позволяет двигаться от первого к четвертому уровню понимания» [9: 68]. Понимание, кроме того, связано с преодолением своих представлений, ограничивающих сознание. Происходит **расширение сознания** – тот самый, на наш взгляд, **главный личностный результат**, о котором упоминается в новых образовательных стандартах и описание которого можно найти у философов: «За границами моего опыта и моего понимания лежит *бесконечное* поле *иных* опытов и пониманий... Таким образом, я могу избежать самоотождествления со всем конечным, в том числе и с моим собственным пониманием и опытом» [1: 73].

Приведём примеры эффективных форм работы с текстами на уроках русского языка, позволяющих осуществить новую стратегию обучения «мой языковой опыт – часть опыта человечества». Подробно об этом написано в учебном пособии, где предлагается типология упражнений и описание особенностей разнообразных учебных действий с текстами [2]. Через рассмотрение поля ученических вариантов выполнения конкретного действия с текстом мы получаем ценную информацию о языковом опыте ребёнка и развиваем его общетекстовые умения.

Рассмотрим, например, такое привычное учебное действие, как озаглавливание текста. Этот вид учебной работы тренирует и развивает два важных качества языковой способности – навык вычленения смысловой доминанты на фоне информационной избыточности текста, а также навык сжатия текста без смысловых потерь. Важно обсуждать с учениками варианты полученных заголовков, так как именно на фоне вариантов ученик видит место своего заголовка и начинает осознавать, где и почему он ошибся в понимании текста.

Поле вариантов полезно создавать и обсуждать и в других видах тренировочных упражнений с небольшими текстами:

а) выборочное списывание (варианты исключённых предложений, слов, конструкций, которые не влияют на главную мысль текста);

б) восстановление границ текста (варианты выделения абзацев, границ предложений, словосочетаний);

в) свободная диктовка или фразовое письмо (варианты замены слов, словосочетаний, перестановки и утраты некоторых предложений);

г) клоуз-тест (варианты заполнения пропусков в тексте) и другие.

Итак, подчеркнём: главный образовательный эффект при подобной организации учебной работы с текстами возникает тогда, когда языковой опыт

ученика рассматривается, расширяется через призму вариантов одноклассников, учителя и автора текста. Во-первых, созданное во время учебной коммуникации вариативное поле помогает каждому ученику яснее увидеть «плюсы и минусы» своего варианта. Во-вторых, это помогает приобрести **опыт рассматривания частных элементов текста по отношению к целому**. И тогда целостность текста, как текстообразующее понятие, переходит в восприятии ученика из разряда декларируемых учителем в разряд личных инструментальных средств. Происходит реальное обогащение языкового опыта.

Позитивным следствием описанных выше «вариантных» форм обучения становится также развитие исследовательской, не оценочной позиции учителя по отношению к учебным ситуациям и детским текстам.

Заявленные приоритеты не противоречат современным образовательным стандартам; они побуждают нас к перестройке методической модели урока в ключе идей «активной» функциональной грамматики и природосообразного обучения.

Список литературы

1. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности: Цикл популярных лекций-очерков с приложениями: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 592 с.

2. Киркинская Т.И., Вульфович А.В. Развитие общетекстовых умений школьников на уроках русского языка в 5-9 классах. Типология упражнений: практикум. Барнаул: АлтГПА, 2011. 83 с.

3. Киркинская Т.И. Природосообразное обучение языковой личности в школе: принцип энергетического знания языка и способы его воплощения // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч.2: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник и С. В. Оленева. М.: ЛЕНАНД, 2015. С.344-356.

4. Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013.

5. Максимова Н.В. Синтаксические действия в аспекте развития языковой способности // Слово. Словарь. Словесность: Русский язык в научном, культурном и образовательном пространстве (к 190-летию со дня рождения К.Д. Ушинского): мат-лы Всеросс. научн. конф. 12-13 ноября 2014 г. СПб, РГПУ им. А. Герцена. СПб., 2014. С. 123-128.

6. Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 176 с.

7. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность / пер. с англ. М.: Лабиринт: 1994. 224 с.

8. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. М.: Academia, 2005. 640 с.

9. Троицкий Ю.Л. Уровни и техники учебного понимания // Текст: на перекрёстках понимания, исследования, обучения. Вып. 7. Серия «Вуз – школа: результаты сотрудничества»: сб. науч. статей / под ред. Т.И. Киркинской. Барнаул : АлтГПА, 2013. 184 с.

10. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.

С. В. Мамаева, Т. Ю. Артюхова, В. А. Жаркова *
(Россия, Лесосибирск)

**НАУЧНО-ВНЕДРЕНЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА КАК
ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В РАМКАХ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Ключевые слова: научно-внедренческая площадка, профессиональный стандарт педагога, инновационная деятельность, профессиональные компетенции, дошкольная организация, сетевое взаимодействие.

В статье описывается опыт создания научно-внедренческой площадки в рамках сетевого взаимодействия ЛПИ – филиала СФУ и дошкольной образовательной организации. Показано, что в рамках научно-внедренческой площадки решаются различные задачи, в том числе создаются условия для развития профессиональных компетенций педагогов дошкольной организации.

S. V. Mamaeva, T. Y. Artyuchova, V. A. Zharkova
(Russia, Lesosibirsk)

**SCIENTIFIC FIELDS INNOVATION AS INNOVATIVE FORMS
OF DEVELOPMENT OF THROUGH NETWORKING**

Key words: research and innovation platform, the professional standard of the teacher, innovation, professional competence, pre-school organization, network cooperation.

The article describes the experience of creating a research and innovation platform within the networking LPI – the branch of SFU and pre-school education. It is shown that in the framework of research and innovation platform to address various challenges, including the conditions for the development of professional competence of teachers of pre-school organizations.

Отличительной особенностью любой образовательной организации, претендующей на развитие и соответствие современным требованиям науки и общества, должна быть открытость.

Предназначение дошкольного образования определено в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» как образование, которое «направлено на формирование общей культуры, развитие физических, интеллектуальных, нравственных, эстетических и личностных качеств, формирование предпосылок учебной деятельности, сохранение и укрепление

* © Мамаева С.В., Артюхова Т.Ю., Жаркова В.А., 2016.

здоровья детей дошкольного возраста» [8]. Образовательный процесс в дошкольной образовательной организации обеспечивают педагогические работники, среди обязанностей которых, установленных законодательно, мы выделили лишь некоторые, в частности, они должны «осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне...», «применять педагогически обоснованные и обеспечивающие высокое качество образования формы, методы обучения и воспитания», «систематически повышать свой профессиональный уровень» [8].

Кроме Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», деятельность современной дошкольной образовательной организации (ДОО), регламентируется федеральным государственным образовательным стандартом, в котором сделан акцент на интенсивное внедрение инноваций, новые технологии и методы работы с детьми [7]. В этой ситуации особенно важна профессиональная компетентность педагогов, основу которой составляет профессиональное и личностное развитие педагогов.

Вопросы профессионализма и профессиональной компетентности уже не одно десятилетие становятся предметом пристального внимания ученых-педагогов и ученых-психологов (В.А. Адольф, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Ю.П. Поваренков и др.) [1; 3-5].

Как отмечает В.А. Адольф, «профессиональная компетентность – сложное образование, включающее комплекс знаний, умений, свойств и качеств личности, которые обеспечивают вариативность, оптимальность и эффективность построения учебно-воспитательного процесса» [1]. Исследования А.К. Марковой, Л.М. Митиной, Ю.П. Поваренкова и других ученых посвящены исследованию психологического содержания феномена, его структурным компонентам на примере труда учителя [3-5], подобных работ на примере труда воспитателя крайне мало.

В рамках данной статьи нас интересует вопрос развития профессиональной компетентности педагогического работника ДОО. В условиях г. Лесосибирска для решения поставленных государством задач есть все необходимые условия: система образования представлена практически полным набором всех его уровней: от общего до профессионального.

Инновационные преобразования приобретают системный характер. Продолжается поиск новых форм трансляции лучшего педагогического опыта, который отражает прогрессивные идеи педагогики и психологии и служит надёжным проводником в практику ДОО.

Перестройка деятельности образовательных организаций – требование модернизации системы образования в целом. Взаимодействие образовательных организаций становится инновационной технологией, которая позволяет им развиваться. Вполне оправдано устанавливается форма сетевого взаимодействия между образовательными организациями, которые находятся в рамках одного профессионального поля.

Как отмечают Н.В. Алексахина, Е.Г. Бойцова, Е.М. Чичев, сетевое взаимодействие – это совместная деятельность нескольких образовательных

организаций, «для обучения, взаимообучения, совместного изучения, обмена опытом, проектирования, разработки, апробирования или внедрения учебно-методических комплексов, методик и технологий обучения, воспитания, новых механизмов управления в системе образования» [2].

Именно из такого понимания сетевого взаимодействия возникла идея создания научно-внедренческой площадки ЛПИ – филиала СФУ на базе МБДОУ «Детский сад №41 «Лесная сказка» г. Лесосибирска Красноярского края.

Под научно-внедренческой площадкой (далее – площадка) мы понимаем инновационную структуру, обеспечивающую внедрение и распространение новаций, а также повышение профессиональной квалификации работников образовательной организации по конкретному направлению инновационной деятельности.

Статус инновационной площадки определяется значимостью разрабатываемых новаций для обеспечения развития образовательной системы г. Лесосибирска в целях создания единого образовательного пространства, сочетающего новации и лучшие традиции как российского, так и регионального образования.

Задачи, которые призвана решать площадка, заключаются в совершенствовании политики сотрудничества с образовательными организациями; осуществлении эффективной научно-методической поддержки педагогов образовательной организации научно-педагогическими работниками кафедры русского языка и литературы института; развитии исследовательской и проектной деятельности педагогов дошкольной образовательной организации; планировании тематики, научном редактировании и подготовке к публикации учебно-методических материалов педагогов ДОО; выявлении и применении в практической деятельности ДОО новых по содержанию методов и форм организации образовательного процесса и адекватных им систем управления; описании и апробации результатов и продуктов научно-методической деятельности коллектива.

Исходя из данных положений, руководителями научно-внедренческой площадки был скоординирован план работы, который включает три направления деятельности: учебное, научное и методическое. Каждое из них содержит ряд мероприятий, сосредоточенных на совершенствовании и развитии профессиональных компетенций педагогов ДОО.

Программа инновационной деятельности площадки представляет собой модель желаемого инновационного процесса, определяющего исходное состояние образовательной системы; требование к результатам: описание нового качества образовательной системы, приобретаемого в результате реализации новации; состав и структуру действий по реализации новации.

В соответствие с профессиональным стандартом педагога, утвержденным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, педагоги (воспитатели) дошкольной организации должны развивать такие профессионально значимые компетенции, которые «необходимы для решения

образовательных задач развития детей раннего и дошкольного возраста с учетом особенностей возрастных и индивидуальных особенностей их развития; организовывать виды деятельности, осуществляемые в раннем и дошкольном возрасте: предметная, познавательно-исследовательская, игра (ролевая, режиссерская, с правилом), продуктивная; конструирование, создания широких возможностей для развития свободной игры детей, в том числе обеспечения игрового времени и пространства; знать основные психологические подходы: культурно-исторический, деятельностный и личностный; основы дошкольной педагогики, включая классические системы дошкольного воспитания, современные тенденции развития дошкольного образования, основы теории физического, познавательного и личностного развития детей раннего и дошкольного возраста» [6].

Организация развивающих мероприятий, способствующих росту профессионализма и поддержанию его на оптимальном уровне, – одна из задач, которую призвана решать научно-внедренческая площадка.

Индикатором деятельности научно-внедренческой площадки может служить обновление методик и педагогических технологий, преобладание индивидуальных и групповых форм работы над фронтальными; сочетание самоанализа, планирования и самоорганизации с оценкой партнёров по совместной деятельности, право выбора содержания, форм и методов, планирование и организация деятельности педагога и детей как равноправных партнёров.

Эффективность деятельности научно-внедренческой площадки выражается в высоком уровне мотивации участников педагогического процесса, комфортной предметно-пространственной среде, степени удовлетворения образовательных потребностей со стороны родителей и обеспечения готовности детей к успешному обучению в школе.

Саморазвитие воспитателей посредством мероприятий площадки даёт возможность определить основные преобразования педагогического процесса, которые заключаются в следующем:

- взаимоотношении взрослых с детьми, т.е. стиле педагогического общения, а также в умении устанавливать взаимоотношения детей между собой;
- в содержании форм, методов образования;
- в организации педагогического процесса;
- в обогащении предметно-развивающей среды, создания условий для развития и самореализации личности ребёнка.

Предполагаемые результаты деятельности научно-внедренческой площадки для педагогов ДОО:

- самореализация и саморазвитие педагогов;
- повышение уровня информационной культуры, профессиональных компетенций и способностей педагогов;
- активизация проектной деятельности как механизма реализации ФГОС;

- представление своего опыта на муниципальном и региональном уровнях.

Результатом совместной научной и методической работы преподавателей кафедры русского языка и литературы института и педагогических работников ДОО стало создание «инновационного банка» ДОО. На сегодняшний день он включает в себя коллективные проекты, авторские идеи, методические разработки. Это программы «Тропинка творчества», «Свет», направленные на развитие творческого воображения дошкольников в изобразительной деятельности посредством методов и приемов ТРИЗ; экологический проект «Поможем бабушке Енисею», формирующий экологическое сознание дошкольников, а также патриотизм и любовь к малой родине.

Особого внимания заслуживает разработанное методическое руководство «Мир сказок», направленное на воспитание нравственных качеств дошкольников, предназначенное воспитателям и родителям. В нем дан «повозрастной» перечень сказок, обязательный для чтения детям, описаны основные приемы подачи материала, указаны психолого-педагогические особенности дошкольного возраста, которые необходимо учитывать при прочтении сказки.

Созданы методические рекомендации «Логоритмик» по развитию памяти и начал логического мышления дошкольников; методические рекомендации «Чудеса в решете» по эмоционально-нравственному воспитанию посредством театрализованной деятельности.

В рамках сетевого взаимодействия разработаны следующие проекты:

- «Путешествие по городу и краю», в рамках которого воспитателями и работниками городского музея проведены акции: «Производства города Лесосибирска», «Флора и фауна нашего края», «Знакомство с народами Севера».

- «Знакомство с художниками и их творчеством. Обучение приёмам рисования». Проект реализован воспитателями и работниками городского выставочного зала.

- Совместно с работниками городской библиотеки апробирован проект «Сказка ложь, да в ней намёк».

- Для развития спортивных умений дошкольников вместе с учителями и воспитанниками Лесосибирского кадетского корпуса им. А.Б. Йордана осуществлен проект «КаДетство».

Реализация образовательных программ и проектов включает в себя формирование в микросоциуме дошкольной организации спроса и новых потребностей в сфере образования дошкольников, а также двухсторонний обмен ДОО с окружающей средой, различными типами ресурсов, включая инновационные образовательные разработки – продукты деятельности ДООУ.

Таким образом, именно в рамках сетевого взаимодействия возможна реализация инновационных проектов, к которым, по нашему мнению, относится научно-внедренческая площадка. Участие в работе экспериментальной площадки способствует решению профессиональных задач

работников дошкольной образовательной организации: непрерывное профессиональное совершенствование педагогов ДОО, повышение уровня владения современными научными знаниями и технологиями, позволяющими оптимизировать образовательную деятельность дошкольников и проч., составляющими основу профессиональной компетентности.

В рамках научно-внедренческой площадки происходит совершенствование, развитие компетентности воспитателя, накопление его профессиональных знаний и умений, усложняются свойства и качества его личности. Эти изменения делают возможным перестройку образовательного процесса согласно требованиям современных тенденций образования.

Список литературы

1. Адольф В.А. Профессиональная компетентность современного учителя. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 1998. 118 с.
2. Алексахина Н.В., Бойцова Е.Г., Чичев Е.М. Организация образовательного процесса средствами сетевых технологий // Управление качеством образования. 2014. № 3. С. 58-67
3. Маркова А.К. Психология труда учителя: кн. для учителя. М. : Просвещение, 1993. 192 с.
4. Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал (психологические проблемы). М. : Дело, 1994. 215 с.
5. Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: Изд-во УРАО, 2006. 160 с.
6. Профессиональный стандарт педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель) от 18 октября 2013 № 544н. Режим доступа: <http://xn-80aaaaoadbil fjidjfmsf6a.xn-p1ai/>
7. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования от 17 октября 2013 № 1155. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html>
8. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об образовании в Российской Федерации» Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

С. В. Мамаева, Л. С. Шмульская, И. А. Славкина^{*}
(Россия, Лесосибирск)

РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СПОСОБНОСТЕЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Ключевые слова: филологическая школа, культивирование литературного языка, пропаганда гуманитарных знаний, работа с интеллектуально одаренными детьми.

В статье описывается опыт работы «Филологической школы» на базе ЛПИ – филиала СФУ. Представлены эффективные формы работы с одаренными учащимися в рамках дисциплин филологического профиля.

S. V. Mamaeva, L. S. Shmul'skaya, I. A. Slavkina
(Russia, Lesosibirsk)

RESOURCE CAPABILITIES OF THE PHILOLOGICAL SCHOOL FOR DEVELOPING THE CAPABILITIES OF HIGH SCHOOL STUDENTS

Key words: philological school, the cultivation of literary language, the promotion of humanitarian knowledge, work with intellectually gifted children. The article describes the experience of the "Philological school" on the basis of ABI – branch of Siberian Federal University. Presents effective forms of work with gifted students within the disciplines of philological profile.

Современное культурно-речевое пространство характеризуется достаточно низким уровнем владения русским литературным языком. Ситуация усугубляется ослабевшим интересом к русскому языку как учебной дисциплине, приоритет отдается наукам негуманитарного плана – физике, химии, математике и др. Возможно, это оправдывается современным социально-экономическим положением общества, но язык – это основа национальной культуры, которую необходимо не только развивать и совершенствовать, но и сохранять.

Изменить сложившуюся языковую ситуацию можно только посредством разработки комплекса мероприятий по привлечению внимания подрастающего поколения к русскому языку. Одним из таких мероприятий является проект "Филологическая школа", разработанный кафедрой русского языка и литературы, ориентированный на учащихся 5-11-х классов образовательных организаций г. Лесосибирска и Енисейского района.

^{*} © Мамаева С.В., Шмульская Л.С., Славкина И.А., 2016.

Основная цель проекта заключается в культивировании литературного языка в среде молодежи посредством приобщения к современным достижениям в лингвистике и литературоведении. «Филологическая школа» позволяет решать как образовательные, развивающие, так и воспитательные задачи: познакомить участников с новыми направлениями в лингвистике; пропагандировать речевую грамотность; формировать навыки эффективного письменного и устного общения; формировать у учащихся лингвистическое мышление и языковое чутье; создать условия для формирования самостоятельной творческой деятельности; совместить обучение и отдых посредством общения ученых и школьников.

Обогащение новым материалом происходит при проведении различных игр («Брейн-ринг», «Лингвистический ералаш», «Что в имени тебе моем...»), турниров («Лингвистический турнир», «Битва поэтов», «Словообразовательные баталии»), конкурсов и викторин («Есть сила благодатная в созвучье слов живых...», «Лингвистическая мозаика»), мастер-классов («Поэтическая мастерская», «Лингвистические детективы», «Теории. Факты. Доказательства»).

Одним из нетрадиционных и масштабных событий стали съемки буктрейлеров. Сташеклассники под руководством студентов (участников гранта «ПРОчтение» [3]) создавали небольшие видеоролики, целью которых являлась пропаганда чтения, привлечение внимания к книгам при помощи аудиовизуальных средств. Особый интерес у учащихся школы вызвала книга М. Петросян «Дом, в котором...». В ролике прозвучали фрагменты произведения, был представлен дом, "сыгравший" главного героя книги М. Петросян ", разыграны небольшие сценки " В кофейнике", "На собрании фазанов" и др., в которых школьники пытались передать атмосферу дома и характеры основных действующих лиц. Еще один видеосюжет, который был создан участниками проекта (школьники 5-6-х классов), посвящен книге Астрид Линдгрен "Карлсон, который живет на крыше". Этот видеоролик был продемонстрирован в МБОУ СОШ №1 г. Лесосибирска в рамках мероприятия "Моя любимая книга о дружбе".

Особое внимание в «Филологической школе» уделяется самостоятельной работе, реализующейся в различных формах: индивидуальных заданиях (сочинение-рассуждение на тему «Профессия? – Журналист!», сочинение «Мы говорим на разных языках, живем в одном и том же мире...»), групповых («Портфолио жестов», «Улицы города Лесосибирска: топонимический словарь»), массовых (акции "Слово в кармане", "Слово о тебе", "Что тебе скажет книга...", во время которой школьники раздавали ламинированные карточки с интересными цитатами из книг).

В процессе реализации проекта решается еще одна очень важная и актуальная проблема: выявление и дальнейшее сопровождение интеллектуально одаренных детей. Одним из необходимых условий в работе с такими детьми является принцип, учитывающий специфику интересов,

склонностей учащихся, который реализуется через занятия по собственному выбору ребёнка в рамках дополнительного образования.

В начале 80-х годов предложили отбирать одаренных школьников с помощью академических тестов [1]. Мы же выявляем таких детей, ведя наблюдения на занятиях филологической школы, при проведении ежегодной олимпиады для старшеклассников, Всероссийских чтений, посвященных памяти А.И.Малютиной, находя признаки повышенного интереса к изучению дисциплин филологического цикла. Но главным для нас является позиция ученика - активность, наличие мотива к самосовершенствованию, наличие интереса к изучению русского языка и/или литературы.

В методике работы с одаренными учащимися рекомендуют применять 4 основных подхода: ускорение, углубление, обогащение, проблематизацию [2].

Подход "**ускорение**" предполагает учет потребностей и возможностей определенной категории детей, отмеченных ускоренным темпом интеллектуального развития. Практика показывает, что данная группа школьников немногочисленна. Работа с такими учениками требует особой подготовки, поскольку необходимо выстраивать индивидуальный образовательный маршрут, который может завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным в виде конкретного продукта деятельности. Возможность реализовать эту идею предоставляет актуальная и обозначенная современными стандартами проектная технология. Так, один из проектов, удачно апробированный участниками филологической школы, получил название «Фразеологические пазлы». Цель указанного проекта - способствовать потребности интеллектуального и творческого саморазвития путем активного и сознательного усвоения нового социокультурного опыта. Конечным продуктом работы явились пазлы, коллажи, «живые картины», мозаики. План реализации проекта включал следующие этапы:

1) знакомство с историей создания картины Питера Брейгеля «Фламандские пословицы» (1559 г.);

2) первичная дешифровка фразеологических единиц, изображенных на картине нидерландского художника. Участники самостоятельно находили зашифрованные в картине П.Брейгеля идиоматические сочетания. Отметим, что учащиеся нашли лишь те фраземы, которые имеют соответствия в русском языке (*биться головой о стену; вооружиться до зубов; зависит от того, как карта ляжет; мир перевернулся вверх дном; водить друг друга за нос; жребий брошен; смотреть сквозь пальцы*).

3) установление фразеологических соответствий. Учитель дополняет перечень найденных школьниками фразеологизмов этноспецифическими единицами, зашифрованными в картине П. Брейгеля и описанных культурологами. Пользуясь лексикографическими источниками (фразеологическими, толковыми, историко-этимологическими), участники проекта находят соответствующие идиомы в русском языке. На этом этапе работы дети пытаются объяснить социокультурную специфику зашифрованных художником фразем. Руководителю проекта рекомендуется обратить внимание

обучающихся на частотность использования «этноспецифичных» лексем (*селедка, рыбалка, рыба и т.п.*).

4) создание картины «Фразеологические пазлы». Школьникам предлагается зашифровать русские фразеологические единицы, которые не рассматривались на предыдущих этапах проекта. Форма представления результатов исследований может быть различна: нарисованная картина, «живая картина», коллаж, инсталляция, мозаика и т.д.

Проект относится к творческому типу, однако в процессе его реализации у учащихся формируются исследовательские и информационные умения. Задания подобной тематики способствуют пониманию русского языка как одной из основных национально-культурных ценностей русского народа.

Подход, условно названный "**обогащение**", ориентирован на группу детей, готовых к восприятию качественно иного содержания обучения, с выходом за пределы изучения традиционных тем. Эта категория школьников активно участвует в научно-популярных лекциях. Стоит отметить, что дети являются не пассивными получателями информации, а зачастую выступают в качестве "носителя информации", включаясь в диалог с преподавателем, а иногда и выступая в роли лектора.

Тематика лекций выходит за рамки основной образовательной программы и освещает проблемы, касающиеся современной языковой и речевой ситуации ("Мы сохраним тебя, русская речь!", "Эпизод из истории русского ударения", "Революция в языке"), семиотических явлений в языке ("Особенности номинации шоколадной продукции", "Маршрутное телевидение Лесосибирска", "Язык Интернета"), читательского восприятия и толкования словесно-художественного текста ("Мой Пушкин", "Природа и цивилизация в русской литературе", "Интерпретация драматических произведений в кинематографе", "Жалобы в «Жалобной книге» А.П. Чехова).

По отношению к детям, которые обнаруживают интерес к той или иной проблеме, эффективен подход "**углубление**". Самой оптимальной формой работы с указанной группой школьников является совместная подготовка к научной конференции. В рамках работы филологической школы в течение 10 лет проводятся Чтения, посвященные памяти профессора кафедры литературы Лесосибирского педагогического института Антонины Ивановны Малютиной. Участие в данном мероприятии позволяет школьникам представить свои первые научные изыскания в области региональной филологии. Так совместно с учащимися филологической школы изучались следующие проблемы: топонимика города Лесосибирска, речевой портрет школьников провинциального города, особенности языка региональных средств массовой информации, образ Сибири в русской литературе и культуре, жанровое и стилевое своеобразие произведений писателей Сибири и т.п.

Филологическая школа удачно реализует и такой подход в работе с одаренными детьми, как "**проблематизация**", который предполагает стимулирование личностного развития ребенка. Мастер-классы, организованные преподавателями ("Речи вести - не лапти плести", "Газетные

жанры: интервью", "Лингвистические гонки", "Я б рекламу создавал, пусть меня научат!" и др.), дают возможность сформировать такие качества, как умение ставить и достигать цель; конструктивно общаться со сверстниками и взрослыми; представлять результат своей деятельности.

Несмотря на традиционность описанных выше форм взаимодействия (лекция, мастер-класс, проект, эвристический диалог и т.д.), их роль в углублении филологических знаний школьников неоспорима. Обучение развивается в определенной последовательности: от максимальной помощи преподавателя школьникам в решении учебных задач к последовательному нарастанию собственной активности учеников.

Таким образом, использование различных форм работы ФШ позволяет не только вызвать интерес к изучению русского языка и литературы у школьников, но и формирует потребность к саморазвитию учащихся. Мы пытаемся сделать так, чтобы потенциальные способности ребенка переросли в развивающиеся.

Список литературы

1. Аксенова Э.А. Инновационные подходы к обучению одаренных детей за рубежом [Электронный ресурс] / Э.А. Аксенова // Интернет-журнал "Эйдос". 2007. 15 января. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0115-9.htm>

2. Можилловская И.М. История проблемы одаренности [Электронный ресурс] // Научно-теоретическая конференция «Проблемы одаренности учащихся»: материалы итогового контроля знаний слушателей базовых курсов учителей истории // Витебск: УО «ВОГ ИПК и ППП и СО». 2008. URL: <http://www.vashpsixolog.ru/lectures-on-the-psychology/119-conferences-and-reports-on-psychology/664-scientific-theoretical-conference-problems-of-gifted-students>

3. Селиверстова М.А., Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С., Мамаева С.В., Шмульская Л.С. Актуализация интереса школьников и студентов к чтению художественной литературы // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2. URL: <http://www.science-education.ru/129-22229>

А. И. Пеленков *
(Россия, Лесосибирск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА ОБОБЩАЮЩЕЙ СИМВОЛИКИ В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ключевые слова: символ, знаковая и графическая модель, математическое развитие, приемы и способы использования обобщающей символики.

В статье рассматриваются возможности использования языка обобщающей символики при подготовке студентов педагогических факультетов к проведению уроков математики в начальных классах общеобразовательной школы.

A. I. Pelenkov
(Russia, Lesosibirsk)

THE USE OF LANGUAGE WHICH THE MATHEMATICAL SYMBOLS IN THE PREPARATION OF FUTURE ELEMENTARY SCHOOL TEACHER

Key words: symbol, symbolic and graphical model, mathematical development, techniques and how to use the generalizing symbolism.

This article discusses the possibility of using language which symbols when preparing students of pedagogical faculties to conducting lessons of mathematics in primary school secondary school.

Учитель начальных классов является одной из ключевых фигур в образовательном процессе, поэтому требования к его личностным качествам и профессиональным умениям становятся в настоящее время более высокими. Уровень развития технического прогресса, общий подъем образованности социума, все большая интеграция различных областей научного знания ставят перед современным педагогом очень непростую задачу – грамотно использовать специальную терминологию в процессе обучения и воспитания подрастающего поколения.

В современных педагогических и психологических исследованиях доказано, что математическое развитие младших школьников, также как и развитие детей дошкольного возраста должно сопровождаться процессом моделирования, как одной из основных форм продуктивного мышления. Хорошо известен и тот факт, что одну из серьезнейших проблем, затрудняющих процесс обучения в начальной школе, представляет достаточно

* © Пеленков А.И., 2016.

низкая степень умения ребенка понимать и усваивать постоянно возрастающий объем информации.

В этом случае умение «читать» информацию, передаваемую с помощью символов и знаков, является одним из фундаментальных направлений в современной системе образования. Обратимся к примерам того, как само строение современного учебника математики для начальной школы основано на использовании знаково-символических моделей. Уже с первых страниц любого учебника обучающийся сталкивается с применением условных обозначений, которые направляют и регламентируют его деятельность по изучению того или иного раздела или выполнению отдельного задания.

Современные требования ФГОС НОО определяют необходимость проведения специальной работы с учащимися по изучению знаково-символьных средств познания, к которым относится обобщающая символика. Отечественными исследователями неоднократно подчеркивалось значение развитие у учащихся обобщенного знания, формирование умений кратко представить общий способ действий [1].

Общеизвестным фактом является то, что процесс формирования обобщенного способа действия в своей структуре опирается на многократно повторяющуюся системную зависимость, которая получается при анализе конкретного рода заданий и упражнений. В этом случае следует заметить – определение подобного рода взаимосвязи в конкретных математических примерах и заданиях представляет достаточную сложность, и не всегда имеет доказательную теоретическую базу, доступную для понимания учащимися. Именно поэтому одним из наиболее эффективных приемов для понимания младшими школьниками смысла математического задания является метод моделирования, в основе которого и предполагается использование знаково-символической модели.

Широкое применение данного метода при изучении начального курса математики обусловлено и тем, что благодаря ему у обучающихся активно формируются универсальные учебные действия, составляющие основное содержание учебной деятельности младшего школьника. При этом процесс выполнения математического задания приобретает достаточную степень наглядности, что на первых порах значительно облегчает процесс перехода от оперирования конкретными понятиями и представлениями к абстрактному пониманию сути того или иного математического задания.

Специалистами, занимающимися вопросами использования средств графического моделирования в процессе выполнения учащимися заданий на уроках математики отмечается, что знание обобщающей символика позволяет продемонстрировать ребенку не только суть выполняемого действия, но и наметить общий путь выполнения всего задания. При этом особую группу среди данных действий составляют приемы и методы, которые позволяют использовать различные виды и формы моделирования, а также варианты преобразования ранее составленных моделей с целью выявления общих законов, определяющих данную предметную область [2].

Помимо знания самого предмета и эффективной методики его преподавания, современный учитель должен обладать хорошей эрудицией, научной грамотностью, умением четко и ясно излагать свои мысли, облекая их доступную для понимания младшими школьниками форму. Именно вопросы, касающиеся личностного усвоения будущим учителем начальных классов математических знаков и символов в качестве обогащения своей речи, являются актуальными для рассматриваемой нами проблемы.

Для более глубокого понимания поставленной проблемы постараемся обратиться к более раннему периоду обучения – дошкольному возрасту. Естественно, что специальная работа по математическому образованию с детьми детского сада находится на уровне наглядно-образного, эмпирического мышления, которое в большей степени связано с практическим взаимодействием с объектами окружающего мира. Однако обучение основам наук, с которыми довольно скоро придется столкнуться учащимся начальной школы, потребует умения работать с такими абстракциями как понятия, знаки, символы и т.д. Поэтому уже в дошкольный период становится желательным знакомство ребенка с приемами и способами проявления наглядно-схематического и логического мышления.

Основное внимание при этом, как правило, отводится восприятию и пониманию ребенком условного обозначения, которое придается тому или иному знаку. Замечено, что дети дошкольного и младшего школьного возраста легче и охотнее понимают значение символов и знаков, когда самостоятельно принимают участие в их создании [2]. Именно это стремление к самостоятельному составлению и дальнейшему использованию какого-либо символа ведет к осмысленному использованию его в качестве более лаконичного и краткого раскрытия содержания.

Важно заметить, что процесс «изобретения» личностно значимого для ребенка символа в значительной степени уже влияет на различные аспекты его дальнейшего использования. Так, например, ребенок становится более свободным в своих суждениях о структуре рассматриваемого объекта, активным в поиске наиболее оптимальных вариантов путей решения поставленной проблемы. Однако подобный путь может привести к тому, что придуманный знак не будет понятен другому, поэтому нужно его обоснование, следовательно, необходимо конструировать символ таким образом, чтобы он содержал в своем изображении понятные большинству людей условности. Именно на стремлении всеобщности понимания смысла используемого условного обозначения и строится идея конвенциональности обучения, с которой постепенно знакомятся дети дошкольного и младшего школьного возраста.

К вышесказанному необходимо добавить и то, что помимо понимания символа широким кругом людей, следует также учитывать его простоту и лаконичность в применении, которая является неотъемлемой составляющей для любого условного обозначения и передает красоту математического содержания. Именно этим условиям в полной мере отвечают различные

приемы моделирования, которые достаточно широко используются в предматематический и начальный период изучения математики.

Не являясь сторонником использования приемов и способов наглядно-схематического моделирования при формировании математических представлений у детей дошкольного возраста, мы не советуем полностью отказываться от них, применяя в работе с детьми только наглядные и образные средства обучения. В современных педагогических и психологических исследованиях доказано, что математическое развитие ребенка должно сопровождаться процессом моделирования, обеспечивающим одну из основных форм продуктивного мышления, а поэтому использование моделей, позволяющих перейти от наглядно-образного мышления к абстрактному, по нашему мнению, должно только приветствоваться.

Систематическое и целенаправленное использование разнообразных приемов моделирования, начинаясь с дошкольного возраста и получающих дальнейшее развитие и совершенствование в начальной, а затем и в основной общеобразовательной школе способствует формированию обобщений, необходимых в математическом образовании. Именно поэтому использование на занятиях достаточно простых и понятных ребенку схем, являющихся обозначением смысла арифметического действия, графических моделей к условиям сюжетных задач, приведение примеров нецифровой символики при знакомстве с письменными алгоритмами вычислений оказывает неоценимое влияние на весь процесс математического развития учащихся [3].

В нескольких фразах обозначим, основные способы использования обобщающей символики в процессе математической подготовки будущих учителей начальных классов.

Рассматривая процесс формирования грамотной математической речи будущего учителя начальных классов посредством использования математической символики, постараемся выделить, на наш взгляд, несколько наиболее важных приемов и способов.

Одним из таких способов может по праву считаться прием *вербализации представляемого символа различными вариантами*. Рассматривая суть данного приема в непосредственной практической деятельности учителя, следует отметить, что уже на достаточно раннем этапе обучения, у младших школьников формируется умение использования произвольных символов в качестве обозначения количественных и порядковых характеристик при изучении чисел и выполнении арифметических действий. Данная деятельность, как правило, сопровождается подробным словесным описанием, как самого используемого знака, так и обозначения смысла действия, которое он обозначает. В этом случае у младших школьников развивается умение воспринимать различные варианты прочитанных учителем выражений, способность определить в них закономерность и отличительную особенность, заключающуюся в высказывании.

Именно поэтому будущий учитель должен быть готовым к различным вариантам грамотного с математической и лингвистической точек зрения

построения фразы, раскрывающей суть математического задания. Ему крайне необходимо использовать в своей речи широкий арсенал слов как математического содержания (компоненты арифметических действий, символы, отношения и др.), так и часто употребляемых в обыденном языке.

Следующий способ использования символики на развитие речи можно выделить как *цикличность и системность получения информации математического содержания*. Суть его заключается в том, что опираясь на уже имеющийся опыт описания некоторого символа, его значение по мере углубления уровня знания также становится более объемным. Рассматривая на конкретных примерах действие данного способа, можно отметить, что постепенное накопление опыта математической деятельности приводит к расширению понимания смысла математического содержания, выраженного в каком либо символе и знаке. Получив первоначальное представление об использовании обобщенных символов при изучении числа и арифметического действия, младшие школьники переходят к их применению при решении текстовых задач, уравнений и неравенств, тем самым расширяя личностные и метапредметные результаты своей деятельности, развивая универсальные учебные действия.

Будущему учителю начальной школы также необходимо быть готовым к тому, что среди способов знакомства младших школьников с использованием обобщающей символики на уроках математики могут широко применяться задания, связанные с *составлением модели по словесному описанию*. Отмечая значение данного вида работ на математическое развитие младших школьников, следует обратить внимание на то, что умение восприятия информации «на слух» является одним из условий успешного овладения математической терминологией и формирует у учащихся некий образ, позволяющий конкретизировать содержание предлагаемого задания.

Продолжением работы с учащимися по формированию умений использовать обобщающую символику могут явиться задания, связанные с *личностной творческой интерпретацией и преобразованием модели из одной вида в другой*. Подобного рода работа позволяет не только выявить и проверить умения младших школьников в использовании приемов моделирования к соответствующему учебному заданию, но и на более высоком качественном уровне понять принципы построения различных видов моделей.

Особую значимость при работе с учащимися имеет прием *раскрытия смысла модели и ее перевод на «жизненный» язык*. Особое значение данный прием может приобретать при знакомстве младших школьников с элементами алгебры. Общеизвестно, что данный раздел математики отличается наибольшей степенью обобщенности среди других. Именно овладение основными алгебраическими понятием способствует тому, что ребенок перестает использовать конкретные числовые выражения, а в большей степени привыкает пользоваться общими суждениями, понимать зависимость между объектами. Особенностью математического развития младших школьников при этом является и тот факт, что получение нового знания и формирование

практических умений осуществляется не с помощью непосредственного сравнения способа выполнения того или иного задания, а в большей степени благодаря сравнению только характеристик математических объектов, включенных в его содержание.

Отмечая значимость использования обобщающей символики при обучении младших школьников на уроках математики, также следует заметить, что владение математическим языком, алгоритмами, элементами математической логики позволяет ученику совершенствовать свою коммуникативную деятельность, аргументировать свою точку зрения, строить логические цепочки рассуждений; подтверждать или опровергать истинность каких-либо предположений.

Успешное владение обобщающей символикой также позволяет ученику самостоятельно характеризовать свои знания по предмету, формулировать вопросы, устанавливать, какие из предложенных математических задач могут быть им успешно решены и в целом развивает познавательный интерес к математической науке.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, утвержден приказом Мин. обр. науки России №373 от 6 октября 2009 г.

2. Царева С.Е. Методика преподавания математики в начальной школе: учебник для студ. учреждений высш. образования. М.: Академия, 2014. – 496 с.

3. Шадрина И.В. Методика преподавания начального курса математики: Учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. – 278 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.biblio-online.ru/thematic/?1&id=urait.content.DF67F11A-228B-47F9-AE6D-75F48EDD86E4&type=c_pub

Л. З. Подберезкина *
(Россия, Красноярск)

МОТИВАЦИЯ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБУЧЕНИЯ (ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: система управления, качество образования, менеджмент качества, мотивация преподавателей.

В статье рассмотрена актуальная для всей образовательной системы Российской Федерации проблема управления качеством образования и представлены предложения по повышению качества образовательных услуг посредством мотивации. Мотивация преподавателей рассматривается как ключевой инструмент управления качеством обучения студентов как конкурентоспособных специалистов на рынке труда.

L. Z. Podberezkina
(Russia, Krasnoyarsk)

MOTIVATION AS WAY OF QUALITY MANAGEMENT OF TRAINING (HUMANITARIAN ASPECT)

Keywords: control system, quality of education, quality management, motivation of teachers.

In article the problem of quality management of education, actual for all educational system of the Russian Federation, is considered and offers on improvement of quality of educational services by means of motivation are submitted. The motivation of teachers is considered as the key instrument of quality management of training of students as competitive experts in labor market.

«Одно из значительнейших средств заставить людей выполнять свои обязанности состоит в том, чтобы не предписывать их людям по произволу, а показывать им неразрывную связь между их обязанностями и их счастьем»

Клод Адриан Гельвеций
«Мысли и размышления»

По мнению многих политологов, экономистов, ученых-исследователей, ключевые проблемы современной России связаны с неэффективностью внутреннего управления на всех уровнях. Как отмечает Ю.Ю. Рассыпнова, «на первых этапах проведения последней экономической реформы в нашей

* © Подберёзкина Л.З., 2016.

стране мало внимания уделяли обоснованному построению управления. Новые системы управления рождались чаще всего спонтанно, по прагматическим потребностям, политическим мотивам или в подражание зарубежному опыту. Но на этапе неожиданного углубления экономического кризиса мы стали понимать, что управлением надо заниматься серьезно» [9:87].

В своем докладе по обсуждению бюджета 2016 г. Г.О. Греф отметил, что сегодня потенциал старой экономической модели полностью исчерпан, и выход из сложившейся макроэкономической ситуации – качественной деградации и обветшания российской экономики – заключается в принципиальном развороте к новой стратегии. Новый технологический переворот – это уход от пирамидальной организационной структуры в горизонтальную, что предстоит сделать каждой организации, чтобы стать конкурентоспособной. Системный кризис в России решится только с реорганизацией управления [3].

Отвечая на вопрос В.В. Власенко, почему сегодня у Правительства РФ нет стратегии развития, а есть только прогнозы, Греф подчеркнул, что любая серьезная реформа в России сегодня обречена на провал. Современный мир продвинулся в менеджменте далеко вперед. В современном мире любая организация с точки зрения управления должна быть бимодальной, то есть разделенной на процессный и проектный менеджмент, что предполагает управление текущими процессами одной группой и управление проектными изменениями, созданием реформ, – другой. Бимодальность управления – это применение принципиально разных технологий. Первая часть организации поддерживает текущий бизнес, уровень сервиса (услуги). Нельзя заниматься реформами по ночам и по выходным. Бимодальность заставляет создавать два центра – текущих процессов и преобразований. Это адекватная модель управления реформами, которая требует создания соответствующей структуры и подготовки соответствующих людей. Сегодня у государства эти функции практически отсутствуют. Греф акцентировал внимание на том, что в Советском Союзе была хорошо построена работа с кадрами - развитие кадров, система подготовки и переподготовки, ротации кадров. Сегодня государством эта функция не выполняется. Перегруженные текущей деятельностью министры не могут с этим справиться, поэтому выявление лучших людей, способных делать реформы, – ключевая задача. Сначала необходимо реорганизовать управление и потом уже осуществить реформы [Там же].

Как отмечают Е.И. Степанова, Г.И. Саганенко, в государстве объявлены новые приоритеты, принципиально иначе обозначены ключевые цели и факторы развития. Объявлена программа инновационного развития России, и в этих стратегических задачах образованию отведена особая роль в качестве ключевого фактора самого развития [10].

На ведущую роль образования в наращивании экономического потенциала края и решении экономических проблем указал губернатор Красноярского края В.В. Толоконский. В рамках Гайдаровского форума

"Россия и мир: взгляд в будущее" в докладе на панельной дискуссии "Региональные бюджеты – рецепты обеспечения сбалансированности" 15.01.2016 он подчеркнул, что в будущем рейтинге помимо прочего должны обязательно учитываться качество, продуктивность научно-образовательного комплекса региона, эффективность его корреляции с экономикой.

Справедливо оценивая систему образования как один из немногих ресурсов общества, в принципе обладающих огромным преобразующим потенциалом, имеющим многообразные возможности для продуцирования результатов, которых требует современная эпоха, исследователи полагают, что современное российское образование в значительной степени работает неэффективно, порождает многообразные формы напряженности, теряет значительные массы учащихся для успешной учебы и успешной самореализации в настоящем и будущем. «В последние годы образование в России работает в значительной мере вхолостую, расходуя значительные индивидуальные и общественные ресурсы. Прежде всего это легко обнаруживается на примере высшего образования (низкое качество образования, значительная доля получающих второе высшее по причине неудовлетворенности полученным первым образованием, расстыковка подготовленных специалистов и потребностей рынка труда и мн. др.) [10:100]. Причину сложившейся ситуации исследователи справедливо усматривают в том, что государство вместе с образовательными системами в значительной степени устраняется от решения позитивных задач: «Развитие человеческого потенциала - вопросы воспитания и становления гражданина и полноценного участия людей в общественной жизни, предпосылки профессиональной самореализации, формирование позитивного климата, **достижение личностного благополучия и счастья** (выделено мной – Л.П.) – в настоящее время **подобные цели остаются за рамками образовательных систем**. Не решая позитивных задач, государство тратит огромные ресурсы на преодоление разного рода девиаций» [там же].

Несмотря на развитие новых видов образования (открытое, инклюзивное, самообразование) и форм обучения (дистанционное, электронное), появление возможности получать образование в любом образовательном учреждении, реализацию сетевых форм образовательных программ, система образования слабо реагирует на динамику жизни, кардинальные перемены в мире и стране, новые способы освоения людьми социальных пространств. «В связи с этим встает вопрос о принципиальных возможностях преодоления неадекватных образовательных коллизий и проблем, изменения определенных параметров общей ситуации. Решение видится в изменении целевых функций образования, характера засчитываемых образованию результатов, форматов коммуникации в процессе обучения и по поводу получаемого образования/знания» [10:101].

Таким образом, проблема повышения качества образования является сегодня одной из самых актуальных для всей образовательной системы Российской Федерации [4: 32].

Целью данной статьи является обозначение роли мотивации преподавателей как ключевого инструмента повышения качества образовательного процесса и реализации инновационных образовательных проектов.

Как отмечает В.Г. Сироткин, несмотря на повышенный интерес, проявляемый к исследуемой проблеме оценивания и управления качеством образования, факторов, влияющих на качество образования, сама проблема остается недостаточно изученной [12]. Для того чтобы обеспечить конкурентоспособность вуза на международных рынках образовательных услуг, а его выпускников на рынке труда, необходимо повысить качество этих услуг.

Н.Б. Стрекалова качество высшего образования определяет как «степень его соответствия текущим и перспективным задачам социально-экономического развития общества, требованиям ФГОСТ, потребностям личности, в интересах которой осуществляется образовательная деятельность. Потребителями данной образовательной услуги, определяющими цели высшего образования и обеспечиваемые им образовательные результаты, выступают государство, общество, рынок труда (в лице работодателей), личность (включая семью) и система образования (преемственность ступеней и уровней образования)» [11: 105].

Среди множества подходов к выявлению эффективности управления качеством в целом и средствам его повышения мы выделили как наиболее значимые следующие. По мнению Л.А. Шипиловой, эффективность всеобщего управления качеством зависит от трех главных условий:

- за повышение качества энергично выступает руководитель, предприятия, организации;
- инвестиции вкладываются не в оборудование, а в людей;
- организационные структуры преобразуются или создаются специально под всеобщее управление качеством.

Система менеджмента качества, в свою очередь, представляет собой пять взаимосвязанных компонентов: документированную организационную систему управления качеством, систему мотивации, систему обучения персонала, систему взаимоотношений с поставщиками, систему взаимоотношений с потребителями.

Менеджмент качества сегодня становится ведущим менеджментом организаций. Ни одна организация, не продвинутая в области менеджмента качества, не может сегодня рассчитывать на признание и успех [13].

Концепция управления качеством профессионального образования в новой парадигме управления предметно исследована в [1]. Как отмечает Ю.И. Безуглов, «управление качеством образования – это разработка и осуществление системы мер, позволяющих эффективно предоставлять образовательные услуги такого качества, которое обеспечивает соответствие результата образования требованиям потребителя (обучающегося, заказчиков). Управление качеством образования осуществляется на основе

создания соответствующих условий и ведения образовательного процесса, обеспечивающего достижение поставленных целей образования» [1 : 23].

Система управления качеством профессионального образования, по мнению Ю.И. Безуглова, должна выстраиваться на **основе принципов**, обеспечивающих возможность оценки результативности системы по критериям качества образования. Среди наиболее важных принципов системы управления качеством профессионального образования он выделяет следующие:

1) ориентация всей деятельности вуза на потребителей, от удовлетворения которых зависит конкурентоспособность вуза;

2) непрерывное совершенствование и повышение качества всех процессов образовательной деятельности;

3) обеспечение участия всего профессорско-преподавательского состава вуза и студентов в решении проблемы качества образования;

4) создание системы мотивации качества образования, как для преподавателей, так и для студентов;

5) разработка и использование современных технологий образования;

6) установление соответствия качества образования миссии и цели образования в обществе; воспитание профессионала и гражданина;

7) создание системы мониторинга качества образования на основе объективных показателей состояния качества и оценки тенденций его изменения.

К условиям реализации концепции управления качеством образования исследователь относит:

- наличие модели и программы управления качеством образования;

- культуру управления руководителя и его управленческого аппарата;

- участие коллектива образовательного учреждения в управлении качеством образования [1: 26].

Как считает Ю.И. Безуглов, результаты деятельности системы образования и образовательного учреждения по управлению качеством образования должны отслеживаться с помощью соответствующих критериев. В самом общем виде критерием эффективной работы системы и управления ею является степень достижения поставленной цели. Тогда эта деятельность станет целенаправленной, целесообразной. Цель – это планируемый результат, выступающий как единство желаемого и возможного. Это *опредмеченный* мотив деятельности людей в организации. Цель должна быть актуальна, выполнима, достижима в разумные (заданные) сроки и измерима [Там же].

Очевидно, что цели СФУ – обеспечить конкурентоспособность вуза на международных рынках образовательных услуг, а его выпускников на рынке труда Красноярского края, требуют системы управления качеством обучения с применением системного анализа.

«Системный анализ – это поиск решений и планирование действий от конечной цели к исходному состоянию. Он позволяет выявить соответственно проблему результата, затем проблемы процесса, а затем – проблемы условий, в которых организована деятельность системы. Первым шагом системного

анализа станет выявление разницы между запланированным как цель и достигнутым результатом деятельности (продуктом) – проблемы результата по тем или иным параметрам, а также выявлением причин возникновения (появления) этого несоответствия. Чаще всего причины несоответствия кроются в процессе и условиях. Вторым шагом системного анализа будет выявление проблем процесса, а именно выявлению тех параметров процесса, которые привели к отклонениям полученного результата от заданного целью. Следует наметить пути и способы достижения в процессе требуемого результата. Но отклонения в процессе могли, в том числе, возникнуть из-за проблем в условиях. Третьим шагом системного анализа будет выявление проблем условий, то есть выявлением всего того в имевшихся условиях, что привело к отклонениям в процессе или непосредственно в полученном результате. Эти проблемы условий также следует устранить» [1: 32].

На наш взгляд, несоответствие целей образовательного процесса результатам связано именно с проблемой условий – как внешних, так и внутренних.

Внешние условия заключаются в разрушении системы начального и среднего образования, снижении уровня знаний, недостаточной подготовленности школьников для обучения в вузе. Как пишет Н.Г. Бухарцева, преподаватели высшей школы, работающие с первокурсниками, отмечают не только снижение уровня подготовки будущих абитуриентов, но и качественное изменение способа их мышления. Новая система «измерения» знаний привела к изменению способа преподавания в школе, сориентировала учителя на натаскивание ученика, приближая методику преподавания к репетиторской в ущерб обучающей и развивающей функциям. Уходит в прошлое система обучения как развития учащегося, как способ формирования у него системного мышления, предполагающего наличие таких умений как анализ, систематизация, обобщение, «производство» нового знания. Системное мышление формируется не посредством заучивания правильных ответов на тесты, а в процессе творческого освоения методов науки, изучения ее истории, логики, места в системе человеческих знаний, что позволяет применять системное мышление как основную составляющую успешного обучения в вузе [2: 44]. Не вызывает сомнений тот факт, что снижение уровня подготовки, дисциплины, самостоятельности и мотивированности к обучению – печальная реальность нашей образовательной системы, причем вряд ли можно надеяться на позитивные изменения ситуации в ближайшее время. Резкая дифференциация и общее снижение требований на вступительных экзаменах делает право на получение высшего образования общедоступным, а не правом интеллектуальной элиты, перестает быть доказанным конкурентной борьбой на вступительных экзаменах [Там же].

К внутренним условиям, в которых организована деятельность системы образования, относится превращение образования в сферу экономики, в процесс оказания образовательных услуг, что, как отмечает Н.Г. Бухарцева, превращает преподавателя в производителя, труд которого просто

потребляется. Уходят в прошлое времена, когда преподаватель был «душой» вуза, его интеллектуальной элитой, к которой с уважением относились студенты и администрация. Заплативший за обучение студент, часто по своему тезаурусу с трудом осваивающий образовательную программу и нежелающий прилагать для этого усилий, считает преподавателя виновным в этой ситуации. Со стороны преподавателя требуется значительная доля волевых усилий для осуществления нормального учебного процесса, часть творческого потенциала уходит на поддержание дисциплины и элементарную проверку выполненных заданий, иначе эффективность обучения становится равна нулю [2:47-48].

Другим следствием сложившейся ситуации является проблема кадров системы высшего образования. Перед отдельными вузами России ставится стратегическая задача: войти в ТОП мировых лидеров образовательного процесса. Но при этом не планируется продвижение к ведущим мировым университетам хотя бы по уровню заработной платы или интенсивности нагрузки. Положение российского преподавателя не улучшилось, а ухудшилось по сравнению даже с советским периодом.

По данным социологов, увеличившийся в 4 раза объем образовательных услуг обеспечивается практически той же численностью преподавателей. Обслуживание населения в сфере образования реализуется не только той же численностью преподавателей, что и 15 лет назад, но и преимущественно тем же, но повзрослевшим составом. Интенсивность и низкая оплата труда не привлекают молодежь. Социологи выявляют и существенную феминизацию, преподавателей мужчин становится все меньше из-за низкой оплаты и престижа преподавательского труда [2: 49].

Исследователи отмечают множественную занятость преподавателя, практику чтения большого количества курсов. Работа в разных вузах изнуряет преподавателя, порождает перегрузки, которые не компенсируются соответствующей наградой. В результате снижается мотивация и качество труда по основному месту работы, происходит своеобразный уход преподавателя из вуза. Социологи, исследующие данный процесс, советуют первоочередное внимание обратить **на человеческий фактор как ведущий образовательный ресурс** (выделено мной – Л.П.).

В настоящее время научно подтверждено, что профессиональные деформации развиваются в наибольшей степени у представителей профессий, постоянно действующих с людьми: врачей, педагогов, сотрудников правоохранительных органов, руководителей. Все это приводит к развитию синдрома «эмоционального сгорания», физического и интеллектуального истощения [Там же].

На наш взгляд, причиной несоответствия результата образования требованиям потребителя (обучающегося, государства, заказчиков) и сложившейся в крае парадоксальной ситуации, когда у работодателей есть спрос, а у вузов – ежегодное предложение дипломированных специалистов, однако первые не могут найти себе сотрудников, а выпускники – работу в связи

с несоответствием квалификации требованиям работодателя) лежит в отсутствии **системы мотивации преподавателей по достижению цели обеспечения конкурентоспособности выпускников на рынке труда Красноярского края.**

Слово «мотивация» выступает в психологии в качестве обобщающего обозначения многочисленных процессов и явлений, суть которых сводится к тому, что живое существо выбирает свое поведение, исходя из его ожидаемых последствий, и управляет им [4]. Традиционно мотивация как основной способ управления качеством образования рассматривается прежде всего в аспекте мотивации студентов.

Формы и способы мотивации студентов преподавателями, применяемые нами в разных институтах СФУ, в том числе различные типы интерактивных методов обучения, подробно рассматривались в [5-7].

По мнению А.Л. Воробьевой и А.А. Феськовой, невысокую мотивацию студентов к получению знаний рекомендуется повышать такими методами, как материальное стимулирование, социальное признание заслуг, создание конкурентной среды в студенческом обществе. Учитывая ситуацию на современном рынке труда, предлагается в качестве вида мотивации обязательное обеспечение рабочим местом на достойном и особо значимом в своей области предприятии для тех студентов, которые имеют самые высокие показатели в учебной деятельности. Особым видом является материальная мотивация. Должен применяться персонализированный подход при назначении стипендии отлично учащимся студентам, применение особых льгот или привилегий за превосходные показатели в учебе, снижение стоимости обучения для студентов, обучающихся на платной основе и др. [4].

В целях морального стимулирования студентов и демонстрации особого значения успехов и достижений отличников необходимо внести изменения в уже существующую систему социальной мотивации. Авторами предлагается создание электронной Доски почёта на базе университетской веб-страницы, позволяющей охватить большую целевую аудиторию и тем самым повысить ее значимость и желание студента «попасть» на эту Доску [Там же].

Однако ключевой фактор управления качеством образования – **мотивация преподавателей как основного образовательного ресурса** – не находит отражения ни в концепции, ни в модели менеджмента качества образования.

Между тем «выход из ситуации требует существенного преобразования процесса преподавания как коммуникативного отношения в сторону более высокой оценки преподавательской деятельности, повышения престижа преподавательского труда, индивидуализации образовательного процесса и совершенствования всех форм контроля за самостоятельной работой студента» [2: 50-51].

Именно мотивация преподавателей является основой участия коллектива образовательного учреждения в управлении качеством образования как базового условия менеджмента качества.

Создание системы мотивации как для преподавателей, так и для студентов, является основным принципом системы управления качеством профессионального образования.

Вложение инвестиций не в оборудование, а в людей, как было показано выше, - одно из главных условий эффективности всеобщего управления качеством.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о ключевой роли мотивации в процессе управления качеством образования и о необходимости использовать различные формы и способы мотивации преподавателей в целях его повышения.

Очевидна необходимость применения бимодальной структуры управления организацией как адекватной модели управления на всех уровнях системы. Перегруженные текущей работой министры не могут эффективно осуществлять реформы. Перегруженные преподаватели не могут эффективно заниматься реализацией образовательных проектов (инициатива CDIO и др.) по ночам и в выходные дни. Именно бимодальность в реорганизации управления, разделение на модули управления текущими процессами и преобразованиями, требующими выявления лучших людей, способных делать реформы, позволит, по мнению Г.О. Грефа, решить системный кризис в России.

Применительно к системе управления качеством образования модель бимодального управления должна быть реализована как инструмент мотивации преподавателей, обеспечивающий разворот к человеческому фактору как ведущему образовательному ресурсу.

Только тогда будет реализована главная цель образования - способствовать становлению личности, успешно реализующей себя в частных и профессиональных сферах, способной принять вызовы современной эпохи [10].

Список литературы

1. Безуглов Ю.И., Безуглова Л.П. Управление качеством образования: концепции, критерии, модель // Управление качеством в образовательном учреждении. Вып.3: сб. науч. статей и тез. / Урал. гос. пед. ун-т; Екатеринбург, 2012. С.23-33.

2. Бухарцева Н.Г. Качество образования: коммуникативный аспект// Управление качеством в образовательном учреждении. Вып.3: сб. науч. статей и тез. / Урал. гос. пед. ун-т; Екатеринбург, 2012. С.43-51

3. Бюджет-2016: выступление Германа Грефа <https://www.youtube.com/watch?v=BR4gFIQ5rAU>

4. Воробьева А.Л., Феськова А.А. Мотивация к обучению как средство управления качеством образования// Проблемы управления качеством образования: сб. статей / IX Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: РИО ПГСХА, 2014. С.32-35

5. Подберезкина Л.З. Теоретические и прикладные аспекты делового общения в системе обучения студентов экономического факультета // Методическое обеспечение учебного процесса – важнейший фактор в совершенствовании подготовки специалистов: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Ч.2 / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1997. С. 355-358.

6. Подберезкина Л.З. Моделирование речевого поведения в интерактивном обучении менеджеров (на материале подготовки управленческих кадров) // Филология-журналистика 2006. Красноярск, 2006. С.362-372.

7. Подберезкина Л.З. Мотивация как инструмент инновационной образовательной технологии (на примере коммуникативных дисциплин в Сибирском федеральном университете) // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. Красноярск: СФУ, 2013. Вып. 4. С.317-322.

8. Проблемы управления качеством образования: сборник статей П 78 IX Всероссийской научно-практической конференции -Пенза: РИО ПГСХА, 2014. 116с.

9. Рассыпнова Ю.Ю. Образование менеджера: особенности образовательного процесса// Проблемы управления качеством образования: сб. статей / IX Всероссийской научно-практической конференции -Пенза: РИО ПГСХА, 2014. С. 86-87

10. Степанова Е.И., Саганенко Г.И. Образование как цель и ресурс инновационного развития в современной России// Проблемы управления качеством образования: сборник статей П 78 IX Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: РИО ПГСХА, 2014. С.98-101

11. Стрекалова Н.Б. Качество высшего образования: суть понятия// Проблемы управления качеством образования: сб. статей П 78 IX Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: РИО ПГСХА, 2014. С.101-106.

12. Сироткин Г.В. системный анализ факторов качества образования в вузе // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. № 2(22). 2013.

13. Шипилина Л.А. Внутривузовское управление качеством профессионального образования менеджеров: гуманитарно-культурологический аспект концепции // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». Вып. 2006 // www.omsk.edu.

Н. Л. Чудаева *
(Россия, Абакан)

СТРУКТУРНЫЙ РАЗБОР СЛОВА В УЧЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕГО ТИПИЧНЫЕ ТРУДНОСТИ

Ключевые слова: морфемный и словообразовательный разбор слов, принципы разбора, частичный и полный разбор.

В статье рассматриваются образцы языкового разбора слов (морфемного и словообразовательного), принципы выполнения данных видов разбора в общеобразовательной и профессиональной школах.

N. L. Chudaeva
(Russia, Abakan)

STRUCTURAL PARSING OF WORDS IN LINGUISTIC STUDY LITERATURE AND ITS TYPICAL DIFFICULTIES

Keywords: morphemic and word building (derivative) parsing of words, parsing principles, partial and full parsing.

This article is devoted to samples of language parsing of words (morphemic and word building), the principles of the execution of these types of parsing in secondary and vocational schools.

Особое место при изучении морфемики и словообразования в СОШ и педколледже отводится теоретико-практическим методам, основным из которых является *языковой разбор*, в данном случае – морфемный и словообразовательный. Разбор как метод обучения, основанный на принципе понимания языковых значений, служит средством развития логического мышления, связной речи, языкового чутья и в целом помогает формированию языковой компетенции, включая орфографическую, морфемно-словообразовательную и иные.

Умение разбирать слово по составу включено в программу начальной и основной общей школы, а умение производить словообразовательный разбор слова – в отдельные программы для 5-7 классов.

Как лингвист Н. М. Шанский, методист М. Т. Баранов и многие другие ученые, мы разграничиваем исторический (этимологический) и современный морфемный и словообразовательный разборы слова, понимая их тесную взаимосвязь применительно к производным словам. Определение морфемного состава слова и его словообразовательной структуры – это разные, но

* © Чудаева Н.Л., 2016.

взаимосвязанные виды структурного разбора слов, обусловленные лексическими и морфологическими особенностями слова.

Кратко отметим зависимость принципов и процедуры морфемного и словообразовательного анализа производных слов. Под *принципами выполнения* данных видов анализа мы понимаем основные, исходные теоретические положения, определяющие процедуру разбора слова; *под процедурой* – последовательность тех лингвистических операций, которые необходимы для правильного осуществления анализа слова. За основу в своей работе мы взяли принципы и процедуры морфемного и словообразовательного разборов, описанные в одной из кандидатских диссертаций [2: 20– 31].

Сущность и процедура морфемного и словообразовательного разборов представлена в литературе неоднозначно, но общие принципы хорошо известны. Одной из основных задач морфемного разбора является описание структурных элементов слова, но порядок разбора варьируется. В современной лингвистике существует три основных принципа морфемного анализа слов: принцип «двойного сравнения»; принцип членимости, предложенный А.И. Смирницким; принцип производности, опирающийся на критерий Г.О. Винокура.

Принцип «двойного сравнения» требует: 1) вхождения слова в ряд слов с той же корневой морфемой; 2) одновременного вхождения слова в ряд слов с теми же аффиксальными морфемами. Ср.: *рез-чик, резь-ба, рез-а(ть), раз-рез; развед-чик, перевод-чик, переплёт-чик; о-цен-и(ть), цен-и(ть), рас-цен-к-и.*

Принцип максимальной членимости допускает выделение минимальных структурных частей слова при соблюдении следующих условий: 1) вхождение слова с данной основой в ряд слов с любой отождествляемой частью; 2) наличие некоторого звукового остатка – *ра-дуг-(а)* – см. *дуг(а)*. Использование этого принципа значительно расширяет круг членимых, но непроемных слов.

Принцип производности базируется на словообразовательном анализе и предполагает построение цепочки однокорневых слов, последовательно выводимых друг из друга. Сначала удаляются словоизменительные аффиксы и выделяется основа. Затем, опираясь на критерий Г. О. Винокура, устанавливаются формальные и словообразовательные связи слова. На основе сравнения производных слов с производящими последовательно вычлениваются словообразовательные аффиксы в составе основы.

Все описанные принципы имеют целью обеспечить правильное выявление минимальных значимых частей слова/словоформы. Порядок морфемного разбора в учебной и лингвистической литературе представлен по-разному и, к сожалению, даётся не во всех учебниках и учебных пособиях. Рассмотрим некоторые факты.

План (порядок) морфемного анализа слова

Источник	Информация
Мусатов В. Н. Русский язык,	1. Часть речи. Изменяемая (как изменяется) или неизменяемая. 2. Окончание: а) по характеру формального выражения: материально выраженное или нулевое;

<p>2010, с. 119– 120</p>	<p>б) по наличию вариантов: представлено одним вариантом или несколькими; в) по функции: словоизменительное или синкретичное; г) по характеру грамматического значения (в зависимости от части речи).</p> <p>3. Основа: а) по функции: основа слова или основа словоформы; б) по структуре: членимая или нечленимая; простая или сложная; прерывистая или непрерывная.</p> <p>4. Корень (привести однокоренные слова): а) по наличию вариантов: представлен одним вариантом или несколькими; б) по наличию или отсутствию чередований; в) по степени самостоятельности: свободный или связанный.</p> <p>5. Суффиксы (привести несколько одноструктурных слов с теми же суффиксами): а) по характеру формального выражения: материально выраженные или нулевые; б) по наличию вариантов: представлены одним вариантом или несколькими; в) по функции: словообразовательные или формообразовательные; г) по значению; д) по воспроизводимости: регулярные или нерегулярные; е) по активности: продуктивные или непродуктивные; ё) по стилистической окраске: нейтральные или стилистически окрашенные.</p> <p>6. Приставки (префиксы) (привести примеры несколько одноструктурных слов с теми же приставками): а) по функции: словообразовательные, формообразовательные или синкретичные; б) по значению; в) по воспроизводимости: регулярные или нерегулярные; г) по активности: продуктивные или непродуктивные; д) по стилистической окраске: нейтральные или стилистически окрашенные.</p> <p>7. Постфиксы: а) по функции: словообразовательные или формообразовательные; б) по характеру значения: грамматические (страдательность – страдательный залог) или словообразовательные (возвратность, неопределённость – неопределённые местоимения).</p> <p>8. Интерфиксы, их типы по функции: а) соединительные О, Е; б) «незначимые прокладки», способствующие образованию новых слов.</p> <p>9. Указать условные обозначения морфов (графические): $\bar{\quad}$ $\hat{\quad}$ \square и др.</p>
<p>Николина Н.А. Словообразование современного русского языка. 2005, с. 60– 61.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Определить часть речи и грамматическую форму слова. 2. Выделить формообразующие аффиксы (если они есть в слове), указать их грамматическое значение. 3. Назвать основу, определить её тип: а) компактная – прерывистая; б) простая – сложная; в) членимая – нечленимая. 4. Если основа членимая, выделить основообразующие/словообразующие аффиксы. Указать их функцию, определить значение, охарактеризовать с точки зрения частотности употребления. Назвать морфы, которыми они могут быть выражены. 5. Выделить корень, определить, свободный он или связанный, указать морфы, которыми он может быть представлен. 6. Определить степень членимости основы: а) полная – свободная или связанная; б) достаточная; в) недостаточная. 7. Если в слове произошли исторические изменения, определить их тип и причины.
<p>Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Словарь-справ. 2010, с. 130–131</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Членится ли слово на основу и флексию? Если членится, то нужно выделить окончание и основу. 2. Членится ли основа? Обозначить все виды морфем в основе: корень, приставка, суффикс, постфикс, интерфикс. 3. Опишите морфемный состав слова (словоформы): укажите, сколько морфем представлено, в том числе корневых и аффиксальных, аффиксов словоизменительных и словообразовательных; нужно охарактеризовать каждую морфему с указанием всех возможных морфов.
<p>Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. 2008, Ч. 1. с. 426</p>	<p>Определить лексическое значение анализируемого слова (по толковому словарю русского литературного языка). Произвести структурное членение слова с конца в следующем порядке:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Часть речи анализируемого слова – изменяемая (как изменяется)/ неизменяема. 2. Характеристика окончания (флексии): 1) по характеру формального выражения; 2) по характеру отношения к варьированию – представлено одним вариантом/набором вариантов; 3) по функции – словоизменительное/синкретичное; 4) по характеру грамматического значения в зависимости от принадлежности к той или иной части речи. 3. Характеристика основ: 1) по функции – основа слова/ основа словоформы; 2) по структуре: членимая/нечленимая; простая/сложная; прерывистая/ непрерывна. 4. Характеристика корня: 1) по степени самостоятельности выражения значения – свободный/связанный/полусвязанный; 2) по характеру значения – предметный/ процессуальный/ признаковый (качественный/количественный признак); 3) по характеру варьирования; 4) по наличию/ отсутствию чередований.

	<p>5. Характеристика суффиксов: 1) по характеру формального выражения; 2) по структуре – производные/непроизводные; 3) по характеру варьирования; 4) по функции – словоизменятельные/словообразовательные/ синкретичные; 5) по значению; 6) по способности к воспроизводимости в речи; 7) по стилистической окраске.</p> <p>6. Характеристика приставок: 1) по структуре – производные/непроизводные; 2) по функции – словоизменятельные/словообразовательные/ синкретичные; 3) по характеру значению; 4) по способности к воспроизводимости в речи; 5) по стилистической окраске.</p> <p>7. Характеристика постфиксов: 1) по функции – словоизменятельные/словообразовательные; 2) по характеру значения – грамматические (множественность, страдательность)/ словообразовательные (возвратность, неопределённость).</p> <p>8. Интерфиксы, их типы по функции – соединительные, «незначимые прокладки», способствующие образованию слова.</p> <p>9. Условные обозначения линейной последовательности суффиксов: - ; приставка - ꞑ; постфикс - ꞑ; интерфикс - ↔; нулевой суффикс</p>
<p>Гольцова Н. Г. Русский язык. 2011, с. 47– 49</p>	<p>1. Выделить окончание и основу.</p> <p>2. Дать характеристику основе: производная/непроизводная, простая/сложная.</p> <p>3. Дать характеристику окончанию: материально выраженное/ нулевое или отсутствует.</p> <p>4. Подбором родственных слов выделить корень слова, отметить чередования звуков в корне, если они имеются.</p> <p>5. Подбирая одноструктурные слова, выделить: а) приставку (или приставки); установить, какую функцию (словообразовательную или формообразующую) они выполняют; б) суффикс (или суффиксы); установить, какую функцию (словообразовательную или формообразующую) они выполняют.</p> <p>6. Сделать вывод о морфемном составе слова.</p>

Мы придерживаемся более краткого плана морфемного разбора: 1) определить часть речи; 2) выделить окончание (у изменяемого слова) и основу; 3) найти и выделить корень слова; 4) выделить (при наличии) служебные морфемы – приставку, суффикс, интерфикс, постфикс.

Цель словообразовательного разбора/анализа – показать, как (каким способом и с помощью каких словообразовательных средств) образовалось производное/мотивированное слово, которое чаще всего имеет членимую основу (*набегаться, синева*), но может иметь и нечленимую (*глубь*). Способ словообразования определяется путем сравнения (с синхронных позиций) анализируемого производного слова и его производящей базы, выявления словообразовательного (деривационного) значения аффикса.

Различают *словообразовательный анализ частичный и полный*. При полном словообразовательном анализе выделяются последовательно все его ступени/шаги на уровне словообразовательной цепочки, вплоть до установления непроизводного слова, напр. *уч-и-ть – учи-тель – учитель-ница*.

При неполном словообразовательном анализе определяется способ словообразования на уровне его последней ступени в словообразовательной паре: *учи-тель – уч-и-ть*. Данный вид разбора представлен своими планами. Рассмотрим некоторые образцы из учебной литературы.

План (порядок) словообразовательного разбора слова

Источники	Информация
<p>Мусатов В. Н. Русский язык: морфемика, морфонология,</p>	<p>1. Часть речи. Изменяемая (как изменяется) или неизменяемая.</p> <p>2. Окончание (флексия)</p> <p>3. Основа слова.</p> <p>4. Тип основы: производная или непроизводная.</p>

<p>словообразование. 2010, с. 280</p>	<ol style="list-style-type: none"> 5. Для производной основы указать производящую базу, которая мотивирует производное слово. 6. Словообразовательный формант (дериватор). Тип словообразовательного форманта: аффиксальный или безаффиксный. 7. Тип мотивации: а) единственная или двойственная (множественная); б) полная (основная и периферийная, прямая и переносная) или частичная (метафорическая, косвенная, ассоциативная) 8. Морфологические явления при образовании производного слова: чередование звуков, наложение морфов, усечение производящей основы, интерфиксация, изменение места ударения. 9. Способ словообразования: аффиксальный или безаффиксный. Указать вид аффиксального или безаффиксного способов образования. 10. Словообразовательное значение производного слова (деривата): транспозиционное, модификационное, мутационное, синтагматическое. 11. Тип производного слова: лексический или синтаксический дериват. 12. Словообразовательная модель (тип). Привести несколько слов той же словообразовательной модели. 13. Продуктивна или непродуктивна данная модель (тип) словообразования в современном русском языке.
<p>Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Словарь-справ. 2010, с. 140</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Определите, производно ли данное слово. 2. Если слово производно, выпишите соответствующее производящее слово или (при сложении нескольких производящих), указав стрелкой отношения производности между производящим словом и производным. 3. Покажите графически словообразовательную структуру производного слова, выделив в составе производной основы словообразовательное средство и производящую основу. Если производящая основа претерпела изменения или же при словообразовании использован интерфикс, следует отметить это обстоятельство. 4. Назовите способ словообразования. 5. Укажите словообразовательное гнездо, в которое входит данное производное слово, выделив словообразовательную цепь, включающую анализируемое слово.
<p>Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. 2008, Ч. 1., с. 468</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Часть речи анализируемого слова. 2. Мотивирующее слово. 3. Тип мотивации: полная/частичная (с указанием вида полной или частичной мотивации); единственная (единичная)/ множественная. 4. Производящая база. 5. Словообразовательный формант. 6. Тип форманта (аффиксальный/безаффиксный) 7. Морфологические явления при образовании деривата. 8. Способ образования. 9. Словообразовательное значение деривата. 10. Тип производного слова (лексический/синтаксический дериват). 11. Словообразовательная модель (привести несколько слов того же словообразовательного типа). 12. Характеристика словообразовательной модели с точки зрения её продуктивности/непродуктивности.
<p>Богданова Г. А., Виноградова Е. М. Русский язык. 10 класс. 2013, с. 360</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Начальная форма слова. 2. Толкование лексического значения слова, выделение в нём основы. 3. От какого слова образовано данное; выделение в нём основы. 4. Морфема, с помощью которой образовано данное слово. 5. Способ словообразования.
<p>Гольцова Н. Г. Русский язык 2011, с. 54</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Установить производящую основу для данного слова. 2. Выделить словообразовательные аффиксы. 3. Указать способ образования слова. 4. Выстроить словообразовательную цепочку.

В таблице мы видим варианты планы словообразовательного разбора. За основу мы взяли порядок разбора, предложенный Л. Л. Касаткиным.

В методике обучения языковому языку (А. В. Текучев, Л. П. Федоренко и др.) описаны его методические варианты.

1) По характеру умозаключений различают *разбор-доказательство* и *разбор-суждение*. *Разбор-доказательство* представляет собой дедуктивное умозаключение, воспроизводящее процесс возникновения нового суждения (собственной мысли). При таком разборе преподаватель выслушивает готовые суждения учащихся и следит за тем, как образуются эти суждения, т. е. как применяют учащиеся правила. Использование данного разбора учит подростков рассуждению по строго данному образцу. Напр., морфемный разбор слова *вдалеке*. Корень слова – это общая часть всех родственных слов. (1 посылка) Родственными словами к слову *вдалеке* будут *далёкий, даль, далёк, отдаление* (2 посылка); общей частью их основ является *-даль-*, значит, *-даль-* – корень слова *вдалеке* (вывод). *Разбор-суждение* отражает результат анализа, напр.: «В слове *вдалеке* корень *-даль-* – тот же, что в прилагательном *далёк/ий*, от которого оно образовано с помощью приставки *в-* и суффикса *-е-*».

2) По объёму и глубине языкового анализа различают разбор *частичный* и *полный*.

Полный разбор предполагает его выполнение по всем пунктам плана-образца. *Частичный* разбор – это выявление части признаков изучаемого языкового явления по отдельным пунктам плана-образца. Напр., при частичном морфемном разборе предлагается найти в слове/словах корень или др. морфему / морфемы (суффиксы, приставки, окончания) и обосновать ответ. Частичный языковой разбор, в т.ч. разбор-доказательство, является основой многочисленных упражнений для обучения полному разбору и развития мыслительных навыков.

3) Языковой разбор как метод обучения и соответствующий вид работы по форме и способу выполнения может быть *устным* и *письменным*.

С 70-ых годов XX века в учебники русского языка для 5–9 кл. принято включать варианты образцы устного и письменного разбора. К сожалению, такие образцы бывают спорными и не всегда имеются в учебниках для 10–11 классов и учреждений СПО.

Планы разбора, а также образцы его устного и письменного выполнения обусловлены рядом лингвометодических условий-принципов, на которые указывали известные лингвисты [например, 4: 141] и методисты [3: 114–121; 1: 30–31].

Слово должно рассматриваться на фоне родственных и одноструктурных слов, а также в совокупности всех присущих ему грамматических форм (связь с морфологией). При морфемном членении слов со скрытым йотом необходимо сначала установить звуковой состав слова/словоформы (связь с фонетикой). Необходимо устанавливать значения выделенных морфем, определять конкретную роль каждой морфемы в анализируемом слове (связь с лексикой). Требуется учитывать связи и отношения, существующие между производными и производящими словами, не смешивая словообразовательный анализ с этимологическим. Структура слова должна анализироваться с учётом

существования в языке омонимии слов и морфем и омонимии словообразовательной формы.

Формирование языковой компетенции – сложная задача на все годы обучения. Языковой разбор (в частности, морфемный и словообразовательный) в этой работе обязателен, т. к. способствует системному изучению теории по русскому языку, формированию практических умений и навыков, важных для усвоения лексики, морфологии и орфографии; развитию речи, логического мышления и языкового чутья, и воспитанию навыков самостоятельного учебного труда.

Список литературы

1. Жуковская О. А. Изучение словообразования в восьмилетней школе: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 112 с.

2. Острикова Т. А. Обучение учащихся IV–VI классов морфемному и словообразовательному разборам на основе различения производных и непроизводных слов: дис. ... канд. пед. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. 188 с.

3. Текучёв, А. В. Грамматический разбор в школе. М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1963. 398 с.

4. Шанский, Н. М. Русский язык. Лексика. Словообразование. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1975. 239 с.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

УДК 81

К. С. Иордан, Е. В. Семенова *
(Россия, Лесосибирск)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА СТРАНЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: концептуальная метафора, политический дискурс, разряды метафорических моделей.

В статье рассматривается проблема использования концептуальной метафоры в политическом дискурсе. Показана роль метафоры в создании образа страны в американском политическом дискурсе.

K. S. Jordan, E. V. Semenova
(Russia, Lesosibirsk)

CONCEPTUAL METAPHOR AS A MEANS OF CREATING THE COUNTRY'S IMAGE IN THE AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Key words: conceptual metaphor, political discourse, metaphorical level models.

The article deals with the problem of the usage of conceptual metaphors in political discourse. The role of metaphor in the creation of the country's image in the American political discourse is shown.

Манипуляция и воздействие на сознание человека с помощью СМИ – давно признанный факт. Особым средством реализации манипуляции над человеком является концептуальная метафора, функционирующая в политическом дискурсе.

Современная лингвистическая наука отходит от изучения собственно феномена языковой метафоры к рассмотрению стоящих за ней более глубоких процессов сознания. Сегодня метафора стала рассматриваться в тесной связи с процессом сознания, и, более того, в отношении к постановке гносеологических проблем. Такое новое открытие метафоры осуществилось, прежде всего, в англоязычной философской литературе и тесно связано с именами А. Ричардса, М. Блэка, Дж. Лакоффа и других ученых [2].

В когнитивных процессах сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми,

* © Иордан К.С., Семёнова Е.В., 2016.

хорошо знакомыми мыслительными пространствами (например, экономические и политические события сравниваются с играми, производственные конфликты с войной, любовь – с болезнью и т.д.).

Обратимся к понятию «дискурс». В современной науке оно трактуется двояко: как текст, актуализируемый в определенных условиях, и как практика или особый способ общения и понимания окружающего мира. В дискурсе отражаются менталитет и культура в национальном, всеобщем и в индивидуальном, частном планах.

В нашем исследовании мы трактуем политический дискурс как «...совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [1].

Общественная функция политического дискурса заключается в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и оценок. Цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию.

За последние десятилетия как на Западе, так и в отечественной литературе в контексте «неориторики» метафора становится мощным орудием воздействия, и публичное слово приобретает особую значимость. Потому столь важным и необходимым является анализ произносимых политиками метафор, так как это «...дает возможность выявить их скрытые установки и цели» [4].

Рассмотрим разряды метафорических моделей, опираясь на исследования А.П. Чудинова [3].

1. Антропоморфная метафора – субсфера "человек" как источник политической метафоры. При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к таким исходным понятийным сферам, как «анатомия и физиология», «болезнь», «секс», «семья». В данном случае человек моделирует политическую реальность исключительно по своему подобию.

2. Метафора природы – субсфера «природа» как источник политической метафоры. Источниками метафорической экспансии в данном случае служат понятийные сферы «животный мир», «мир растений», «неживая природа», то есть политические реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.

3. Социальная метафора – субсфера «социум» как источник политической метафоры. В подобных случаях исследуются концепты, относящиеся к таким понятийным сферам, как «преступность», «война», «театр (зрелищные искусства)», «игра и спорт», «экономика» и др.

4. Артефактная метафора – субсфера «объекты» как источник политической метафоры. Исследуются понятийные сферы «дом (здание)», «механизм», «транспортные средства» и т.п. В данном случае политические реалии представляются как предметы, созданные трудом человека.

Политический образ страны является решающим фактором для проведения международной политики государства, играет значимую роль в

международных отношениях, укреплении политических и экономических связей с иностранными государствами. Так, позитивный имидж страны способствует проведению международной политики и реализации выбранного политического курса. Он облегчает приток иностранных инвестиций в экономику страны, что в свою очередь стимулирует экономический рост государства. Негативный имидж страны, напротив, препятствует упрочнению положения страны среди других стран мира и замедляет процессы интеграции государства в мировую политическую систему и мировую экономику, что также сказывается на внутренней политике и экономике страны.

Перейдем к анализу примеров использования политических концептуальных метафор в современном политическом дискурсе США, формирующим образ этой страны. Исследования проводились на основе американской газеты «The New York Times» за период 1994-2014 гг.

Социальная метафора – наиболее часто встречающийся на страницах американских СМИ вид метафоры. Причем американский политический дискурс строится в основном на таких концептах как «война» и «игра». Основу составляют военная и игровая метафоры, отражающие ситуацию соревнования, поединка, которая основывается на непрекращающемся диалоге-дуэли между двумя сторонами: «партией власти» и оппозицией, в которой противники иногда нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление. Не случайно метафоры борьбы и боевых действий занимают важное место в корпусе политических метафор. Например, когда Барак Обама, 44 президент США, был переизбран на второй срок, газетные заголовки отразили данное событие метафорой победы: «*Obama Wins a Clear Victory, but Balance of Power Is Unchanged in Washington*» [6].

Для отражения соперничества между двумя политическими партиями СМИ используют метафору «нападение», которая относится к военной сфере: «*There has been a racist undertone to many of the Republican attacks leveled against President Obama for the last three years, and in this dawning presidential campaign*» [12]. Однако стоит отметить, что метафорическая атака представляет собой всего лишь элемент дискуссии, цель которой – поиск истины, а не физическое уничтожение противника.

Также для характеристики политической ситуации в стране используются военные метафоры, которые передают сходство между ведением мирной политики государства и политикой государства в условиях военного времени, например, метафоры «защита», «кампания» и «цель»: «*President Obama on Monday defended his decision to increase American involvement in Afghanistan, calling it a “a war of necessity” and warning an audience of military veterans that Al Qaeda was still plotting to attack the United States and would not easily be defeated*» [15].

Кроме того, военная метафора, используемая для описания международных отношений США, в данном случае метафора «враг», позволяет создать образ крупной военной державы, готовой применить агрессию при

осуществлении внешней политики: «*Mr. Romney countered that Russia «is without question our No.1 geopolitical foe»* [6].

Игровая метафора часто используется в американских СМИ для отображения внутренней политической игры. С помощью игровой метафоры описываются, например, кандидаты на президентских выборах 2008 года, которые словно соревнуются друг с другом, однако в этом случае отсутствует некая агрессивность, присущая милитарным метафорам: «*Obama plays it safe for a field goal. Clinton needs to hit a grand slam. McCain is preparing for a marathon. Candidates cannot afford any blunders, like Billy Conn trying to knock out Joe Louis in 1941»* [13].

Метафора шахматной доски, которая использовалась для характеристики политики Буша, направленной на урегулирование вопроса с Ираком, позволила в период правления Буша американским СМИ проводить параллель между политикой и шахматной партией и подчеркнуть ее значимость и сложность: «*The Bush folks are experts at throwing up chessboards and then leaving the room, with the pieces bouncing all over the floor, and not doing the follow-up because it interferes with their domestic political agenda»* [10].

Видится необходимым отметить, что использование игровой метафоры «игрок» нередко при характеристике активной роли США на международной арене: «*Should the U.S. Be a Political Player in Russia?»* [7].

Для описания различных ситуаций политической жизни США используются театральные метафоры и метафоры цирка. Так, часто в заголовках газет можно проследить метафору «цирк», которая подчеркивает малоэффективность деятельности политических институтов США: «*Show Time: The American Political Circus and the Race for the White House»* [14] или «*In America; The Circus That Is Whitewater»* [10] – заголовок статьи, посвященной крупному скандалу по поводу неэффективной траты крупной суммы денег администрацией США.

Действия политиков постоянно сравниваются с театральным представлением: «*Congressional hearings have always had an element of political theater, particularly since the rise of television in the late 1940s»* [11].

Особенно подобное сравнение становится заметным во время выборов: «*If a firm's polls overestimated Mr. Obama's performance in some states, and Mr. Romney's in others, it could have little overall statistical bias, since the misses came in different directions»* [13].

Артефактная метафора также активно используется в американском политическом дискурсе. Так в СМИ создается образ Правительства Соединенных Штатов Америки как четкого отлаженного механизма, в котором нет места ошибке, часто ассоциирующейся с человеческим фактором: «*What are the forces which make democracy in America work? It is easy to describe the so-called «machinery» of government; the Constitution, the statutes, the hierarchy of offices, the uneasy balance among legislative, judicial and executive branches»* [15].

Приведем пример антропоморфной метафоры.

Соединенные Штаты Америки представляют собой единый целостный организм: «*But the Burkean conservative believes that society is an organism; that custom, tradition and habit are the prime movers of that organism; and that successful government institutions grow gradually from each nation's unique network of moral and social restraints*» [8].

Однако в последнее десятилетие, отмеченное рядом проблем в политической (вопрос о выводе войск из Афганистана, вопросы о налогообложении и медицинском страховании) и экономической (экономический кризис) сферах, особое распространение получила метафора «*США – больной организм*». Так, например, политическая система рассматривается как зараженная, требующая лечения, а наиболее актуальные вопросы предстают в качестве некоей опухоли, от которой нужно избавиться: «*It's now considered reasonable to regard organs and limbs of the federal government — the E.P.A., the education department, the Federal Reserve — as tumors that must be removed. Taxation itself is now considered a parasitic pathogen rather than a crucial part of our social organism*» [6].

Проведенное исследование позволило сделать нам следующие выводы. В настоящий момент СМИ играют ключевую роль реализации политического дискурса и, следовательно, представляют собой важный инструмент реализации политического процесса. В результате анализа концептуальных метафор в американских СМИ можно воссоздать образ ведущей мировой державы, где основными тенденциями являются целостность и монолитность государства.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
2. Теория метафоры [Электронный ресурс] URL: <http://rutracker.org/forum/index.php> (дата обращения 20.01.2016).
3. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. 248 с.
4. Эпштейн О.В. Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. №2(2). С. 150-156.
5. Andersen K. Our Politics Are Sick // The New York Times, Aug. 19, 2011.
6. Baker P. Obama Wins a Clear Victory, but Balance of Power Is Unchanged in Washington // The New York Times, Nov. 7, 2012.
7. Bell J. Should the U.S. Be a Political Player in Russia? // The New York Times, Sep. 23, 2012.
8. Friedman T. L. Kicking Over the Chessboard // The New York Times, Apr. 18, 2004.
9. Nevins A. What Makes Democracy Work; The Politics of Democracy. American Parties in Action // The New York Times, Jan. 12, 1914.

10. Herbert B. In America; The Circus That Is Whitewater // The New York Times, Mar. 20, 1994.
11. Pitney Jr J. J. Benefits Even With the Politics // The New York Times, May 8, 2013.
12. Rosenthal A. Nobody Likes to Talk About It, but It's There // The New York Times, Jan. 3, 2012.
13. Silver N. Which Polls Fared Best (and Worst) in the 2012 Presidential Race // The New York Times, Nov. 10, 2012.
14. Simon R. Show Time: The American Political Circus and the Race for the White House // The New York Times, 1998.
15. Vecsey G. The Primary Season Is Embracing Sports Images // New York Times, Mar. 2, 2008.

К. В. Мазуров, Н. В. Немчинова, Н. А. Мазурова *
(Россия, Лесосибирск)

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ
ФУТБОЛА АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Ключевые слова: терминологический эквивалент, терминологический аналог, английский язык, русский язык, терминоведение, функциональный аспект

В статье рассматривается функционирование английских и русских футбольных терминов в речи футбольных комментаторов, устанавливается эквивалентность терминов.

K. V. Mazurov, N. V. Nemchinova, N. A. Mazurova
(Russia, Lesosibirsk)

**TERMINOLOGICAL EQUIVALENTS IN FOOTBALL
TERMINOLOGY OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES:
FUNCTIONAL ASPECT**

Key words: terminological equivalent, terminological analogue, terminology system, English language, Russian language, terminology science, functional aspect.

The article deals with the functioning of the British and Russian football terms in the speech of football commentators, the equivalence of terms are being established.

Вопросы функционирования языка, соотношения языка и действительности находятся в поле зрения лингвистов на протяжении многих лет. Этими проблемами занимается функциональная лингвистика, которая накопила к настоящему времени огромный исследовательский опыт.

В свое время эти вопросы поднимались В.П. Даниленко, В.М. Лейчиком и др., которые в своих работах подтверждают необходимость и закономерность обращения к функциональному аспекту изучения терминологии. «Наука о терминах (назовем ее терминоведением) должна изучать не только терминообразование, но и терминоиспользование, т.е. она должна заниматься систематическим, широким, обоснованным исследованием того, как функционируют реальные термины в реальных текстах – производственных, технических, научных, деловых, общественно-политических. Только в этом

* © Мазуров К.В., Немчинова Н.В., Мазурова Н.А., 2016.

случае терминоведение получит, наконец, верную картину структуры и функционирования терминов, сможет обосновать типологию терминов» [1: 52].

При изучении терминов различают сферу фиксации термина и сферу его употребления. Термин зафиксирован в различных словарях, энциклопедиях, академических изданиях, где он строго нормирован. Сфера функционирования термина - это различные специальные тексты, а также устные формы профессиональной коммуникации.

Для нас важным является замечание В.П. Даниленко: «Функциональный аспект в изучении терминологии имеет большое и самостоятельное исследовательское значение, поскольку все истинные свойства и качества термина проявляются только при функционировании его в специальных текстах или в устных формах профессионального общения» [2: 21].

Сфера функционирования футбольного термина - это различные пособия, программы, учебники, справочники для футболистов, статьи в специальных и популярных сборниках, журналах, газетах, а также речь футбольных комментаторов.

В данном исследовании рассматривается терминосистема футбола в английском и русском языках с точки зрения ее функционирования в речи, проведен анализ функционирования английских и русских футбольных терминов в речи футбольных комментаторов (комментарий финального матча кубка Англии между командами «Арсенал» и «Халл Сити»).

Английский комментатор	Русский комментатор
<p>3-я мин. матча Huddlestone! Oh, it's ended up in the back of the net! James Chaster got the touch. And it wasn't quite the rude that they anticipate it, but it's given Hull city the underdog. What could turn out to be a famous first goal? Wow, what a start! (Хадлстаун! О, мяч в итоге оказывается в сетке. Вряд ли они такого ожидали, но это выводит «Халл Сити» вперед. Что еще могло быть лучше этого гола. Невероятное начало!).</p>	<p>3-я мин. матча Готовится подача с левого от обороняющихся фланга...и...и...и... удар по летящему мячу пытался нанести и наносит восьмой номер Том Хадлстоун. И кто тот счастливчик, который сумел подправить мяч в сетку ворот? Счет открыт на четвертой минуте. Очень похоже, что это Алекс Брюс!</p>
<p>8-я мин. матча Quinn, good play from him. Oh, it's almost second goal. And it is! It's Curtis Davies' time! The defenders are doing the job, and Arsenal got no defence against them. This is the FA Cup! You'</p>	<p>8-я мин. матча На подборе сориентировался Стивен Куин, автор подачи с угла поля. И смотрите, какие моменты! Новый забитый мяч! Невероятное развитие событий. Еще даже</p>

<p>d better believe it. (Куин хорошо действует. О, это почти второй гол! И это так! Это Кертис Дэвис. Защитники делают свою работу, и «Арсенал» ничего не может им противопоставить. Это финал кубка! Поверьте!)</p>	<p>десятая минута не исполнена: два – ноль. Впереди Халл Сити!</p>
<p>16-я мин. матча Santi Cazorla! Arsenal one, Hull two. A classic free kick. And we're heading for a classic FA Cup. Nothing McGregor could do about it! (Санги Касорла! «Арсенал» - один, «Халл» - два. Классический штрафной удар. И нас ждет классический финал кубка. Маккгрегор ничего не может с этим поделаться).</p>	<p>16-я мин. матча Касорла-а-а! Хо-хо-хо! Поехал финал с самого начала. И «Арсенал» поддерживает это движение. Невероятно красивый мяч со штрафного забивает Санги Касорла. Они сквитали.</p>
<p>70-я мин. матча Cazorla's corner. And it turned in from very close range by Laurent Koscielny. He's the one the Arsenal players champ on! It's another defender. And Arsen Wenger's team have come back from 2-0 down at Wembley! (Касорла подает угловой. И Лоран Косельни буквально запихивает мяч в ворота. Еще один защитник. Команда Арсена Венгера отквитала два мяча на Уэмбли).</p>	<p>70-я мин. матча Касорла! Санья...и...и...и... мяч в сетке ворот! Лип Роберт сейчас покажет на центр поля. Лоран Косельни! 2:2! Финал! Финал! «Арсенал» возвращается.</p>
<p>108-я мин. матча They've got plenty of players forward here. Wilshere. Here's Giroud. Oh, brilliantly taken! Absolutely brilliantly taken by Aaron Ramsey. He's got on right and Arsenal finally lead deep into extra time! (Их встречают очень много игроков. Уилшир, Жиру! Какой великолепный удар с правой от Аарона Ремзи. «Арсенал»</p>	<p>108-я мин. матча Саного принимает мяч. Жиру отдает передачу пяткой, и мяч в сетке ворот. Забивает Ремзи! В этом есть какая-то справедливость. Тот самый парень, который больше всех бил последние минуты. Он вбивает-таки мяч, и получается гол арсенальским, комбинационным!</p>

наконец-то повел в конце дополнительного времени).	
121 мин. Arsen Wenger's nine-year wait is over! Arsenal nine-year wait is over! The FA Cup has, in the end, gone to Premier League form. (Девятилетние ожидания Арсена Венгера закончились. Девятилетние ожидания «Арсенала» закончились, финал кубка заканчивает сезон премьер лиги).	121 мин. И это свисток! Финал! И это победа и воздаяние ему за все те годы, за все времена, когда было трудно, когда ругали, когда насмехались, когда не верили! 3:2. Победа!

При анализе данных фрагментов воспользуемся определениями В.И. Сергевниной: «Функционируя в языке не изолированно, а в контексте, то есть в линейном ряду с другими языковыми единицами, термины имеют валентность и дистрибуцию, что и образует понятие синтагматики. При этом валентностью терминов мы называем их потенциальную сочетаемость с другими языковыми единицами, а дистрибуцией – реализованную в речи сочетаемость» [3: 174].

Существительное "мяч" пришло в футбольную терминологию из общеупотребительной лексики. В словаре Д.Н. Ушакова, **мяч** – "сплошной или полый внутри шар из какого-нибудь упругого материала, отскакивающий от твердой поверхности, употребляемый в детских играх и спорте. Играть в мяч. Футбольный мяч. Теннисные мячи. Волейбольный мяч".

В речи русского комментатора существительное "мяч" сочетается с прилагательными "летающий мяч", "новый забитый мяч", "невероятно красивый мяч". Изобразительный эпитет "невероятно красивый мяч" имеет в то же время эмоционально-оценочное значение. Красивым мяч может быть с точки зрения формы, цвета и т.д., в данном случае стандартная дистрибуция выражает значение, связанное с функционированием футбольного термина: забитый мяч красив с точки зрения исполнения удара и ситуации на поле.

Синонимической заменой существительного "мяч" является слово "гол" в речи английского комментатора: "What could turn out be a famous first goal?". (Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, "гол – мяч, забиваемый в ворота при игре в футбол"). Существительное "гол" выступает в английском комментарии и в основном своем значении: Oh, it is almost second goal. (В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, гол – в футболе и сходных командных играх: очко, выигрываемое после попадания мяча (шайбы) в ворота соперника).

Зрелищность футбола, сила и яркость впечатлений, возникающих при просмотре игры, предопределяют выбор комментаторами сочетаемого с существительным "мяч" глагола: "подправить мяч", " it turned in (буквально

запихивает мяч)", "вбивает-таки мяч", "have come back from 2-0 down (отквитала два мяча)".

Термин "мяч" легко сочетается с другими футбольными терминами: в речи русского комментатора "подправить мяч в сетку ворот", английский комментатор метонимически сокращает термин "Oh, it ends up in the back of the net" (О, мяч в итоге оказывается в сетке).

Футбольные термины легко поддаются метафорическим и метонимическим переименованиям. Если английский комментатор восклицает: "A classic free kick" (классический штрафной удар), то русский сокращает термин "красивый мяч со штрафного". Еще один пример: в английском комментарии: "Arsenal got no defence against them" (Арсенал ничего не может им противопоставить), "Arsenal nine-year wait is over" (девятилетние ожидания Арсенала закончились), русский комментатор подхватывает этот прием: "Арсенал поддерживает это движение".

Сравнение фрагментов комментариев позволяет увидеть следующее:

Оба комментатора крайне экспрессивны. Российский комментатор в большей степени необъективен: его симпатии явно на стороне клуба «Арсенал».

Оба комментатора используют футбольные термины. Английский комментарий: ball, net, goal, defender, cup final, free kick, corner, goal, team, shot, player, extra time, season, Premier league, Arsenal, Hull City, Huddersfield, Quinn, Curtis Davies, Santi Cazorla, McGregor, Laurent Koscielny, Wilshere, Giroud, Aaron Ramsey, Arsene Wenger.

Русский комментарий: подача, левый фланг, восьмой номер, удар, мяч, сетка ворот, счет, подбор, угловой, подача с угла поля, финал, штрафной, центр поля, финал, передача пяткой, комбинационный гол, свисток, победа, Арсенал, Халл Сити, Том Ходлстоун, Алекс Брюс, Стивен Куин, Санти Касорла, Санья, Лип Роберт, Саного, Жиру, Рэмзи.

Использованные термины эквивалентны друг другу. Оба комментатора употребили термины «мяч», «сетка ворот», «гол», «финал», «штрафной удар».

Встречаются почти совпадающие фразы: англ.: Oh, it's ended up in the back of the net! (О, мяч в итоге оказывается в сетке.). Русск.: И кто тот счастливчик, который сумел подправить мяч в сетку ворот? Англ.: A classic free kick (классический штрафной удар). Русск.: Невероятно красивый мяч со штрафного забивает Санти Касорла.

Таким образом, функциональный анализ футбольных терминологических единиц английского и русского языков показал высокую сочетаемость терминов с другими единицами языка, а также эквивалентность терминов, что обусловлено тем, что футбол является международным видом спорта.

Список литературы

1. Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминов//Вестник МГУ. 1972. № 5. С. 52-54.

2. Даниленко В.П. Актуальные проблемы лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии / под ред. В.П. Даниленко. М, 1986. С. 5-23.

3. Сергевнина, В.И. Парадигматика и синтагматика в терминологии / В.И. Сергевнина // Актуальные проблемы стилологии и терминоведения: тез. межгосударств. конф., посвященной 80-летию профессора Б.Н. Головина. Н. Новгород, 1996. С. 174-175.

А. В. Проскурина *
(Россия, Кемерово)

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: внутренняя форма, телеутский язык, семантика, фреймы, пропозиции, культура.

Статья посвящена обоснованию внутренней формы языка телеутов – одного из малочисленных коренных народов Сибири. В работе описаны межфреймовые ассоциативные связи, организующие содержательный план рассматриваемого языка. На основе этого выявлена установка телеутского языка на аналитическое описание мира и места человека в нём.

A. V. Proscurina
(Russia, Kemerovo)

REGARDING THE QUESTION OF THE TELEUT LANGUAGE INNER FORM

Key words: inner form, the Teleut language, semantics, frames, propositions, culture.

The article runs about the Teleut language inner form – the Teleuts is one of Siberian indigenous low-numbered peoples. In the article we describe interframe associative links that organize the content of the language analyzed. Based on it, we reveal the Teleut language attitude to analytical world description and man's place in it.

Каждый язык как особая коммуникативная система знаний и представлений говорящего на нём народа, как специфический способ формирования и хранения национальной культуры при разноаспектном исследовании раскрывает уникальность своей природы. Национальная самобытность языков проявляется прежде всего в их внутренней форме как детерминанте содержательного плана.

Категория «внутренняя форма», получившая первоначальное осмысление применительно к языку в трудах Вильгельма фон Гумбольдта, представляет собой «свойственный данному языку способ организации мыслительной материи» [5: 58], «способ осмысления», «модификации» её элементов [4: 149, 317], выполняет мыслеобразующую функцию, заключающуюся в «формировании мира представлений» [Там же: 316] и играет

* © Проскурина А.В., 2016.

роль в познании «подлинной картины хода мыслей и сцепления идей» [Там же: 182] в сознании народа. Внутреннюю форму языка можно рассматривать как мирозерцание, систему знаний, репрезентирующую национальный характер данного языка. Такой взгляд встречаем у И. А. Бодуэна де Куртенэ, который считал язык «особым знанием», поскольку «в языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих» [3: 79]. Иными словами, внутренняя форма языка демонстрирует механизм воплощения национальной культуры в сознании его носителей посредством кодирования разноуровневыми единицами. Учитывая, с одной стороны, динамичную природу языковой реальности и с другой стороны, происходящие в обществе процессы модернизации, следует предположить, что внутренняя форма языка может быть актуальной (живой), подвергаться забвению или стать утраченной. Благодаря живой внутренней форме язык, во-первых, используется как средство общения, познания, передачи культурного опыта, во-вторых, выступает способом самоидентификации народа.

Именно присущая тому или иному языку внутренняя форма обеспечивает его жизнеспособность в условиях функционирования в семиотическом пространстве культуры и позволяет носителям языка сохранить своё этническое самосознание.

Во внутренней форме языка заложен код организации его содержательного плана, отражающего модель мироустройства, которая типична для определённого языкового сообщества. Этот код задаётся типологическим устройством языка. «...Типологическое своеобразие языков зависит прежде всего от того, через схему какого целостного образа старается носитель языка намекнуть собеседнику на замысел своего высказывания, то есть какова схема номинативного смысла типичного высказывания на данном языке» [8]. Внутренняя форма языка – «то специфическое ограничение, которое накладывается на условия осуществления языком коммуникативной функции», что приводит «к различиям в системах языковых означаемых и в способах языкового мышления» [9: 25].

Цель настоящей статьи заключается в теоретическом обосновании внутренней формы телеутского языка и в выявлении её роли в сохранении национальной культуры телеутов. Постановка такой цели – закономерный шаг на пути описания внутренней формы телеутского языка посредством обнаружения особенностей его пропозиционально-семантического устройства. Творческим коллективом, работающим под научным руководством профессора Л. А. Араевой в рамках проекта «Описание фрагментов языковой картины мира телеутов» предполагается воссоздать постепенно утрачиваемую языковую систему через отражаемые в ней культурно значимые фреймы и сохранить её как национальное достояние народа путём лексикографического и монографического описания.

Телеуты относятся к группе коренных малочисленных народов Сибири. Будучи представителями народности тюркского происхождения, «они

относятся к кочевым скотоводческим тюркоязычным племенам "теле", входившим в тюркский каганат в VI–VIII веках» [6: 3]. На 2012 год численность телеутов составляла около 2 500 человек (ср.: по данным переписи населения 2002 года число телеутов достигало 2 650 человек). В настоящее время, как замечает Д. В. Кацюба, «определилась неизбежность утраты самобытности телеутской народности» [Там же: 7] и существует угроза исчезновения языка телеутов, который до сих пор остаётся не изученным лингвистами.

С одной стороны, носители телеутского языка осознают утрату его коммуникативной функции, язык преимущественно используется в бытовом общении старшего поколения: «Язык искореняется. Молодежь уже не говорит на нём. Дома родители с детьми говорят на русском». Такая ситуация прежде всего обусловлена ассимиляцией с русскоязычным населением и современным осёдлым образом жизни. С другой стороны, в сознании телеутов до сих пор актуализируются оппозиции «своё – чужое», «сейчас – сегодня», «тогда – раньше», что свидетельствует о сохранившейся по сей день этнической самоидентификации как опоре на родовые представления о мироустройстве: «Наши телеуты – одна целая родня; даже с лошадьми по-телеутски разговариваем; скованность свойственна телеутам, даже на выступлениях чувствуем себя скованно; телеутские женщины – преданные женщины». По наблюдениям за информантами – бачатскими телеутами, проживающими в с. Беково Беловского района Кемеровской области, видно, что, разговаривая в повседневной жизни на русском языке, они мыслят категориями родного языка, выражая любовь и уважение к своим корням, предкам, традициям, обычаям и ценностям.

В памяти телеутов сохранились в более полном объёме знания о реалиях, ситуациях, обрядах, которые и в настоящее время включены в их практическую жизнедеятельность. К сожалению, часть культурно значимой информации об укладе жизни в прошлом уже забывается, теряет актуальность в условиях современного существования телеутского народа. Поэтому необходимо запечатлеть образ мышления телеутов посредством проникновения во внутреннюю форму их языка, в которой, как в сокровищнице, хранится культурный опыт разных поколений телеутов.

Обнаружению внутренней формы телеутского языка, на наш взгляд, способствует описание его пропозиционально-семантического устройства, представляющего собой систему культурно значимых фреймов «Шаманизм», «Рождение ребенка», «Родственные связи», «Свадьба», «Одежда / обувь», «Пища, продукты питания», «Жилище», «Средства передвижения», «Охота», «Сенозаготовка», «Внутренние характеристики человека», «Конь». Фреймы не существуют изолированно друг от друга, поэтому в совокупности репрезентируют картину мира телеутов. Каждый фрейм, включающий лексические единицы одной тематической направленности, пересекается с другими фреймами через

пропозициональные ассоциации. Более полное описание пропозиционально-семантического наполнения некоторых из перечисленных фреймов представлено в работах Л. А. Араевой, И. П. Фаломкиной, К. Д. Андроновой [2], Л. А. Араевой и М. Н. Тарасовой [1], Е. Е. Максаковой [7], М. Н. Образцовой и М. А. Шадеевой [10], А. В. Проскуриной [11], И. П. Фаломкиной [12]. Мы остановимся на выявлении межфреймовых ассоциативных связей, которые устанавливаются между лексемами, входящими во фрейм «Пища, продукты питания», и лексемами других фреймовых блоков.

Анализ лексем, объединённых в рамках фрейма «Пища, продукты питания», позволяет расшифровать культурный код, который репрезентирует участие телеутов в бытовых ситуациях в связи с приготовлением пищи и напитков. Сам процесс приготовления пищи предстает многоэтапным. Он сопряжен с разными действиями со стороны человека (*пеленде* – готовить; *чечкеле* – рубить мясо; *каар* – жарить; *пулга* – мешать, взбалтывать; *пыжсыр* – 1) варить, 2) печь; *сус* – черпать; *ачыт* – заквашивать; *ышта* – дымить, коптить; *элге* – просеивать; *јаран парган* – растолстеть; *сийла* – угощать; *ашта* – голодать; *семир* – жиреть, толстеть; *семирт* – откармливать; *той* – насыщаться; *чайла* – пить чай и др.), предполагает средства (*мал эди* – конина; *уй эди* – говядина; *ј ыбран эди* – мясо суслика; *куш эди* – курятина и др.), орудия (*элгеқ* – сито, решето (*элге* – сеять, просеивать); *қалбуш* – мешалка; *пычак* – нож) и получение конкретного результата в виде отдельных ингредиентов, блюд, кушаний (*саламат* – это каша из молока и муки; *қурнуқ* – пирог с мясом; *тутмаш*, или *беж бармак* – блюдо из мяса коня и пресного теста; *қан* – кровяная колбаса; *қурган эт* – вяленое мясо, обычно конина, баранина; : *қаймақ* – сметана; *пыштақ* – сыр домашнего приготовления (от *пыш* – зреть, поспевать); *полчоқтор* – оладьи (от *полчоқ* – 1) ком, 2) круглый); *сүттү унаш* – молочный суп (*сүт* – молоко; *унаш* – лапша домашнего приготовления); *блиналар*, *алайлар* – блины (блюдо, которое телеуты позаимствовали у русских); *қатама* – хворост (*қату* – жёсткий); *табақ курсагы* – воздушное печенье, испечённое на блюде (*табақ* – тарелка); *қалач* – калач; *пёрёк* – пирог (пироги готовились с разными начинками: *пёрёк картоко* – пирог с картофелем, *пёрёк калина* – пирог с калиной, *пёрёк эди* – пирог с мясом и др.), связан со специальной посудой, кухонной утварью (*тепиш* – деревянная продолговатая чашка, в которую просеивали муку («стряпушки в неё складывали»); *табақ* – тарелка; *сусқы* – черпалка (*сус* – черпать); *темит* – чугунный горшок для варки; *қазан* – казан («чугунный, большой, в нём вкусно получается, раньше были чугунки на трёх ножках»); *куургыш* – чугунная чаша (*куур* – жарить); *чаар* – сковорода; *шабала* – ложка; *чойгён* – чайник и др.).

Мы видим, что в смысловой структуре большинства лексических единиц рассматриваемого фрейма вербализуется результативный компонент пропозиций, представленный в аспектах средства, способа приготовления,

места, признака (качества). Наряду с пропозициями «результат – действие – средство», «результат – действие – способ приготовления», «результат – действие – место» в сознании телеутов актуализируется пропозиция характеристики.

Составляющие компоненты ситуации приготовления пищи до сих пор сохраняют обрядовый характер, проявляющийся в повседневной жизни. Так, информант Р. Д. Шадеева, демонстрируя особенности приготовления телеутских пельменей, говорит: «Если человек с душой готовит, то может петь. Я сама, когда готовлю, платок надеваю. У меня есть специальный белый платок (*плат*). Платок завязываю, как уже замужняя женщина. Платок чистоту дает и защищает от волос». В данном контексте актуализируется ассоциативная связь между ситуациями приготовления блюда и ношением определённого головного убора, которая на языковом уровне устанавливается между лексемами «*пелмен*» (пельмени) и «*плат*» (платок на голову). На основе этой связи происходит взаимодействие фрейма «Пища, продукты питания» с фреймом «Одежда».

Национальные блюда – неотъемлемый атрибут всех телеутских праздников, включая и свадебный обряд, в котором выделялось три периода: досвадебный (сватовство), свадьба и послесвадебный. Каждый период был отмечен каким-либо культурно значимым действием, связанным с приготовлением угощения и его подачей на стол гостям. По словам Р. Д. Шадеевой, на свадьбе делали два стола: женский и мужской. На женском столе были *бежбармак*, *кайнаткан пёрёктор* и *калачиктар* (пироги и калачи, вскипяченные на раскаленном масле), *катама* (хворост), *табак курсак*, сок калины. Мужской стол был чисто мясным. Раньше на свадьбах существовал такой обряд, как *кюре*: мужчины собирались во дворе вокруг костра и ели свежесваренное мясо барана. Причем барана варили только со стороны жениха. На третий день свадьбы молодожены и родственники жениха делали пельмени и угощали родственников невесты, что происходит и в наши дни. Для сватовства тоже характерны обычаи, связанные с пищей и напитками: окропляли вином *эмегендер* – женский оберег; привозили продукты, вино, подарки в двух сшитых вместе кожаных сумках, помещаемых перед седлом по обе стороны лошади, – *арчмак* [2]. Становится очевидным, что блюда, продукты, напитки, реализуемые в пропозиции «результат – действие – средство» результативным компонентом, во фрейме «Свадьба» участвуют в ситуации проведения свадьбы и выступают в роли средства, необходимого для достижения конкретной цели.

Предназначенность частей мяса как угощения для определённых родственников на свадьбе (задняя часть барана на свадьбе у жениха давалась дядям невесты, а на свадьбе у невесты – дядям жениха – *уча*; грудинка барана предназначена родственникам жениха и невесты – *теш*) [6: 34] высвечивает значимость реалий, обозначаемых лексемами и

описательными конструкциями фрейма «Пища, продукты питания» для ситуаций, представленных во фрейме «Родственные связи».

Ситуация кормления характерна не только для взрослых людей, но и для родившихся детей, поэтому во фрейме «Рождение ребёнка» обнаруживаются лексемы, называющие действия с ребёнком: *азыра* – кормить; *умчыла* – кормить из соски; *эмис* – кормить грудью. Интересным представляется укладывание ребёнка в колыбельку, которое не прямо, а опосредованно было связано с ситуацией кормления. Чтобы отогнать злых духов и защитить новорожденного от влияния нечистой силы, его купали в корыте, из которого кормили собак. В данном обряде ситуация кормления сакрализуется, выполняет функцию оберега. Культурная маркированность трапезы проявляется и в её приуроченности к празднованию рождения ребёнка. Так, после родов для «очищения» роженицы устраивали три бани. *Калган мылча* – последняя баня. После неё собирались родственники и готовился обед в честь ребенка.

Процесс приготовления пищи и напитков предполагает локализацию, которая вскрывает взаимодействие фреймов «Пища, продукты питания», «Жилище» на уровне пропозициональных связей между лексическими единицами, обозначающими еду, ингредиенты для приготовления блюд, части дома, комнаты по назначению, постройки, хозяев дома, **мифологических существ, обитающих в доме**. Телеуты готовили либо в доме (*ўй* – название любого дома), либо на улице (во время свадебного обряда), используя *кемеге* – русскую печь или костёр. В доме отводится особое место для приготовления пищи (*қурзақ пыжырјитан јер* – кухня, букв. «место, где варят») и место для приёма пищи (*қурзақ танјитан јер* – кухня, букв. «место, где принимают пищу»). В смысловой структуре описательных конструкций реализуется пропозициональная структура «место по функционально значимому действию», связанная отношениями детерминации с пропозициональной структурой «результат – действие – средство». В свою очередь, ситуации приготовления и приёма пищи предполагают ситуацию угощения гостей, к которым телеуты относятся с особым уважением и почитанием. Этим обусловлено наличие в телеутском языке лексемы *төр*, обозначающей почетное место в доме. (*Аймакчыды төргө отырзага. – Посадить гостя на почетное место.*). Строительство дома тоже было культурно значимым событием, поэтому гостей угощали кашей *саламат* и кололи коня, части которого раздавали соседям.

Шаманизм как основная система верований телеутов в прошлом предопределил включённость в ситуацию приёма пищи духов наряду со взрослыми людьми и детьми. *Ўйдиң ээзи* является покровителем дома. Духа дома так же, как и духов леса (*сас ээзи*), гор (*туу ээзи*), огня (*от ээзи*), земли (*јер ээзи*), воды (*суу ээзи*), необходимо задабривать, кормить. Информанты отмечали, что во время традиционного свадебного обряда дух дома особым образом задабривался. Но сам ритуал задабривания, к сожалению, из памяти информантов стерся. Несмотря на это, описательное наименование духа дома

в лексической системе телеутского языка закрепились и оказываются потенциально включенным во фреймы «Пища, продукты питания» и «Шаманизм».

В сознании телеутов знания, хранящиеся во фрейме «Пища, продукты питания» в скрытом виде, актуализируются через установление причинно-следственных связей между ситуациями, обозначаемыми лексемами в рамках фреймов «Охота», «Конь», «Сенозаготовка».

Получение мяса, имеющего ценностную отмеченность в культуре телеутов, раньше было связано с ситуацией убоя животного или птицы на охоте (дикие животные) или дома (домашние животные). По словам информантов, в былые времена охотились на сусликов, лису, медведя, лося, били белку. Сейчас убой животных уже не является основным способом получения мяса, его покупают в магазине или на рынке. В ситуации убоя животные выступают в роли объекта, а полученное мясо – в роли результата. Это находит отражение в лексемах, в смысловой структуре которых вербализуется пропозиция «объект – действие – результат» (*айу* – медведь; *жыбран* – суслик; *тыйың* – белка; *эркек пулан* – лось; *пӧднӧ* – перепел; *сында* – рябчик и др.) и пропозиция «результат – действие – средство» (*мал эди* – конина; *уй эди* – говядина; *j ыбран эди* – мясо суслика; *куш эди* – курятина и др.). На охоту ездили на конях, поэтому во фрейме «Конь» существует описательная конструкция *ақдап аттанарга* (верховая езда на коне на охоту), в которой реализуется пропозициональная структура «результат по цели». Данная лексическая конструкция, наряду с описательным оборотом *темирказын чымтага керек* (при кастрации или при убое коня крест-накрест связывали все четыре ноги), расширяет знания о процессе получения продуктов питания и выступает показателем пересечения фреймов «Конь», «Охота», «Пища, продукты питания». Домашние животные воспринимаются телеутами не только как средство получения мяса, но и как объект ухода и заботы. Они нуждаются в кормлении, поэтому потенциально включены в процесс сенозаготовки. *Ӧлӧң* (сено) – еда для домашних животных. В его заготовке принимали участие лошади: *Ӧлӧңди малдар мынаң ақельяқ.* – Сено вывозили на лошадях. *Поварлар культстанда қурзақ пыширбалып малду обедты алтюретендер.* – На культстане работали повара, которые на конях развозили обед. В смысловой структуре лексемы *ӧлӧң* (сено) актуализируется результативный компонент пропозиции в рамках фрейма «Сенозаготовка», а во фрейме «Пища, продукты питания» сено уже становится значимым средством кормления животных. Получается, что одна и та же реальность, осмысленная носителями телеутского языка в разных, но предполагающих друг друга аспектах, устанавливает между фреймами «Сенозаготовка» и «Пища, продукты питания» отношения смысловой детерминации.

Выявленные нами межфреймовые ассоциативные связи, раскрывающие особенности мыслительной деятельности представителей телеутского этноса, обусловлены установкой языка на воссоздание и сохранение картины мира в

расчленённом виде, когда какой-либо артефакт или натурфакт предстаёт в тесной взаимосвязи с другим артефактом или натурфактом (т. е. в ситуации). Отсюда в языке телеутов наблюдается большое количество описательных конструкций, в которых компоненты пропозициональной структуры представлены эксплицитно. Обилие конструкций говорит о глубоком культурном освоении реалий сознанием телеутов. В отдельных лексемах только один компонент пропозициональной структуры вербализуется, а остальные компоненты содержатся имплицитно.

Обнаружив установку телеутского языка на аналитическое описание мира и места человека в нём, мы раскрыли его внутреннюю форму как детерминанту содержательного плана. На сегодняшний день внутренняя форма языка телеутов претерпевает реконструкцию и подвергается забвению в связи с тем, что носителей родного языка становится всё меньше и многие культурно значимые реалии, традиции, ценности забываются и уходят на периферию сознания современных телеутов. Поэтому первостепенным становится сохранение культурного наследия, отражённого в языке телеутского народа.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ № 14-04-00556.

Список литературы

1. Араева Л. А., Тарасова М. Н. Родственные связи у телеутов // Вестник Кемеровского государственного университета и искусств. 2013. № 3(24). Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 184–193.
2. Араева Л. А., Фаломкина И. П., Андропова К. Д. Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «Телеутская свадьба») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 238–244.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 2.
4. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М.: ИГ «Прогресс», 2001.
5. Зубкова Л. Г. Язык как форма. Теория и история языкознания: учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2003.
6. Кацюба Д. В. Материальная культура бачатских телеутов: учебное пособие. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1991.
7. Максакова Е. Е. Пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка (на примере рассмотрения словарной статьи «Рождение ребенка») // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 20. Кемерово: КемГУКИ. С. 89–96.
8. Мельников Г. П. Внутренняя форма русского языка – ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях // <http://philologos.narod.ru/melnikov-vf.htm>.
9. Мельников Г. П. Типы означаемых языкового знака и детерминанта

языка // Проблемы семантики. М.: Наука, 1974.

10. Образцова М. Н., Шадеева М. А. Специфика пчеловодческой лексики в телеутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10. Ч. 1. Тамбов: Грамота. С. 158–160.

11. Проскурина А. В. Пропозиционально-семантическая организация телеутского языка (на материале наименований пищи, продуктов питания) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. Тамбов: Грамота. С. 141–143.

12. Фаломкина И. П. Реализация фрейма «жилище» в телеутской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9. В 2-х ч. Ч. II. Тамбов: Грамота. С. 187–190.

Б. Я. Шарифуллин *
(Лесосибирск, Россия)

«WOMAN» В ПОЭТИЧЕСКОМ РОК-ДИСКУРСЕ ДЖИМА MORRISONA

Ключевые слова: рок-дискурс, языковая картина мира, Джим Моррисон, образ женщины, когнитивно-сопоставительный анализ.

В данной статье рассмотрен образ женщины, как один из ключевых фрагментов языковой картины мира американского поэта и музыканта Джима Моррисона.

B. Ya. Sharifullin
(Lesosibirsk, Russia)

THE «WOMAN» IN JIM MORRISON'S POETIC ROCK-DISOURSE

Key-words: rock-discourse, language picture of the world, Jim Morrison, image of woman, cognitive and contrastive analysis.

In the article the image of a Woman is considered, as one of the key fragments of the language picture of the world of American poet and musician Jim Morrison.

“Woman is a nigger of the world”
John Lennon

Конечно, поэтическое творчество двух выдающихся музыкантов и поэтов второй половины XX века, Джона Леннона и Джима Моррисона, во многом различно, как различаются и их языковые картины мира, но их объединяет

* © Шарифуллин Б.Я., 2016.

любовь к рок-музыке, слову и – к женщине. Поэтому я поставил эпитафией к статье строки из одноимённой песни Леннона 1971 года.

Но образ женщины в рок-поэтике Джима Моррисона по ряду параметров заметно отличается от аналогичного образа в поэтике песенных текстов «Битлз» [4].

В языковой картине мира Джима Моррисона сплетаются элементы европейской (античной, германской, кельтской) культуры и культуры североамериканских индейцев. Джим Моррисон создал и свой собственный культурный код, уже собственно американский, точнее, калифорнийский, и соответствующую мифопоэтику, отражённую в его поэтических текстах. Проявляется это и в создании образа женщины, прежде всего, именно американской, калифорнийской (альбом и заглавная песня «L.A. Woman», 1970). О концепте «женщина» см. [1-2], хотя с некоторыми выводами этих работ можно поспорить, но это не входит в задачи данной статьи.

Основные ипостаси женщины в поэтике Моррисона, как можно судить по его текстам, это «женщина-незнакомка» («Hello, I Love You»), «женщина-подружка», «женщина-возлюбленная», «женщина-лгунья», а значит, изменница («Break on through to the other side»), «роковая женщина», женщина потерянная или найденная, воспеваемая или проклинаямая. Эти образы можно встретить во многих его произведениях, но представлены они по-разному. Ниже они будут рассмотрены в общих чертах.

Для вербализации женского образа в текстах своих песен Моррисон использует такие «родовые» слова, как *girl, woman, baby, lady*. Косвенные репрезентации – обращение *you* «ты» или притяжательное местоимение *your* (все тексты цит. по: [3]):

*I found an island in **your** arms*

*Country in **your** eyes*

Arms that chain us

Eyes that lie («Break on through to the other side», 1967).

Я нашёл остров в твоих объятьях

Страну в твоих глазах

Объятия, которые сцепляют нас

Глаза, которые лгут.

Формы личного местоимения женского рода *she* и притяжательное местоимение *her*:

*Everybody loves my **baby***

*Everybody loves my **baby***

***She** get, **She** get, **She** get, **She** get high* («Break on through to the other side», 1967).

Каждый любит мою детку

Каждый любит мою детку

Она, она, она от этого торчит.

Рассмотрим еще один пример:

***She** holds **her** head so high*

Like a statue in the sky
Her arms are wicked, and **her** legs are long
When **she** moves my brain screams out this song
(«Hello, I Love You», 1968).

Она держит голову так высоко
Словно статуя в небе
Её объятия грешны, а её ноги – длинны
Когда она шагает, мой мозг выкрикивает эту песню

Перед нами образ «роковой женщины», завладевшей душой героя. В одном из вариантов текста этой песни слово *statue* дано с прописной буквы и с определённым артиклем: *the Statue*. Тогда получается, что Моррисон сравнивает эту свою женщину со Статуей Свободы, голова которой действительно находится в небе. Интересно, что в американском фильме «Охотники за привидениями-2» Статуя Свободы действительно шагает, оживлённая героями розовой слизью...

Впрочем, проиллюстрировать эту песню можно и такой картинкой:

Следует отметить, что использование местоимения *she* как репрезентации женщины вообще, у Джима Моррисона встречается очень часто. Может быть, это отражает вообще какой-то неопределённый образ женщины: **она** и всё. Хотя эта «Она» может воплощаться в разных ипостасях.

Вот ещё один интересный пример – песня «Love Street» (1968). Привожу текст полностью, чтобы смысл, вложенный в неё Джимом Моррисоном, стал понятен:

*She has robes and she has monkeys
Lazy diamond studded flunkies
She has wisdom and knows what to do
She has me and she has you
I see you live on Love Street
There's this store where the creatures meet
I wonder what they do in there
Summer Sunday and a year
I guess I like it fine, so far
She lives on Love Street
Lingers long on Love Street
She has a house and garden
I would like to see what happens
У неё есть одеяния, у неё есть обезьянки
Ленивый бриллиант, усеянный лакеями
У неё есть мудрость, она знает, что делать
У неё есть я и у неё есть ты
Я вижу, ты живёшь на улице Любви
Там есть магазин, где встречаются создания
Недоумеваю, что они делают там
В летнее воскресенье и весь год
Наверно, это прекрасно так всегда
Она живёт на улице Любви
Засиживается долго на улице Любви
У неё есть дом и сад
Хотел бы я увидеть, что там происходит...*

В этом произведении, как и во многих других для представления женского образа Моррисон использует только местоимение *she*. При кажущейся простоте женский образ не лишен метафоричности. Первоначально эта песня была стихотворением, написанное Джимом Моррисоном об улице в Лорел Каньон, одном из районов Лос-Анджелеса, штат Калифорния, где он жил со своей подругой Памелой Курсон. Моррисон и Курсон называли эту улицу улицей Любви, потому что они сидели на балконе и наблюдали за бесчисленными хиппи, проходившими мимо, а магазин, о котором идет речь, находился в доме напротив. Памела Курсон, «вечная возлюбленная» Моррисона, с которой он познакомился на калифорнийском пляже и потом то ссорился, то мирился, изображена во многих стихотворениях и песнях, посвященных ей, олицетворяя собой образы «женщины-подружки», «женщины-возлюбленной» и «женщины-лгуни», в одном, так сказать, «пакете».

Необходим, конечно, более подробный анализ этого текста в связи с присутствием здесь ряда иных образов, отражающих мировидение Джима Моррисона (например, *monkeys* это не просто «обезьянки», как и в песне «Битлз» «Everybody has something to hide, except for me and my monkey»), но это будет представлено в готовящейся монографии «Языковая картина мира Джима Моррисона».

Рассмотрим также некоторые из вариаций вербализации женского образа на примере одной из наиболее известных песен Моррисона «L.A. Woman» («Женщина из Лос-Анджелеса», из одноимённого альбома 1970 г.) [21].

*Well, I just got into town about an hour ago
Took a look around, see which way the wind blow
Where the little **girls** in their Hollywood bungalows
Are you a lucky little **lady** in The City of Light
Or just another lost angel...City of Night*

Следует отметить тот факт, что в этой песне, как и в ряде других присутствует прямое обращение к женскому образу: «Are you a lucky little lady in The City of Light» - «Ты маленькая счастливая леди в Городе Света, или просто ещё один потерянный ангел... Город Ночи». Возможно, здесь и речевая игра: слово *lady* в американском варианте английского языка означает не только «леди, т.е. благородная женщина», но и «женщина вообще (как обращение, например)».

*L.A. Woman, L.A. Woman
L.A. Woman Sunday afternoon
Drive thru your suburbs
Into your blues, into your blues, yeah
Into your blue-blue Blues
Into your blues, ohh, yeah
I see your hair is burnin'
Hills are filled with fire
If they say I never loved you*

*You know they are a liar
Drivin' down your freeways
Midnite alleys roam
Cops in cars, the topless bars
Never saw a woman...
So alone, so alone.*

Считается, что в этой песне рисуется образ Лос-Анджелеса как огромной женщины. В нем сливается образ женщины и образ города, в некотором роде этот метафорический женский образ показывает нам отношение к городу через отношение к женщине (*If they say I never loved you, you know they are a liar*).

В текстах песен Джима Морриса встречается также и отражение в образе женщины социально-бытовой линии. К примеру, в песне «Maggie M'Gill» из альбома «Morrison Hotel» 1970 г. Моррисон не только описывает женский образ, но и создает соответствующий антураж:

*Miss Maggie M'Gill, she lived on the hill,
Her daddy got drunk and left her no will,
So she went down, down to Tangie Town.
People down there really like to get it on.
Now, if you're sad and you're feelin' blue,
Go out and buy a brand new pair of shoes,
And you go down, down to Tangie Town,
'Cause people down there really like to get it on,
Get it on. Hey!*

*Мисс Мэгги М'Джилл жила на холме,
Ее отец напивался и она оставалась сама по себе,
Так что она отправилась в "Танги-таун",
Где люди по-настоящему любят повеселиться.
Теперь, если ты печальна и тебе грустно,
Поди купи себе пару новеньких туфель
И отправляйся, отправляйся в "Танги-таун",
Ведь люди там по-настоящему любят повеселиться,
Повеселиться. Эй!*

Заданный в этой песне женский образ поддерживается не только антуражем, но и соответствующим именем *Maggie M'Gill*. При кажущейся простоте образа и смысла текста, оно пронизано некой двусмысленностью. Смысл этой песни можно трактовать двояко, так же как и образ Мэгги.

Так же в творчестве Моррисона выделяется образ несчастной потерянной девочки, в полной мере отразившийся в альбоме «Strange Days» («Unhappy Girl» и «You're Lost Little Girl»):

*Girl, unhappy girl,
Left all alone,
Playin' solitaire,
Playin' warden to your soul;
You are locked in a prison of your own device*

*And you can't believe what it does to me
To see you cryin'...
Позабитая всеми,
Несчастливая девочка...
Ты раскладываешь пасьянс «Солитер» (т.е. «одинокий. – Б.Ш.),
Играешь с тюремщиком, охраняющим твою душу:
Ты заперта в темнице,
Построенной тобой же...
Ты не представляешь, что я чувствую,
Видя, как ты плачешь...
(«Unhappy Girl», 1967)*

Образ «женщины-незнакомки», в которую герой влюблен уже с первого взгляда, встречается впервые в песне 1968 г. «Hello, I Love You» из альбома «Waitin for the Sun»:

*Hello, I love you
Won't you tell me your name?
Hello, I love you
Let me jump in your game
Привет, я люблю тебя
Ты не скажешь, как тебя зовут?
Привет, я люблю тебя
Дай и мне впрыгнуть в твою игру.*

Выражение *jump in smb's game* в американском сленге означает предложение совместно участвовать именно в любовной игре.

Философское восприятие мира Джимом Моррисоном, его ЯКМ практически полностью отражены в его поэзии, его песнях. Песни Моррисона были кристально чисты. Он чувствовал каждое слово и передавал это ощущение всем без исключения. Он писал гениальные тексты и был, прежде всего, великолепным поэтом. Он пел о том, что чувствовал, видел и хотел увидеть. Моррисон смог стать «дверью восприятия» для многих людей, приоткрывая которую каждый совершал некий переход, скачок в другой мир отношений, начинал воспринимать мир по-другому.

Список литературы

1. Васюк В.В Концепт «женщина» в статике и динамике фразеологии английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2002. 145 с.
2. Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции "Мужчина / Женщина") // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 180-187.
3. Тексты песен The Doors. URL: <http://www.amalgam-lab.com/songs/d/doors.html> (дата обращения 24.01.2016).

4. Шарифуллин Б.Я. Языковая картина мира The Beatles. Когнитивно-типологическая реконструкция: монография. Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, 2014. 230 с.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ответственный и научный редактор Б. Я. Шарифуллин

Подписано в свет 16.04.2016 г.

Тиражируется на машиночитаемых носителях

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел, факс (391)206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail publishing_house@sfu-krasu.ru